DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/polnoesobraniera01vein

Weinberg, Pavel

4—

Павелъ Вейнбергъ.

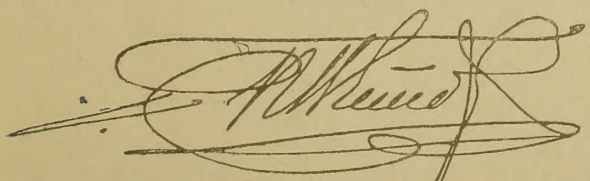
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
РАЗСКАЗОВЪ И СЦЕНЪ,

(съ портретомъ автора).

8-е изданіе.

(XXV-я тысяча).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Попова. Невскій, въ зд. Пассажа.
1896



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

РАЗСКАЗОВЪ и СЦЕНЪ.

Дебютантка.

Зналъ я ее еще маленькой дѣвочкой. Какъ теперь вижу я ее съ веселымъ, живымъ, умненькимъ личикомъ, бѣгающей по скромнымъ комнаткамъ своей квартиры. И добрые люди были ее родные: отецъ былъ суфлеромъ въ мѣстномъ театрѣ, а мать за хозяйствомъ смотрѣла, дочку уму-разуму съ малыхъ лѣтъ учила, да кое-какъ воспитывала ребенка. Трудненько матери приходилось и обшить и обуть и научить современемъ уже выроставшее дитя на скромныя средства, получаемыя суфлеромъ; а получалъ тогда суфлеръ мало; да и то хорошо, если антрепренеръ подберется хорошій и деньги сполна отдаетъ; а то такіе попадались, что недодадутъ жалованья, да не отдадутъ за переписку ролей,—тогда

плохо приходилось дядѣ Данилѣ,—такъ всѣ привыкли звать старика суфлера. И ни на кого онъ не жалуется, никого не бранитъ, а только съ горя напьется, да и ляжетъ спать; въ домѣ никогда не буянилъ. А чуткая впечатлительная Саша все это видитъ, все понимаетъ, да и начнетъ къ матери ластиться: «Мамочка, а папка напился, вѣрно ему денегъ опять въ театрѣ не отдали; ты, мамочка, не плачь; я вѣдь съ тобой, я твоя дочка». Нѣжно, тепло говорила она, точно большой человѣкъ. Подростая и слушая постоянно театральные разговоры, пристрастилась Саша къ театру. Да и какъ было не пристраститься? Вечера постоянно съ отцемъ и матерью въ театрѣ; дома только театральный интересъ. Посмотритъ, бывало, хорошую пьесу, недурно разыгранную, и загорится вся; всю ночь мечется; а на-утро, за чаемъ, начнетъ свои разсужденія—объ игрѣ и пьесѣ; судила она хорошо, толково. Съ малыхъ лѣтъ въ ней началъ проявляться несомнѣнный драматическій талантъ. Помню я, ей было тогда девять лѣтъ, играли драму «Скользкій путь». Дядю Данилу долго просили позволить Сашѣ играть больную дѣвочку. Долго отнѣкивался

дядя: «Она у меня нервная, болѣзненная; да рано ей еще выступать на подмостки». И не позволилъ бы старикъ, да Саша очень ужъ просила; раскраснѣлась вся, болтаетъ, молитъ отца.

— Папочка, миленькій, добрый, гладенькій, позволь мнѣ играть.

— Да не съумѣешь ты, милая, гдѣ тебѣ съ актерами играть, отговаривалъ ее отецъ.

— А вотъ посмотри, какъ сыграю; я это чувствую!

Девятилѣтній ребенокъ уже чувствовалъ!

Велика же ты сила настоящаго таланта!

Согласился отецъ, и репетиціи начались. Я очень любилъ Сашурку и не пропускалъ ни одной репетиціи; роль свою выучила она на зубокъ; читала она ужъ тогда хорошо, да и мать, вѣрная спутница всѣхъ ея радостей и дѣтскаго горя, помогала много ей. На репетиціяхъ она играла очень не дурно и была въ восторгѣ отъ похвалъ актеровъ. Въ спектаклѣ-же мы видѣли передъ собой настоящую актрису, а не ребенка. Не было въ театрѣ ни одного не прослезившагося лица, слушая ея болѣзненный сухой кашель, смотря на ея страдающее лицо. Успѣхъ былъ

громадный; ее вызывали безъ конца. За кулисами ее цѣловали, она перелетала съ рукъ на руки. Я подошелъ къ ней. «Что, Сашукъ, довольна ты, хорошо тебѣ апплодировали?». «Ахъ, какъ мнѣ хорошо,—кинулась она ко мнѣ на шею и обхватила меня рученками,—ахъ, какъ мнѣ хорошо; еслибъ мнѣ позволили, я бы этого платья, что играла, всю ночь бы не сняла; только сердце сильно очень бьется». Я приложилъ руку къ сердцу; оно билось сильно, неровно, какъ у пойманной птички; я тогда не обратилъ на это особеннаго вниманія. Антрепренеръ далъ ей разовыхъ десять рублей. Мы поѣхали къ старику послѣ спектакля — порадоваться за успѣхъ дочурки. Боже, съ какимъ восторгомъ влетѣлъ въ комнату ребенокъ, держа въ сжатомъ кулачкѣ деньги. «Папка, мамочка, я деньги заработала; теперь ужъ папка не будетъ столько работать; теперь я буду работать! Всѣ мы посмѣялись отъ чистаго сердца новому работнику. А старикъ бѣдный прослезился; обидно ему стало, что дитя малое ужъ хлѣбъ съ малыхъ лѣтъ своими дѣтскими трудами заработывать начало. Спектакль, по желанью всей публики, изъ-за Саши повто-

рили. И теперь былъ полный экстазъ. Дѣвочка сіяла отъ счастья, только сердчишко билось ужъ до того сильно, что надо прикладывать было компрессы, чтобы успокоить Сашу.

Порѣшили родные ея, что рано ей еще играть; очень ужъ она нервная: «Подожди, Саша,—говорила ей мать,—вотъ выростешь, наукамъ разнымъ выучишься; религіи я тебя научу, а тогда и играть спектакли станешь».

«Ахъ, мамочка, да я хоть въ одинъ день готова всему научиться, только-бы скорѣй выросли».

Переѣзжалъ лѣтомъ дядя Данило съ семействомъ на дачу; но и тамъ Саша проводила время не по дѣтски. Дѣти рѣзвятся, играютъ, а Саша съ книжкой сидитъ; пьесу какую-нибудь читаетъ, а потомъ долго-долго въ зеркало глядитъ и опять за чтеніе принимается. Насилу ее гулять вытащишь. Росла Саша на моихъ глазахъ до шестнадцати лѣтъ и превратилась въ прелестную дѣвушку: очень хорошенькая блондинка, хорошо сложенная, съ прелестнымъ трогающимъ голосомъ и удивительными глазами, всегда впрочемъ грустными, она очаровывала каждаго. Наконецъ-

то Саша должна была въ началѣ театральнаго сезона дебютировать въ мѣстномъ театрѣ. Даже въ городѣ были заинтересованы этимъ дебютомъ: кто не зналъ красотки Саши, кто не желалъ добра, не радовался за нее. — Про дебютантку и говорить нечего. Цѣлые дни она изучала роль и страшно ажитировалась; она и теперь жаловалась, что сердце сильно бьется. Полюбилась ей очень пьеса «Не въ свои сани не садись» и въ роли Дуни она дебютировала. Репетиціи шли прекрасно. Видно было, что громадный успѣхъ Саши обезпеченъ. Многіе знакомые собрались поднести ей букеты, для приданія куража. Бѣдное дитя, не сбылись ихъ желанья!

Въ день спектакля Саша была какъ-то особенно оживлена; глаза блестѣли, пульсъ бился лихорадочно. Родные боялись за нее; я утѣшалъ ихъ, на сколько могъ, и не отходилъ отъ нихъ до шестаго часа, времени собираться въ театръ и, пожелавъ дебютанткѣ полнаго успѣха, въ которомъ не сомнѣвался, отправился домой. Но не прошло и полчаса времени, какъ ко мнѣ влетѣла кухарка суфлера съ крикомъ «скорѣй къ намъ!» и выскочила обратно. Я жилъ близко и черезъ нѣ-

сколько минутъ я ужъ былъ тамъ, хотѣвши спросить, что случилось, но войдя въ комнату, я онѣмѣлъ, остолбенѣлъ! Какая страшная картина представилась глазамъ моимъ! Теперь еще, когда пишу эти строки, я дрожу отъ воспоминанья, отъ всего ужаса той картины, какую я засталъ. У окна сидѣлъ, обнимая жену, дядя Данилъ; рыданья, ужасныя рыданья, цѣлыя волны слезъ, говорили о чемъ-то страшномъ; подлѣ нихъ стоялъ театральный докторъ въ слезахъ, а на диванѣ лежала общая любимица Саша! Я не могъ шевельнуться...

— Отъ разрыва сердца,—могъ только выговорить плачущій докторъ...

Стоитъ на кладбищѣ скромный памятникъ, вѣчно покрытый свѣжими цвѣтами,—и почти никто не проходитъ мимо, чтобы не снять шляпы и не перекреститься!

Миръ праху твоему, молодой, неразвернувшійся, къ несчастью, русскій талантъ!

Наемъ дачи.

Осипъ Соломоновичъ Хапзонъ съ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ его супруги, тольстой Сары, трехъ дочерей — Миленьки, Циленьки и Манички, двухъ мальчиковъ Давидки и Янкеля сидѣлъ за чайнымъ столомъ. На главномъ мѣстѣ возсѣдала теща Хапзона. Самъ Хапзонъ сидѣлъ въ халатѣ съ газетой въ рукахъ и закрывался ею отъ тещи, которая его ненавидѣла. — Квартира была довольно богато убрана, хотя и страшно безвкусно. Вещей было очень много, но одна къ другой не подходила, и сразу можно было догадаться, чѣмъ занимался Хапзонъ. Онъ былъ только ростовщикъ. Тѣ вещи, коимъ сроки были пропущены—продавались, а нужныя оставались въ пользу хозяина. Во всемъ

было притязанье на шикъ, но, увы, шикъ этотъ былъ очень плохъ. Особенно подгаживала дѣло его теща. Это была толстая, грязная еврейка въ большихъ бронзовыхъ серьгахъ. Скупа была до жадности, грязна до отвращенія. Особенно внучки ея Миленька, Циленька и Маничка, корчащія изъ себя свѣтскихъ барышень, возмущались отъ каждаго поступка бабушки и говорили, что «бабушка вшакава разъ до конфужливость доводитъ; всякого человѣкъ сразу можетъ догадываться, что ми зъ еврейскаго народу». Новыхъ модъ она не переваривала и при каждомъ нарядѣ она называла внучекъ «дурацкими коровами». Тѣ выходили изъ себя. Вѣчно въ домѣ шли препирательства. Какъ только три сестры собирались куда нибудь выйти, бабушка сейчасъ начинала приставать.

— Куда вы опять входите?

— Ми немножки въ проходку, въ Гостинаго дворъ.

— Ви завсёмъ какъ дворники; ви вшегда въ дворъ ходите!

— Оштавьте, бабишка; отъ васъ кромѣ ашкарбительство, никакого лашки нельзя получить.

— Вамъ надо лашку? вамъ только тор-нюры надо въ два аршинъ; вамъ надо съ глазами только всякому шарлатану гримасы дѣлать!

— Циленька, пойдемъ душка; бабишка сто лѣтъ слушать надо.

— Вамъ прикащики на Гостиннаго дворъ лучше слушать?

Вступался за дѣтей Хапзонъ.

— Мадамъ тещу, я вамъ прошу, аштав-ляйте моего дочки; ви ни ихъ папынька, ни ихъ мамынька, чтоби имъ за вшякаго дѣла чахотка дѣлать.

— Они отъ вшякаго чахотка закриваются съ своего турнюру;—что я чужаго человѣкъ ждѣсь, что вжэ приказивать не могу?

— Я ждѣсь распиражаюсь! Ежели у нихъ маленькова нужда, ви можете съ ними раз-гиваривать, а ежели большаго нужда, они ко мнѣ или къ маменька ходятъ.

— Я вшигда виноватая; охъ, ежели би я жнала этого прежде, когда моя дочку била холастая!

— Мадамъ, я съ вашего дочку поженился, а ви только какъ проценты на капиталу ждѣсь сидите.—Оштавляйте меня!

Въ описываемое утро разговоръ шелъ о наймѣ дачи. Хапзонъ читалъ въ газетѣ объявленіе. Дочки были ажитированы и перешептывались о чемъ-то очень пріятномъ, закатывая ежеминутно глаза къ потолку, на которомъ, между прочимъ, висѣло пять закладныхъ лампъ. Мадамъ Хапзонъ была совершенно равнодушна къ окружающимъ и только ѣла варенье большой ложкой, несмотря на утро. Мальчики Давидка и Янкель были уже вымазаны чернилами и накладывали себѣ полонъ ротъ булокъ. Теща была въ грязно-неряшливомъ дезабилье; одинъ чулокъ былъ сѣрый, а другой красный; каждую минуту она закладывала пальцы въ носъ, какъ будто желала убѣдиться, на мѣстѣ-ли онъ.

— Папынька, что-же, находили ви что нибудь?—спросила Миленька.

— Ждѣсь ничего нѣту. Надо прямо ѣхать шмотрѣть въ Павловску.

— Ахъ, восторгательство!—закричали дочки; какъ ми туда хочимъ; какъ ми туда хочимъ, ежели би ви только знали!

— Вамъ надо на Павловску ѣхать? вѣрно ви себѣ новаго тарнюры покупали, чтобы платье завшѣмъ лопнуло.

— Папынька, видите, бабишка намъ опять чахотка дѣлаетъ!

— Я вамъ чахотка дѣлаю? Я буду пашматривать, что ви себѣ на Павловскѣ ждѣлаете.

— Ми лѣтомъ безъ музика не можемъ. Ахъ, Цилинька, ми опять гошподинъ Главачъ увидимъ.

— Главачу? Я же вамъ ражгиваривала, что они и тамъ себѣ уже прикащику съ Гостинаго дворъ находили.

— Это, во первого, не прикащикъ, а который съ музикой распоражается; какой у него превосходнаго борода!

— Ви скоро зъ сго борода шаньоны будете дѣлать!

— Папынька, защищайте насъ отъ бабишка.

— Мадамъ теща, прошу васъ не заставляйте меня выскакивать изъ терпѣнію и аштавляйте невинныхъ дѣвушекъ съ покоемъ!

— Я всегда виноватая! Охъ, ежели би я знала этого, когда моя дочка била холостая!.. Давидка, что ти такъ на меня смотришь; зачего ти такъ вилупливалъ глаза?

— Минѣ муха въ роту влетала!

— Такъ плевай шкорѣй на полъ.

— Я вжэ ее проглатилъ.

— Шматрите, онъ съ мухой! что теперичка будетъ?

— Мадамъ теща, оштавляйте муха. Дѣти, ми шагодня въ пять часовъ ѣдемъ въ Павловску; теперичка я пойду въ контора.

Въ пятомъ часу семейство Хапзона подъѣхало къ вокзалу Царскосельской дороги. Въ наемной каретѣ сидѣли папенька, маменька, теща, три дочки съ ужасающими турнюрами и два сынка. Началась высадка изъ экипажа. Папенька вылѣзъ спокойно и сейчасъ-же надѣлъ заложенное у него золотое пенсъ-нэ; дочки поправляли другъ у друга турнюры, съѣхавшіе на бокъ отъ тѣсноты въ каретѣ; маменька выползла и начала сейчасъ-же спрашивать гдѣ буфетъ, а толстая теща никакъ не могла пролѣзть въ дверцы кареты и ее вытаскивали всѣ члены семейства съ подоспѣвшимъ на помощь жандармомъ. Кое-какъ вытащили, но она такъ закричала «гвалтъ» во всю улицу, что всѣ прохожіе разразились хохотомъ.

Три барышни вспыхнули.

— Бабишка насъ всегда какъ раки красными дѣлать заставляетъ!

Папенька пошелъ брать билеты.

— Позвольте мнѣ шесть билеты для моего шемейство безъ всякаго остановка до самаго Павловску, въ третьяго классу.

— Три рубля.

— Ежели у васъ билеты берутъ гуртомъ, такъ развѣ уступки не дѣлаютъ?

— Нѣтъ.

— Это вжэ напрасно; ви би гораздо больше могли заработать.

Пошли въ вагоны; передъ входомъ потребовали билеты. Папенька предъявилъ шесть штукъ.

— За дѣтей еще пожалуйте два дѣтскихъ билета.

— Но что вамъ билеты; они вѣдь съ нами ѣдутъ; я ихъ папенька!

— Это все равно-съ; безъ билетовъ пускать нельзя.

— Вы ихъ вѣрно не хорошо разсматривали; они завсѣмъ маленькаго дѣти; они ужь два года въ перваго классу сидятъ въ гимназіи; они даже переходить не могутъ!

— Какъ угодно; только извольте пойти взять билеты.

— А ежели поѣздъ безъ меня будетъ уходить?

— Не безпокойтесь, еще не было втораго звонка.

— А ежели они сразу будутъ дѣлать и втораго и третьяго звонку?

— Будьте покойны; успѣете.

Покорился Хапзонъ; взялъ билеты; всѣ усѣлись, и поѣздъ тронулся; барышни шептались; маменька сейчасъ же заснула; папенька купилъ газету; дѣти жрали сразу четыре пирожныхъ и три бутерброда; одна теща не могла успокоиться.

— Гашпадинъ кондукторъ, кричала она,— съ нами несчастья никакого не будетъ?

— Будьте покойны.

— А такого костоломательство, какъ на Московской дорога, не будетъ? Тамъ тоже всѣ покойные были, покудова не переворачивались... И для чего ми только ѣдемъ въ этого Павловску? Тамъ завсёмъ плохова воздухъ; тамъ такого сырость, что сидѣть нельзя.

— Мадамъ тещу, ви ошибаетесь, тамъ воздуху отличный, тамъ много нашихъ живутъ.

— Хорошего воздуху; я въ прошлаго годъ на скамейка сидѣла завсёмъ сухая, а къ вечеру уже вся мокрая била.

— Ахъ, бабишка, вы, вѣрно, на сырого мѣсто сидѣли; а намъ такъ всегда очень сухо сидѣть.

— Вамъ, зъ вашими торнюрами вездѣ сухо будетъ, а мнѣ мокро!

— Папенька, она опять къ намъ приставастъ; насматрите, публика уже немножко смѣется.

— Что менѣ публика, когда менѣ мокро!

Въ вагонѣ раздается смѣхъ.

— Бабишка, ради Бога, переставайте; вжэ надъ вами смѣются!

— Что менѣ за дѣло, что смѣются; нехай цѣлаго дорога смѣется, а я всетаки буду разговаривать, что менѣ тамъ мокро.

Хапзонъ дѣластъ видъ, что не слышитъ, и старается съ кѣмъ-то заговорить о политикѣ. Къ счастью дѣвицъ поѣздъ подходитъ къ Павловску. Масса народа выскакиваетъ на платформу. Семейство будитъ маменьку; вылѣзаютъ и путаются среди публики. Теща кричитъ на весь вокзалъ.

— Не потеряйте мене; я слабая, я больной; я одна здохну ждѣсь; садите меня скорѣй на сухово мѣсту.

Дочки побѣжали впередъ и усѣлись подлѣ эстрады оркестра.

— Цилинька, ти ни повѣришь, какъ мнѣ стучитъ въ сердцѣ, въ самаго глубокаго середкѣ, что я скоро Главачъ увижу!

— Онъ на меня тоже ужаснаго содрагательство производитъ.

— Я даже на мѣсто сидѣть не могу, когда онъ съ палка махаетъ; сколько у него восхитительство! Онъ какъ пухъ легкій, воздушнова; онъ капидонъ.

Барышни визжали; маменька съ мальчиками уже объѣдались въ буфетѣ пирожнымъ; теща сидѣла отдѣльно и ругалась съ зятемъ.

— Я вамъ, мадамъ теща, въ послѣдняго разъ прошу, оставляйте меня; вы менѣ на каждаго шагу яду дѣлайте.

— Я яду дѣлаю! Охъ, сжели би я знала, когда моя дочка холостаго била!.. Пошмотрите только, какъ моя Сара страдаетъ; это грабительство; вы ее, это бѣдное дите, себѣ какъ будто въ залогу брали!

— Я только жалѣю, что ви, мадамъ тещу, не въ залогѣ у меня; потому пришелъ бы тогда хозяинъ отъ залога и викупалъ бы вамъ отъ меня; а теперечка вы какъ просроченнаго вещь у меня въ шеѣ сидите!

— Сара, слышишь, какъ онъ менѣ обижаетъ; какъ онъ менѣ благодарность дѣлаетъ! Чтобъ ви лучше здохли, какъ такого паскудство разговаривать!

Хапсонъ отошелъ. Теща ужь кричала на всю залу.

— Ты шарлатанъ; ты моя дочка замучивалъ; она бѣднаго, даже ни одного кусокъ въ горло положить не можетъ; она завсемъ изнурялася; у нее только одинъ кусочекъ на мѣсто грудь осталось; ой, давайте минѣ машина, скорѣй домой ѣхать, отъ этого сибиршкаго разбойнику, потому у меня всѣ кишки тянутся!..

Публика вокругъ хохотала.

Хапзонъ плюнулъ и пошелъ отыскивать дачу.

Любительскій спектакль.

Въ губернскомъ городѣ О*** затѣвался любительскій спектакль. Устроить это дѣло взялась вся знать и молодежь города. Играть собирались, какъ выражались дамы, въ пользу этихъ бѣдныхъ, «бѣдныхъ», которымъ ѣсть нечего, которымъ надо помочь чѣмъ-нибудь.

— Мы имъ поможемъ,— говорили дамы,— мы дадимъ имъ разговѣться; о, какъ дорого яичко въ Христовъ день!

— Да, вѣдь, теперь еще постъ,—отзывался правитель канцеляріи губернатора, толстякъ, среднихъ лѣтъ и большой скептикъ, — а играть-то вы будете на Пасху.

— Да, да, на Пасху, и это прійдется какъ разъ кстати.

— Хороша стать! Играть-то будутъ на четвертый день праздника?

— Ну, такъ что-же?

— Когда же бѣдные-то яицъ и куличей успѣютъ купить, чтобы разговѣться?

— Когда?.. Ну, они хоть на Ѳоминой это съѣдятъ. Ахъ, какъ я рада, если спектакль устроится; моя дочь такъ хочетъ играть, да и я что-нибудь сыграю и только для бѣдныхъ, для бѣдныхъ.

— Будетъ-ли еще сборъ у васъ; вѣдь актеры всю зиму играли у насъ; намозолили довольно глаза публикѣ.

— То актеры, а мы благородные любители; моя дочь будетъ играть; я надѣюсь, что есть разница между какой-нибудь актрисой и дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника?

— Дай вамъ, Боже, успѣха, а только смотрите, выгоритъ-ли дѣло.

— Я возьмусь за все, сегодня-же начинаю.

Заварилась каша. Пошла, какъ говорится, «писать губернія». Всѣ волновались, кричали; начались ужъ косые взгляды и даже легенькія интрижки между мамашами, по поводу дочерей. Дочери же ѣздили съ визитами и пищали во всю мочь; выбирали костюмы, шныряли по магазинамъ.

— Ахъ, душка,—пищала одна другой,— какіе я себѣ костюмы сдѣлаю, восторгъ! Одинъ, какъ будто я на конькахъ катаюсь, а другой, какъ будто мнѣ очень жарко и a la Сарра Бернаръ, и еще одинъ, какъ будто я замужняя женщина; знаешь, этакій утренній, простенькій; весь обшитый стеклярусомъ, а хвостъ отдѣланъ испанскими кружевами...

— А какую-же роль ты играешь; въ какой пьесѣ?

— Пьесы еще не выбрали и роли у меня еще нѣтъ; maman сказала, что эти костюмы мнѣ она непремѣнно сдѣлаетъ, тѣмъ болѣе, что я въ черномъ платьѣ кстати и говѣть буду. Прощай, душка, спѣшу! Не забудь-же, сегодня вечеромъ къ намъ; будутъ выбираться пьесы. Дѣвица умчалась.

Вечеромъ у дѣйствительной статской совѣтницы начали собираться гости. Посрединѣ залы стоялъ столъ, покрытый длинною скатертью; зажженныя свѣчи, разставленныя чернильницы, разложенная въ порядкѣ бумага и перья, свидѣтельствовали о какомъ-то засѣданіи. Когда-же гости были въ полномъ сборѣ, хозяйка подошла къ столу и позвонила.

— Господа,—начала она торжественнымъ голосомъ,—мы всѣ въ сборѣ; мы всѣ собрались здѣсь, имѣя одну цѣль, одно общее желаніе, это помочь бѣднымъ, этимъ несчастнымъ отверженцамъ счастья; дать имъ радостно разговѣться въ великій день св. Пасхи и отложить хоть нѣсколько грошей на черный день. Я не сомнѣваюсь, что цѣль наша, наша блистательная идея устроить благородный спектакль, найдутъ поддержку во всѣхъ слояхъ общества и сердца всѣхъ сольются съ нашими, чтобы осчастливить и помочь этимъ несчастнымъ бѣднымъ... Всѣхъ желающихъ принять участіе въ спектаклѣ прошу къ столу.

Всѣ ринулись; всѣ желали помочь доброму дѣлу. Начался выборъ пьесы; вещь самая трудная. Дамы требовали непремѣнно драмы и каждая предлагала себя на первую роль; мужчины стояли за серьезную комедію, барышни—за водевили съ пѣніемъ.

— Позвольте, господа,—горячился болѣе всѣхъ чиновникъ особыхъ порученій губернатора,—позвольте мнѣ сказать слово; я говорю, что, вѣдь, мы не какіе-нибудь актеры, чтобы играть всякую пьесу для добыванія

куска хлѣба, мы, вѣдь, благородные любители, мы составляемъ аристократическій спектакль, слѣдовательно и пьесы надо выбирать такія, какъ Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго...

— Какой-же Островскій аристократъ,— перебилъ кто-то изъ присутствующихъ,— онъ все про простыхъ купцовъ пишетъ?

— Да-съ, это вѣрно, но все-таки онъ среди писателей аристократъ.

— Я, господа,—заявила хозяйка,—согласна на все; дочь моя будетъ играть все, что выберутъ. Это такой ангелъ, что для добраго дѣла она готова на все.

Долго шумѣли, не соглашались и наконецъ выбрали «Женитьбу» Гоголя.—Распредѣлили роли и назначили спектакль на Пасхѣ.—Хозяйка опять заговорила.

— Хоть роль Агафіи Тихоновны и не подходитъ къ моей дочери, но для доброй цѣли она готова быть даже и простой купчихой, но, мнѣ кажется, что спектакль будетъ короткій: если нужно, я готова прочесть послѣ «Женитьбы» какой-нибудь монологъ...

— Прелестно, восхитительно,—загалдѣли

всѣ. Начали составлять афишу; написали пьесу.

— Марья Семеновна, обращались къ хозяйкѣ,—какой монологъ вы прочтете?

— Монологъ Демона, знаете, вотъ этотъ: «Я опущусь на дно морское»...

— Великолѣпно; такъ и запишемъ: Монологъ изъ «Демона» прочтетъ дѣйствительная статская совѣтница...

— Ахъ, зачѣмъ-же полный титулъ, зардѣлась совѣтница, написать лучше только начальныя буквы д. с. с.

— Извольте-съ, прочтетъ д. с. с. ***, распорядитель спектакля г. Х.; режиссеръ, господа, а кто-же будетъ режиссеромъ? Главное-то мы и забыли.

Отъ бывшей труппы главный актеръ еще оставался въ городѣ и кто-то предложилъ его; согласились послать и просить его немедленно пріѣхать.

— Онъ не пріѣдетъ: вѣдь, онъ здѣсь незнакомъ.

— Пріѣдетъ,—заявила совѣтница; — мнѣ кажется, ему будетъ лестно побывать въ нашемъ обществѣ. Пошлемъ, пошлемъ сейчасъ же.

Послали къ актеру съ просьбой самой вѣжливой, пріѣхать по весьма важному дѣлу. Актеръ любезно принялъ приглашеніе и пріѣхалъ. Онъ былъ хорошій, дѣльный артистъ, образованный прекрасно и держалъ себя очень хорошо.

Принявши его очень любезно, хозяйка объявила ему о спектаклѣ и просила быть режиссеромъ.

— Въ виду вашей благотворительной цѣли, я съ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе, но, извините, долженъ предупредить васъ. Я часто ставилъ любительскіе спектакли и хорошо ихъ знаю; а потому, господа, я съ однимъ условіемъ соглашаюсь, это чтобъ меня слушали и дѣлали, что я скажу.

— Понятно, всѣ будутъ слушать - раздались голоса.

— Въ такомъ случаѣ, извольте.

Хозяйка пригласила артиста на «минуточку» въ уголъ.

— Вы, пожалуйста, не думайте, что вы будете работать даромъ; вамъ заплатятъ и...

— Сударыня, если вы позвали обижать меня, то это напрасно; спектакль въ пользу бѣдныхъ и мнѣ никакихъ денегъ не надо.

— Ахъ благодарю, благодарю васъ за доброту.

Актеръ назначилъ первую репетицію чрезъ три дня и уѣхалъ.

— Maman, а когда-же я одѣну платье, какъ будто мнѣ очень жарко.

— А это, душечка, когда ты будешь женихамъ представляться, не можешь-же ты одѣться какъ простая купчиха!

Совѣтница и другія дамы «патронесы» взялись раздавать и разсылать билеты и на другой день дѣло закипѣло. Начались репетиціи съ неизбѣжнымъ шумомъ, суетней, хохотомъ, ухаживаньемъ и угощеньемъ, закусками, фруктами и виномъ, въ счетъ, разумѣется, будущаго спектакля. Каждый старался изобразить свою роль поискуснѣй и сердился на режиссера за останавливаніе.— Совѣтница желала репетировать каждый разъ Демона, но режиссеръ отсовѣтывалъ и она была недовольна; она ужъ заказала себѣ платье, отдѣланное, неизвѣстно для чего, морской травой.

При разсылкѣ билетовъ было тоже много комизма; путаница была ужасная; такъ напримѣръ, совѣтница, въ попыхахъ, послала

одной очень почтенной въ городѣ дамѣ два билета въ галлерею, на что та, на другой день, прислала совѣтницѣ слѣдующее колкое письмо: «Милостивая государыня! Благодаря васъ за присланные билеты, возвращаю, къ несчастью, ихъ обратно; въ этотъ день у меня будутъ гости и моя кухарка и горничная будутъ очень заняты и посѣтить спектакля не могутъ».

На репетиціяхъ тоже было не менѣе комизма. Постъ кончался и репетиціи шли къ концу, какъ вдругъ совѣтница подходитъ къ режиссеру:

Я хочу васъ попросить объ одномъ дѣлѣ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Прошу васъ, нельзя-ли, когда моя дочь будетъ представляться женихамъ, чтобы она спѣла романсъ «Si vous n'avez rien à me dire».

— Нѣтъ, сударыня, этого нельзя.

— Отчего-же?

— Оттого, что, во-первыхъ, Гоголь это — святыня русской сцены и прибавлять и убавлять въ его вещахъ ничего нельзя, а во-вторыхъ, этотъ романсъ былъ написанъ гораздо позже «Женитьбы».

— Да, это такъ; но у моей дочери такое прекрасное сопрано.

— Вѣрю; но на пѣнье не согласенъ.

— Но ее умоляютъ пѣть?

— Въ такомъ случаѣ пусть барышня споетъ романсъ послѣ пьесы, передъ вашимъ монологомъ.

— А что вы думаете, это будетъ отлично; въ романсѣ она поетъ: «зачѣмъ стоите предо мною», эти слова какъ будто будутъ обращены къ Демону; я же какъ будто отвѣчая ей, прочту. «Я опущусь на дно морское»... мерси за мысль; сейчасъ-же надо перепечатать афиши.

Афишу перепечатали; сдѣлали еще нѣсколько репетицій; наемные экипажи, уплачиваемые также какъ и угощенія изъ расходовъ по спектаклю, — стояли по цѣлымъ днямъ у театра. Распорядителемъ, въ лучшемъ ресторанѣ, былъ заказанъ роскошный ужинъ, послѣ спектакля, понятно, тоже въ счетъ спектакля.

Наконецъ въ послѣднее воскресенье пасхальной недѣли состоялся спектакль «благородныхъ любителей». Театръ сіялъ огнями; публика собралась самая изящная; все было красиво, кромѣ игры; игра благородныхъ была очень скверна; мѣстный острякъ даже ска-

залъ: «ну, если-бы всѣ невѣсты были такъ скверны какъ эта, то много-бы холостыхъ было на свѣтѣ». Тѣмъ не менѣе, публика кричала, вызывала «своихъ» и губители, то бишь, любители были въ восторгѣ. Барышня въ костюмѣ «какъ будто замужней женщины» спѣла или скорѣе прокричала романсъ. Совѣтница была очаровательна въ морской травѣ, падающей на ея обнаженныя пятидесятилѣтнія плечи; она не читала, а скорѣе причитывала Демона, стрѣляя въ то же время глазами во всѣ ложи.

Наконецъ публика и артисты, довольные другъ другомъ, кончили и тріумфально отправились ужинать. Тосты, спичи, лились безъ конца, всѣ оказались таланты, звѣзды первой величины.

На слѣдующій вечеръ всѣ собрались опять у совѣтницы, для составленія отчета.

Распорядителемъ былъ поданъ слѣдующій счетъ.

Валовой сборъ . . . . . 840 р. 65 к.

Расходъ:

За театръ	100 р.
Оркестръ	50 »
Афиши и билеты	15 »
Перепечатаніе афишъ для романса	9 »

Буфетъ на 16-ти репетиціяхъ . . . . . 85 р.
Экипажи . . . . . 42 »
Суфлеру . . . . . 18 »
Освѣщеніе театра . . . . 14 »
Ужинъ участвующихъ . 142 »
Мелкіе расходы . . . . 99 » 10 к.
Не помню куда израсходовано . . . . . 85 »
Прислугѣ . . . . . 7 »
2 букета . . . . . 40 »

——————— 706 р. 10 к.

——————— 134 р. 35 к.

— Чистаго сбора, господа, закончилъ свой отчетъ распорядитель, остается сто тридцать четыре руб. и 55 коп., которые и будутъ завтра-же препровождены въ комитетъ для нищихъ.

— А, вѣдь, они уже разговѣлись раньше, вспомнилъ прежній разговоръ правитель канцеляріи.

— Ну, имъ эти деньги спрячутъ до другаго года, возразила совѣтница;—а я, господа, завтра снимаю свой портретъ въ костюмѣ Демона; вотъ-бы всѣмъ сняться; кому угодно, господа.

Всѣ приняли мысль съ восторгомъ. Начали расходиться.

— А жаль, что отчетъ уже сдѣланъ, го-

ворилъ кто-то: — можно бы и портреты поставить на счетъ нищихъ.

Всѣ вышли на улицу.

— Подайте, ради Христа, ради Пасхи Святой,—раздался дрожащій голосъ маленькой фигурки, ожидавшей у освѣщеннаго подъѣзда.

— Ступай, братъ, въ комитетъ,—обратился кто-то изъ участвующихъ,—мы вложили туда для васъ капиталъ.

Всѣ разъѣхались.

Такъ кончился вполнѣ благородный, благотворительный спектакль.

Дневникъ дамы.

Дама томнаго свойства, отправляется путешествовать по Волгѣ, отъ Твери до Астрахани. Она скучаетъ, хандритъ; она очень нервна. Она не можетъ ничѣмъ заняться; это скучное хозяйство, эта обыденная жизнь съ обыкновенными выѣздами надоѣли ей; даже оперетка, эта всѣхъ поглощающая манія, ей сдѣлалась противна, Однимъ словомъ,—она разочарованна. Доктора посовѣтовали ей путешествіе. Она согласилась и сѣла на пароходъ въ Твери. Она поѣхала одна; вся въ черномъ, на лицѣ густая вуаль. Знакомыхъ никого. Отъ тоски дама начинаетъ писать свой лневникъ:

... *4 Іюня*. Сѣла на пароходъ въ Твери, ѣду до Астрахани. Небо сѣрое, публика сѣ-

рая. Будетъ скучно. Прощай Москва, прощай Эрмитажъ, прощай мои знакомые. Я одна, совсѣмъ одна...

... *5 Іюня.* Тоскую ужасно. Не съ кѣмъ знакомиться. Все какіе-то монстры! Буду отъ тоски записывать расходъ, сдѣланный наканунѣ отъѣзда. Что я истратила? Да, по хозяйству: коробка шпилекъ 15 коп., булавки 10 коп.; крахмалъ 11 коп.; свѣча въ кухню 6 коп.; новая кость для турнюра 35 коп.; не помню куда... *87 рублей*... итого 87 рублей 77 коп., фу, и это надоѣло!

... *6 Іюня.* Сегодня пересаживаемся на большой пароходъ въ Нижнемъ; и тутъ ничего и никого интереснаго; но, между прочимъ, я замѣтила что... капитанъ парохода весьма недуренъ: прелестная блондинная борода и восхитительные голубые глаза... Мнѣ будетъ весело!

... *7 Іюня.* Капитанъ познакомился со мной; мы цѣлый день болтали; онъ, кажется, за мной ухаживаетъ.

... *8 Іюня.* Капитанъ не отходитъ отъ меня; я сильно его интересую; онъ и мнѣ нравится; къ тому-же природа, вода, луна!

... *9 Іюня.* Капитанъ совсѣмъ влюбленъ; онъ

ѣстъ меня глазами; онъ не даетъ мнѣ прохода. Какой онъ пылкій мужчина!..

... *10 Іюня.* Капитанъ окончательно потерялъ голову. Онъ сдѣлалъ мнѣ сегодня признаніе и проситъ рѣшительнаго отвѣта! *да*, или *нѣтъ*,—грозя, въ случаѣ отказа, взорвать на воздухъ весь пароходъ со всѣми пассажирами! Бѣдные пассажиры, бѣдные оставшіеся родственники!!

... *11 Іюня.* Капитанъ входитъ ко мнѣ въ каюту за рѣшительнымъ отвѣтомъ... Боже! Что мнѣ дѣлать, что дѣлать?..

... *12 Іюня.* Уфъ!.. Пассажиры спасены!

Женихъ пріѣдетъ.

(Сценка).

Господинъ Хаймъ Исааковичъ Цикерхаперъ, директоръ (какъ онъ себя величаетъ) и содержатель кассы ссудъ, выдаетъ единственную дочь — «золотое дите» — замужъ. Сегодня вечеромъ ждутъ жениха.

Комнаты освѣщены. Лишняя мебель вынесена. Заложенныя здѣсь вещи: сюртуки, пальто, муфты, шубки, ковры, кострюли, нѣсколько картинъ — сложены въ углу передней и покрыты коврикомъ. Нанятъ лакей еврей Шлема, онъ же и помощникъ у друга Цикерхапера, тоже содержателя кассы. Одѣтъ онъ въ одномъ изъ заложенныхъ у его хозяина фраковъ, въ который уходитъ всей своей особой.

Цикерхаперъ уже одѣтъ и осматриваетъ все ли въ порядкѣ. Маменька и дочка кон-

чаютъ свой туалетъ. Онѣ были разъ за-границей и считаютъ себя дамами очень большаго тона, что, впрочемъ, не мѣшаетъ маменькѣ, когда гостей нѣтъ, вытирать пальцами носъ и ругаться самыми отборными словами. Дочка-же считаетъ хорошимъ тономъ громадный турнюръ, шиньонъ и «пенсъ-нэ». Довольно глупа, нахальна. Очень желаетъ скорѣй выйти замужъ, чтобы не жить въ кассѣ. Это ее шокируетъ; хотя и не мѣшаетъ помогать папенькѣ разсматривать и оцѣнивать закладываемыя женскія вещи.

Папенька со Шлемой, въ ожиданіи гостей, ходятъ по залѣ. Между ними идетъ разговоръ о дѣлахъ. Вдругъ папенька обращается къ Шлемѣ:

— Гашпадинъ Шлема, когда пріѣдутъ гости, вжэ тогда будьте какъ лакей и со мной, пижалуста, какъ со своего знакомаго не ражговаривайте.

— Гашпадинъ Цикерхаперъ, будьте шпакойны; я зъ лакейство не вылѣзу.

— Пижалуста, какъ гости въѣдутъ, ми опять какъ жнакомаго ждѣлаемся и ражговаривать будимъ, и кушать ви будете, что отъ гости останется.

— А деньги за лакейство когда ви мнѣ будете платить?

— Деньги тоже послѣ гости заплачу; можетъ бить хочешь замѣсто денегъ, у меня есть хорошая просроченная заложенная муфта съ барашка.

— Нѣтъ, лучше вжэ деньги; на что мнѣ муфта, когда я даже никогда съ перчатки не хожу.

— А на подносъ чай ви хорошо подавать можете? ви видали какъ этого дѣлается?

— Я жнаю; я видалъ на аукціонахъ вещи на подносъ, какъ носятъ показывать.

— Вотъ, вотъ, адлично, Я вжэ буду васъ називать не Шлема, а Степанъ.

— Жвольте. Тольки я развѣ похожъ на Штепана?

— Ежели съ боку на васъ шмотрѣть,— такъ похожи; у васъ нимножки въ лицо есть зъ русскаго бита.

Входятъ маменька съ дочкой. Онѣ безвкусно разряжены. На рукахъ, на шеѣ, на груди нацѣплены золотыя вещи; въ ушахъ громадныя золотыя серьги. Маменька важно садится на диванъ; дочка осматриваетъ себя въ зеркало и, насколько возможно, вывора-

чиваетъ назадъ голову, чтобы посмотрѣть на турнюръ. Маменька осматриваетъ Шлемку.

— Пижалуста, гашпадинъ Шлемка, одѣвайте перчатки, а то у васъ очень мокраго руки,

— Ижвольте, мадамъ.

— Называй, его, душенька, Степанъ; это для того, чтобы его гости не узнавали. А ты, Розинька, называй его камардинъ.

— Ахъ, папынька, не учите пижалуйста. Въ заграницѣ всегда называютъ лакея «валей де-шамбръ».

— Шлема, она будетъ васъ валетомъ называть.

Въ передней раздается звонокъ. Шлема кидается отворять дверь. Дочь его останавливаетъ.

— Развѣ можно безъ перчатки отварять? Шкарѣй одѣвайте.

Шлемка, при помощи дочки, папеньки, кое какъ натягиваетъ на свои громадныя лапы нитяныя перчатки и стремглавъ бѣжитъ отворять; раздается еще одинъ звонокъ. Начинаютъ съѣзжаться закладчики, ихъ жены, дочери, сыновья. Дамы садятся возлѣ хозяйки, барышни, обнявшись, гуляютъ; муж-

чины разговариваютъ съ папенькой и также подходятъ къ барышнямъ.

Косая, толстая еврейка обращается къ хозяйкѣ.

— Ежели-би ви только знали, какъ я рада, что Розиньку женится; это такого хорошаго дите, такого цвѣтокъ!

— Нѣтъ, она еще батонъ!

— А женихъ скоро приходитъ?

— Скоро. Ему вѣрно въ какого нибудь мѣсто задерживали. — Въ него такого громаднаго знакомство. Онъ, ви знаете, зъ очень хорошаго фамилью.

— Съ какого фамилью?

— Онъ съ фамилью графа Бобринскаго.

— Ой! что онъ ихъ племенникъ?

— Нѣтъ, онъ на ихъ заводѣ сахарный комиссіонеръ.

— За того онъ такого сахарнаго дите и вибиралъ. Онъ вжэ давно влюбился?

— Нѣтъ; онъ ее видалъ разъ, какъ ана на окошкѣ сидѣла—и влюбился. Послѣ этого все ходилъ мимо; ходитъ, ходитъ, ходитъ—оказывается, что онъ хочетъ выходить замужъ.

Молодой человѣкъ подходитъ къ невѣстѣ,

— А ви, мадемажель, виходите замужъ?

— Немножко?

— А женихъ вашъ скоро пріѣдетъ?

— Онъ, вѣроятно, задерживался съ чѣмъ нибудь. Вы съ нимъ не знакомы?

— Нѣтъ.

— Я васъ познакомлю. Онъ очень обвязательный человѣкъ, такъ что даже сейчасъ послѣ швадьба ми заграница уѣзжаемъ.

Въ передней звонокъ. Шлемка летитъ. Въ залѣ смятеніе: «женихъ, женихъ», раздается повсюду.

Въ залъ влстаетъ женихъ, молодой еврей; желаетъ быть шикарнымъ; одѣтъ безвкусно, но богато. На указательномъ пальцѣ правой руки брилліантовый перстень; завитъ и сильно напомаженъ, золотая цѣпочка растянута по жилету. Куча брелоковъ. Въ рукахъ коробка конфектъ. Женихъ раскланивается со всѣмъ обществомъ и подлетаетъ къ невестѣ.

— Простите, что поздно. Извольте конфекты; самъ выбиралъ лучшіе по 1 р. 50 к.

— Благодарю васъ за конфекты, но все-таки ви мнѣ своимъ отсутствіемъ растревожили нервозность.

— Умоляю, жвыните. Но я только-что съ

представленію Бишопа. Это восхитительно, но только совсѣмъ не трудно.

Вокругъ жениха разсаживается все общество. Общее вниманіе обращено на него.

— Что эта Бишопа въ тріятерѣ дѣлаетъ?— обращается къ жениху нарумяненная еврейка, съ претензіей на молодость. Выговоръ ужасный и кривлянья отчаянныя.—Она поетъ?

— Нѣтъ-съ, этотъ Бишопа мущина. Можетъ быть онъ поетъ, только въ этотъ вечеръ онъ совсѣмъ не пѣлъ.

— А что же онъ дѣлаетъ?

— Онъ угадываетъ мисли; если ви, напримѣръ, что-нибудь задумали, онъ сейчасъ угадываетъ.

— А ежели я ничего не задумаю?

— Онъ и этого можетъ отгадывать.

— А ти видѣлъ Бишопу?—спрашиваетъ хозяинъ дома у сидящаго рядомъ съ нимъ тоже закладчика.

— Нѣтъ, я хотѣлъ ходить, только по многое обстоятельство не пошелъ.

— По какого обстъятельство?

— А ежели би моего кридиторы находились въ театръ, а онъ би сказалъ, что я думаю, чтобы имъ никогда ни одинъ грошъ не заплатить; что би я тогда дѣлалъ?

— Ждѣлайте милость, покажите намъ какого-нибудь бишопинскаго штуки, — обращается одна барышня къ жениху.

— Ахъ, съ удовольствіемъ. Это очень пріятно извлекать мисли изъ вашего голова.

— Гашпода, напьемтесь прежде чаю, — прерываетъ хозяйка. Хаймъ Исааковичъ, распоряжайтесь!

— Сейчасъ, душеньку! Степанъ, шамбръ валетъ, несите скорѣй чай.

Является Шлема съ чайнымъ подносомъ; руки безъ перчатокъ. Невѣста отъ злости краснѣетъ. Шлема обноситъ всѣхъ ужасно неловко: наступаетъ на ноги, на платья, и, кое-какъ разнесши чай, удаляется. Невѣста вылетаетъ за нимъ.

— Гашподинъ Шлема, какъ ви меня конфузите: отчего ви не въ перчатки?

— Они у меня промокли; завсѣмъ спотѣли.

— Что же ви теперь будете дѣлать?

— Они скоро вышохнуть, бо я ихъ коло печки обсушивать повѣсилъ.

— Пижалуста скорѣй. Невѣста удаляется въ залъ.

— Mesdames, — говоритъ она, — садитесь, пижалуста, сичасъ ми будемъ наслаждаться. Милый Жакъ, начинайте.

— Для васъ готовъ на все.

— Отгадайте сперва обо мнѣ что-нибудь,— спрашиваетъ невѣста.

— Съ наслажденіемъ! Вамъ угодно узнать въ кого вы влюблены?

— Скажите, въ кого? кокетничаетъ невѣста.

— Въ менясъ-съ! Угадалъ?

— Вовсе нѣтъ.

— А въ кого же ви влюблены, ежели за меня хотите выходить замужъ?

— Я влюблена въ заграницу!

— Ахъ, это ви ужъ неодушевительность берете, а я говорю про пилкія чувства. Вотъ, напримѣръ, другой опытъ. Загадайте ви, сударыня, въ голова какого-нибудь карта,— обращается онъ къ одной барышнѣ.

— Ижвольте, эта ужъ у меня сидитъ.

— Ви загадали король?

— Нѣтъ, валетъ, громогласно заявляетъ барышня.

— Ждѣсь! Выкрикиваетъ внезапно явившійся предъ гостями Шлемка.

— Что вамъ надо, васъ не звали, говоритъ покраснѣвшая невѣста.

— Ви же звали валетъ.

— Папенька, объясняйте ему. Васъ позовутъ. Удивительно, какое необразованье. Папенька, велите нести угощенье!

Является снова Шлемка, опять въ перчаткахъ, въ которыхъ большой палецъ прожегся у печки и вмѣсто пальца образовалась дыра.

Въ серединѣ вечера подъ шумокъ разговора, въ углу, между хозяиномъ и другимъ закладчикомъ, явившимся на вечеръ съ женой и четырьмя дочерьми, завязался споръ, перешедшій въ ругань. Слышны отрывочныя фразы:

— Ты самъ врешь, шарлатанъ!

— Я шарлатанъ?! Ти самъ шарлатанъ, процентщикъ, закладчикъ?

— Я закладчикъ?! Ахъ ти, разбойникъ!

— Что?! Гошпода...

— ..И ти, и шемейство, и твоего женихъ!

Женихъ вскакиваетъ.

— Какъ ви шмѣете менѣ трогать. Ви жнаете кто я?

— Ви?! Ви шахарнаго комишіонеру, что шахаръ никогда не видали.

— Папынька, онъ обижаетъ вашъ зять, онъ говоритъ, что и не видалъ сахаръ съ глазами никогда!! Ви швиня послѣ этого, и

я въ швинскаго компанію попадалъ. Ви не думаете, пижалуста, что я шпигался, что ви вшѣ на меня нашкакивали: я не потеряю мой пришутствій духа и увхожу! Мамжель Роза,— обращается онъ къ невестѣ,—меня ждѣсь обвиняли и покуда не воспослѣдуетъ моего оправдательного приговоръ, я не могу приходить. Папынька меня надувалъ, онъ говорилъ, что ждѣсь будетъ хорошаго обществу, а ждѣсь все закладъ, онъ вѣрно меня такъ и съ приданаго надуетъ? До швиданья!

— Мамынька, — кричитъ невѣста, — онъ меня только для деньги хочетъ, ой! Папынька, держите меня, я хочу падать въ обморокъ.

— Корова! Есть менѣ время теперь держать тебя! Что менѣ эти шарлатанскіе гости надѣлали, чтобъ вжэ лучше ихъ чортъ побралъ!

— Что!! Ахъ, ти жидъ! Гошпода ѣдемъ. Благодаримъ вамъ!!

Суматоха общая. Всѣ выбѣгаютъ. Ругань перешла съ русскаго языка на еврейскій. Всякій старается выскочить поскорѣй. Шубы одѣваются, какъ попало. Бѣдный Шлема едва поспѣваетъ прислуживать. Изъ залы семейство Цикерхапера награждаетъ каждаго уходящаго эпитетами.

Наконецъ всѣ гости выскочили.

Невѣста въ слезахъ. Маменька ее же ругаетъ. Папенька растерянъ.

Въ залъ входитъ Шлема.

— Гошподинъ Цикерхаперъ, могу я деньги за услуженье получить?

— Ахъ, приходите въ другой разъ; ви видите, я теперь завсѣмъ растревоженъ!

— А если ви и въ другого разъ тоже будете растревожены?

— Ви вѣрно тоже хотите менѣ шмерть дѣлать, съ вашего приставательство! Я въ другой разъ вамъ что-нибудь отдамъ.—Пожалуста теперь идите; ви видите какого въ домѣ гармидеръ. Сегодня и такъ много деньги истрачено и вся провизья почти выкидывать надо! До швиданья!

Шлемка грустно выходитъ.

Бенефисъ М. Г. Савиной.

Посвящается глубокоуважаемой М. Г. Савиной.

Назначенъ былъ бенефисъ талантливѣйшей премьерши, любимицы публики М. Г. Савиной. Появилась афиша съ назначеніемъ пьесы и дня бенефиса. Публика и всѣ поклонники ея таланта заволновались; запасались билетами, составлялась подписка на подарки и букеты уважаемой артисткѣ. Каждый желалъ вложить и свою скромную лепту; каждый желалъ отъ души выразить свое расположеніе и любовь своей любимицѣ. Нужно было видѣть также и юныхъ почитательницъ таланта; однѣ покупали цвѣты, другія стояли по два часа подлѣ еще закрытой кассы, чтобы запастись билетами поближе къ сценѣ: «можетъ быть, она на меня хоть мелькомъ посмотритъ», — думали онѣ.

Одна гимназистка даже стихи написала, первый куплетъ которыхъ начинался такъ:

Душка Савина, конфетка,
Херувимчикъ, ангелъ мой;
Взглядъ твой—лучшая отмѣтка,
Лучшій даръ душѣ больной!..

Но знакомый гимназистъ отсовѣтывалъ подать стихи, увѣряя, что стихи подаются только итальянскимъ пѣвицамъ; такъ и спрятала гимназистка свои лучшія отмѣтки въ столъ.

Все что было элегантнаго, высшаго круга, спѣшило въ бенефисъ; старался попасть каждый. Въ одномъ разбогатѣвшемъ еврейскомъ семействѣ тоже собирались ѣхать. Мать семейства, толстая, рыжая M-me Сара, или правильнѣе Сурка, объявила, что «она не можетъ пропустить такого торжественнаго торжеству и должна непремѣнно попасть въ ложу; «нехай мнѣ шкарѣй даютъ афиша!».

Послали за афишей къ швейцару; тотъ кое-какъ досталъ ее. Приступили къ чтенію. Дочка, молоденькое дите двадцати шести лѣтъ, обожавшая бенефиціантку, старалась прочесть программу прежде всѣхъ и лѣзла черезъ всѣхъ впередъ.

— Что ти на меня лѣзешь, ти завшемъ меня раздавишь, закричала мать.

— Ахъ, аштавляйте, пожалуйста; я вжэ наслаждаюсь!

— Что менѣ съ твоего наслажденію; ти менѣ мажоли задавила.

— Что для менѣ съ вашего мажолями; я этого женщина готова весь пилъ моего вошторга дѣлать.

— Вошторга?! Ти корова!

— Отъ такого-же самого предмету я этого слово слишу!

— Позвольте нимножко порядокъ; ша! закричалъ отецъ и приступилъ къ чтенію: «Нора, въ переводѣ Петра Вейнберга». — Душеньку, въ этого тріятеру я не могу ходить.

— Зачего ти не можешъ?

— За того, что вшѣ на нашего ложа смотрѣть будутъ.

— На нашего ложа?! Зачего?

— Патаму, вѣрно это зъ еврейскаго биту предштавлено, затого, что этого дѣлалъ Вамбергъ.

— Развѣ онъ только зъ еврейскаго биту дѣлаетъ?

— Только: онъ вжэ съ нашего брату

столько пашкудства дѣлаетъ, что больше я вжэ ни магу.

— Ахъ, папыньку; это завшемъ другого Вамбергъ; тотъ что изъ еврейскаго биту дѣлаетъ, тотъ только тріятеръ предштавлять можетъ, а этотъ цѣлаго опера пишетъ; это я вжэ навѣрно знаю.

Отецъ успокоился. Рѣшились послать за ложей. Но, увы ложи не оказалось. Мать, и въ особенности дочь, завопили; отецъ обрадовался: деньги останутся въ карманѣ.

— Давайте мене ложа, хоть здохните, давайте менѣ ложа, кричала мать.

— Душеньку, гдѣ-же я вожму, когда больше нѣту?

— Игдѣ нибудь, только доштавай!

— Папынька, въ барышники есть.

— Въ барышники вжасно какъ дорого!

— Бери съ кого нибудь больше проценты, только дѣлай, шкорѣй дѣлай; потому я больше ни могу удерживаться!

Наконецъ, кое-какъ, съ большими трудностями нашли у барышника ложу за большія деньги. Папенька былъ грустенъ; мать и дочь торжествовали.

— Мама, я тоже хочу въ Нору шидѣть, запищалъ десятилѣтній сынъ.

— Что? тебѣ нужно въ Нору? этого шарлатану нужно въ Нору шидѣть!

— Я хочу въ Нору!

— Я тебѣ на морда, замѣсто Нора дамъ. Няню, берите, дите, патаму онъ мнѣ вшѣ кишки перевернетъ!

Наконецъ, всѣ препиранія кончились и семья, прифрантившись, отправилась въ театръ.

Торжество артистки было полное; подаркамъ, цвѣтамъ, вызовамъ, не было конца.

Маменька съ дочкой тоже выходили изъ себя; дочь высунулась изъ ложи и прямо кричала; цвѣтъ лица ея былъ темнокрасный; вдругъ что то треснуло.

— Мамыньку, въ менѣ турнюръ развяживался; держите шкарѣй, вжэ отъ восторга ничего не могу. Браво, браво; любимыца, прекрасница, восторгательство! — кричало «дите».

Спектакль кончился. Начали разъѣзжаться. Въ экипажѣ дочь еще не могла придти въ себя отъ восторга. Отецъ сидѣлъ молчаливый.

— Папыньку, отчего ви такого задумчивость имѣете?

— Я думаю.

— Что ви думаете?

— Я думаю, что ежели би я могъ у себя въ конторѣ такого бенефису ждѣлать, школько би я могъ деньги собирать, лучше чѣмъ всякаго комерцію!

Шпильгагенъ въ Петербургѣ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ извѣстный писатель Шпильгагенъ ставить свою драму на нѣмецкой сценѣ. — Задумала дума и многіе писатели чествовать пріѣздъ писателя, подносить хлѣбъ соль, ѣхать встрѣчать, говорить спичи, устраивать обѣды и, наконецъ, было въ думѣ предложеніе повезти его *показать скотобойни.* Это фактъ! Нельзя и пересчитать всѣхъ петербургскихъ глупостей, которыя дошли до того, что почтенный, извѣстный писатель сдѣлался чуть ли не посмѣшищемъ города,—ничѣмъ въ этомъ неповинный. Отличилась также и нѣмецкая колонія. Еще далеко до пріѣзда Шпильгагена, нѣмцы забѣгали съ подписками на обѣды, вечера, а главное, на поднесеніе золотаго

вѣнка писателю. Нѣмцы широко раскрыли... ящики, чтобы, вынувши перья, подписать круглыя цифры для дорогаго подарка. Подарокъ былъ заказанъ и торжественно поднесенъ, но, къ несчастью, въ кредитъ. Когда пришлось собирать деньги, нѣмцы повернули носы и подарокъ кое-какъ былъ взятъ въ кредитъ.

Вотъ о чемъ разсказываетъ взбѣшенный нѣмецъ, встрѣтившись съ знакомымъ. Знакомый останавливаетъ нѣмца.

— Здравствуй Готлибъ Карловичъ!

— А, мое вамъ почитанье!

— Куда это вы такъ спѣшите?

— А, свыныте пошалюста, мнэ ошинъ, завсэмъ нэтъ времэнъ!

— О чемъ же вы такъ хлопочите?

— Но всо объ эти шкандаль зъ-эти вѣнки отъ господинъ Шпильгагенъ!

— Развѣ случилось что нибудь?

— Шкандаль буль агромадный!

— Какой же скандалъ; вѣдь вѣнокъ подали Шпильгагену?

— И типэрь изъ этого подавательству вишла шкандалъ?

— Какой же могъ выйти скандалъ?

— А, голюбчикъ ви даже представитэльство ни можте дэльтъ, что злучилось?

— Да, что же, наконецъ, случилось?

— Я вамъ чичасъ разскажитъ.

— Сдѣлайте милость; это меня очень интересуетъ.

— Звольте! Ви знаешь, ми нѣмцы, заглашался всѣхъ, какъ только ишо господинъ Шпильгагенъ катэль ѣхать на Петербургъ, штобъ иму что ныбудь большой шесть дэльтъ. Карашо! Э потомъ ми дольги зъ этотъ мисла буль занятой, э наконецъ придумль, чтобъ нашъ знаменытый господинъ Шпильгагенъ вѣнку въ голова положить. Карашо! Ми чичасъ бамага приготовляль и подписка кадыль и сапираль; ми въ подписка сапираль три тысячи руплэй сирибромъ. Карашо! Ми взѣ очинъ рады пуль, что такой большой зумъ дэнги для нашъ удывытэльный писатель господинъ Шпильгагенъ, накодыли и чичасъ заказывали вэликолпна вѣнку. Но представляйтэ сибѣ, какой шкандалу, зъ эта вѣнку викадыль. Ми на бумага забираль три тыши руплэй, и когда надо буль эти дэнги полюшитъ, ми могъ только триста сорокъ восмь руплэй и двадцать пьятъ капейка забрать!

Это буль шкандаль, это буль пальшой шкандаль! Э время больше не буль, дальше бѣгать, потому ужъ буль бенефисы въ Санктъ-Пэтэрсбургскаго Императорскаго тэатру, гдэ драму отъ господинъ Шпильгагенъ играль и когда ужъ надобно буль вѣнка ему на голова кладить. Карашо! Между тэмъ вѣнка не катѣль золотой дэль мастера въ крэдыть давать. Ми просиль, ми кричаль, но и они тоже кричаль, и вѣнка ми нэ полючаль. Ми ему кафариль: «какъ ви будешъ не отдаваль вѣнку, для такой патріотической цѣль; и онъ кафариль: «моя карманъ тоже патріотическая; когда меня будитъ платыль, я дамъ вѣнка!» Это било жасно! Ми потеривали завсѣмъ голови. Наконэцъ, одна знакомъ; такъ много обѣщаль дэнги забирать и платыть, что золотая мастера загласился и, злава Богъ, эта вѣнку, ми торжественно господинъ Шпильгагнъ на его голова кладыль и ужасно при это «гохъ» кричаль. Но на дрѵгого дня золотая мастера, призилалъ сшотъ и просила ошень патріотическая шувства показать и дэнга шичасъ платить. Э дэньги, мижду этого нэтъ? Тогда наши всѣ нѣмцы завольновались и начали думать какъ этого дэнга на-

кодыть; ми сѣ забирались и видумиваль вэ-ликолэпна мисль, чтобъ просить ресторанъ отъ господинъ Лейнеръ, въ Морская улица, — адлично пиво тамъ есть, — штобъ онъ добрый буль и двадцать праценты на каждаго порцій набавлялъ для вѣнка отъ господинъ Шпильгагнъ; но ви знаешь всѣ нѣмцы заглазились на такого патріотическаго паступка и, между этого, какого ужасного шкандаль вихадили? А, какого шкандаль!!

— Какой же скандалъ?

— Ви ни можэшъ, мой люпэзный друкъ, дажи сибѣ придставливать! Когда въ ресторану какофо нибудь нѣмца сшотъ подавали и двадцать проценты внизъ писали, такъ каждая нѣмецъ сишасъ спросыль:

— За чего я должна эти процентъ платыль?

— Это процентъ каждая нѣмецъ платыть должна, для вѣнку отъ господинъ Шпильгагнъ.

— Но я засэмъ не нѣмца; я русскій, я родилась въ городъ Рига, и Рига это русскаго городъ!

Можешъ себѣ представливать! Э вдругъ другого нѣмцу казаль: «я засэмъ не нѣмца, я тожи русска кровава шеловѣкъ, я родылься

въ Дорпатъ, и Дорпатъ завсэмъ русска городъ! Э ви можешъ себэ подумивать въ трехъ дня, въ С.-Петерзбургъ не оставался ни одинъ нѣмецкаго шеловѣкъ, всѣ дѣлался мамэнтальна русскими, нѣмцы больше не буль. Такъ что зъ Германья ужъ ми полушалъ, злава богу, дэпешъ такой: «Ми плотымъ взѣ расходъ, тольки, пошалюста, возвращивайтэсь взѣ нѣмцы обратно; ми ошень страхъ имѣемъ, что больше нигдѣ ни одинъ нѣмца ни остается!» Вотъ какого шкандалу происходилъ! Это для нашего патріотическаго чуство, жасно сквэрно!!!

— Да, скандалъ у васъ вышелъ порядочный!

— Аграмадный!

— Ну, до свиданья.

— Благодарымъ васъ. И я тоже пойдетъ!

Мы подождемъ.

(Сценка съ натуры).

Въ небольшой городъ одной изъ юго-западныхъ губерній, населенной преимущественно евреями,—явилась труппа кочующихъ актеровъ. Громадная афиша объявила о пріѣздѣ лицедѣевъ. Программа обѣщала и „Разбойниковъ“ и „Отелло“ и рядомъ съ ними, «Прекрасную Елену» въ „настоящемъ костюмѣ“. „Ревизора“, „Птички Пѣвчія“ и неизбѣжную пьесу: „80 дней вокругъ свѣта“. Внизу афиши красовалась подпись, между двухъ нарисованныхъ рукъ: «Повсюду труппу сопровождалъ громадный успѣхъ; директоръ надѣется, что и здѣшняя публика поспѣшитъ наполнить стѣны театра, чтобы насладиться исполненіемъ какъ отечественныхъ, такъ и заграничныхъ твореній“.

Къ несчастью, въ городѣ публика отнеслась довольно равнодушно къ афишѣ и нѣсколько представленій прошли при маломъ «наполненіи стѣнъ театра». Антрепренеръ пріунылъ, тѣмъ болѣе, что первый любовникъ объявилъ, что покуда ему не дадутъ въ счетъ жалованья хотя-бы пятнадцати рублей, то онъ не будетъ играть ни одной классической роли, а безъ него театру не жить. Задумался антрепренеръ. Выручилъ его трагикъ.

— А не устроить-ли намъ, — обратился трагикъ къ антрепренеру, — какой-нибудь фортель, чтобы помимо пьесы заинтересовать публику?

— Да, что-жъ придумать? Тутъ раньше насъ ужъ были актеры и все ужъ продѣлали и людей живыхъ ѣли, и желанье публики узнавали и пушку, передъ бенефисомъ, возили по городу! Чортъ знаетъ, какъ эти актеры портятъ дѣло!

— А я одну штуку придумалъ. Хотите сдѣлать сборъ и сборъ полный?

— Хочу, батюшка, хочу, научи пожалуйста.

— Извольте; но съ условіемъ: послѣ сбора мнѣ первому отдать жалованье?

— Идетъ, голубчикъ, только выручай!

— Послѣ перваго акта, чтобы деньги были у меня.

— Будутъ, ей Богу, будутъ.

— Нѣтъ, вы поклянитесь такъ:

... «Клянуся первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ»...

продекламировалъ трагикъ.

— Да, полно тебѣ шутить. Вѣдь, знаешь меня не первый день!

— Ну, идетъ. Только прежде всего, пива поставьте.

Выпили пива и трагикъ началъ:

— Прежде всего надо выбрать пьесу. Пообъявляли вы громкій репертуаръ, а до сихъ поръ одну мелюзгу ставите. Мы поставимъ «Прокопа Ляпунова».

— Да, вѣдь у насъ онъ разойтись не можетъ; лицъ не хватитъ.

— И не надо; я за всѣхъ говорить буду. Это, батюшка, моя коронная роль. Мнѣ послѣ этой роли въ г. Вольскѣ самъ исправникъ сказалъ: «Ну, батюшка, видалъ я много даже грозныхъ губернаторовъ, но такого величья какъ у васъ,—не видалъ...».

— Да брось ты свое величье; дѣло говори.

— Не могу я своего величья бросить. Тѣни Шекспира и Шиллера вдохновляютъ меня.

— Брось ты эти тѣни-то свои китайскія; у меня душа изныла, а онъ съ тѣнями...

— Свинья-же ты, послѣ этого, а не директоръ, вдохновенія артистическаго не понимаешь.

— Вотъ, ты, сейчасъ, ругаться. Какой-же это совѣтъ?!

— Совѣтъ я тебѣ дамъ; я человѣкъ слова. Слушай. Афишу пустимъ большую, а въ концѣ спектакля сдѣлаемъ мы...

— Дивертисментъ? Нѣтъ, ужъ избавь; надоѣло это все хуже горькой рѣдьки.

— Самъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки надоѣлъ; зачѣмъ ты меня перебиваешь; у человѣка весь планъ произведенъ, а онъ — дивертисментъ! Тутъ, братъ, не тѣмъ пахнетъ. Въ концѣ афиши пустимъ громадное объявленіе, гласящее: «Въ концѣ спектакля будетъ розыгрываться корова; берущій билетъ въ театръ, получаетъ безплатно одинъ лотерейный билетъ» Посмотри, какой мы возьмемъ сборъ. Страсть! Я ужъ это разъ пробовалъ.

Антрепренеръ просіялъ.

— Братъ, товарищъ, ко мнѣ на грудь! Спасибо тебѣ товарищъ, и какъ это мнѣ въ голову не пришло?

— Артистической жилки въ тебѣ нѣтъ: нѣтъ знанья глубокаго жизни!

— Спасибо, спасибо. Только, вотъ горе: гдѣ мы корову достанемъ?

— Достанемъ: тутъ у меня ужъ есть знакомый жидъ факторъ, онъ ее приведетъ и поставитъ; а послѣ перваго дѣйствія деньги ему и вручишь; здѣсь скота много – дешево купишь.

— Устрой, голубчикъ; никогда тебя не забуду.

— То-то. Только смотри, уговоръ помни: жалованье прежде всего мнѣ, а потомъ ужъ коровѣ.

— Ну, стану-ли я тебя съ коровой смѣшивать; понятно, ты первый.

Сказано, сдѣлано. На другой день весь городъ расцвѣтился афишами, съ заманчивымъ объявленіемъ.

Въ мѣстномъ еврейскомъ обществѣ произошелъ переполохъ. Всѣ бѣжали въ театръ, въ надеждѣ на корову; и къ вечеру сборъ

былъ блистательный. Антрепренеръ ликовалъ; трагикъ мрачно улыбался.

Въ восемь часовъ вечера всѣ заднія мѣста креселъ, мѣста за ложами и раекъ были битком набиты простыми евреями съ ихъ семействами. Волненье было сильное. Но напрасно завывалъ Ляпуновъ; онъ не былъ героемъ вечера; всѣ ждали корову.

— И гдѣ этого корову типерь стоитъ; хоть-бы зъ однимъ глазомъ на нихъ пашматрѣть!

— Хаймъ; чи она даетъ много молоку?— Спрашиваетъ еврейка у мужа.

— Чего ты отъ меня хочешь; чи я развѣ кахарка, чтобъ съ молокомъ ражгиваривать.

Наконецъ пьеса кончилась. Публика заколыхалась. Занавѣсъ взвилась и глазамъ публики представилось колесо, наполненное билетами; въ концѣ сцены стояла корова, убранная разноцвѣтнымъ каленкоромъ.

Вышелъ антрепренеръ и, среди затаившей дыханіе публики, произнесъ слѣдующій монологъ: «Милостивые государи! Не чувство наживы, не простое желаніе что-нибудь заработать заставило меня сегодня сдѣлать это торжество. Движимый артистическимъ чутьемъ, я понялъ, что эта корова...»

— Скольки она даетъ молоко,—раздался съ галерки еврейскій женскій голосъ.

Ша! Шмирно!

— Эта корова,— продолжалъ ораторъ,— доставитъ истинное удовольствіе уважаемой публикѣ. Буду счастливъ, если это невинное животное доставитъ пользу и счастье выигравшему его. Сейчасъ начнется розыгрышъ. Счастье, господа въ вашихъ рукахъ!—Господинъ кассиръ приступите къ вашей обязанности.

На сцену вышелъ невзрачный человѣкъ, одѣтый, какъ видно, въ чужое платье и скромно взялся за ручку колеса. Билеты вынимала одна изъ актрисъ. Антрепренеръ провозглашалъ нумера.

— № 18—пустой.

Въ райкѣ какой-то еврей икнулъ; билетъ оказался пустой.

— № 112—пустой.

— Каравулъ!—раздался голосъ.

Нетерпѣніе расло, но, увы! никто коровы не выигралъ, не смотря на то, что почти всѣ билеты были вынуты; наконецъ, антрепренеръ провозгласилъ:

— № 1-й—корова.

Публика зашумѣла; евреи загалдѣли; начались крики:

— Въ кого 1-й билетъ; шматрите харашенько; берите глаза въ руки; въ кого сидитъ корова? Но такого счастливца въ театрѣ не оказалось.

— Господа, у кого-же коровный билетъ, надо-же ее вручить новому владѣльцу?

— Извините меня, обратился кассиръ къ антрепренеру; я тоже купилъ билетъ и вотъ какъ-разъ № 1-й пришелся у меня.

Кассиръ выигралъ корову.

— Ой, пропало мое молоко,—закричала еврейка.

— Завшемъ убили!—закричалъ кто-то.

Наконецъ начали расходиться. Счастливый кассиръ съ коровой, а несчастные евреи съ обманутыми надеждами.

— Это, вжэ, жвыните, это ми шматрѣли ни Ляпуновъ; это ми сами вляпывались въ этого корова!

Театръ опустѣлъ. Ликующій антрепренеръ считалъ деньги.

На другой день выпущена была афиша: «Въ четвергъ будетъ представлена драма

«Каширская старина». Въ концѣ спектакля будетъ розыграна корова».

„Спѣшите!!“

Антрепренеръ каждую минуту забѣгалъ въ кассу, увѣренный, что карманъ его снова наполнится, но сборъ не подвигался. Подойдутъ нѣсколько евреевъ, посмотрятъ на афишу, прочтутъ махнутъ, рукой и пойдутъ прочь.

Директоръ недоумѣваетъ; что-жъ это? Вѣдь это все деньги прочь отходятъ; что-жъ это будетъ; вѣдь это послѣдняя надежда. Не выдержалъ онъ и обратился къ тремъ, отходящимъ отъ афиши, евреямъ.

— Отчего-жъ вы, господа, билетовъ не берете; корову можете выиграть?

— Нѣтъ, благодаримъ вамъ; потому ви сами такого дѣла написали, что ми ужъ выйгривать никакъ не можемъ!

— Отчего не можете?

— Оттого, что увъ прошлаго разъ корова выигралъ гашпадинъ каширъ; была значитъ каширскаго сторона, а теперичка вы сами на афишу написали, что опять будетъ каширскаго сторона («Каширская старина»), значитъ каширъ вжэ навѣрно выигрываетъ,

такъ ми лучше пойдемъ тогда, когда ви напишите, что еврейская сторона будетъ;—это для насъ больше виголно будетъ, Благодаримъ вамъ!

Старые порядки.

Въ 18** году случилось мнѣ быть проѣздомъ въ одномъ изъ маленькихъ городовъ южныхъ губерній. Городокъ былъ хотя и губернскій, но былъ на видъ хуже всякаго уѣзднаго. Грязь и неряшливость были ужасны; освѣщенія положительно никакого, если не считать нѣсколько фонарей, тоже грязныхъ и коптящихъ, поставленныхъ подлѣ домовъ главныхъ начальственныхъ лицъ и подлѣ присутственныхъ мѣстъ. Одного было тамъ достаточно, даже въ очень большомъ количествѣ, это—жидовъ, этихъ, счастливыхъ сыновъ Израиля, грязныхъ, неумытыхъ, нечесанныхъ и видѣвшихъ въ каждомъ пріѣзжемъ свою жертву; они наполняли и улицы, и дома, и гостинницы, которые, сказать къ

слову, въ количествѣ трехъ или четырехъ, были ужасны. Губернаторъ былъ тамъ очень хорошій человѣкъ, но слишкомъ добрый и мало обращалъ вниманія на городскую чистоту; положился онъ во всемъ на полиціймейстера, а тотъ тоже ухомъ не велъ; самъ онъ пріѣхалъ въ городъ когда-то писцомъ, скромнымъ, тихимъ малороссомъ; кое-какъ дослужился до перваго чина, сдѣлался «хвартальнымъ» и, наконецъ, я уже его засталъ въ полиціймейстерскомъ санѣ, но ужъ не скромнымъ чиновникомъ, а Юпитеромъ. Такая была горячка, что не приведи Богъ! По улицамъ ходитъ, смотритъ грозно, кричитъ, распоряжается, но... дѣла не дѣлаетъ,—такъ только горячка пустая! Грязные жиды его, какъ видно, не боятся, а только кланяются ему при встрѣчѣ,—онъ и доволенъ. А какъ гостинницы содержатся, доволенъ ли народъ проѣзжающій, не говоря ужъ объ обывателяхъ, это не его дѣло. Мой малороссъ ужъ теперь сталъ «особа!» Онъ у губернатора на вечерахъ первый танцоръ. Въ городѣ безпорядокъ, а онъ мазурку откалываетъ; хочетъ, этакъ по граціознѣе на сдѣлать, а все, по старой привычкѣ, на трепака соскакиваетъ

такъ и хочется ему запѣть: «гопъ, чукъ, журавель, журавель!»

Все что есть въ городѣ хорошаго, это составъ окружнаго суда, который тоскуетъ ужасно, съ нѣкоторыми очень хорошими семействами и немногими приличными молодыми людьми. Развлеченій никакихъ. Есть, впрочемъ, театръ. Но Боже, что это за театръ! Какой-то передѣланный изъ сарая балаганъ съ стойлами вмѣсто ложъ; труппа отчаянная. При мнѣ играли «Разбойниковъ», но, увы, это не были «Разбойники» Шиллера, а были какіе-то «жулики» отъ Сухаревой башни.

Желѣзная дорога не раскинула еще своей костоломательной сѣти до этого богоспасаемаго города и туда приходилось ѣздить «на коняхъ». Счастливъ тотъ, кто поѣдетъ въ хорошую погоду; но горе тому, кто попадетъ въ распутицу, особенно человѣку избалованному вагономъ. Грязь буквально невылазная. Даже на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ на вывѣшанныхъ росписаніяхъ читаешь: «въ дождливое время ѣзда очень затруднительна»; и дѣйствительно лошади не вывозятъ; запрягаютъ воловъ, двѣ или

три пары, платя за нихъ страшныя цѣны, и на нихъ ужъ съ полнымъ тріумфовъ въѣзжаютъ въ городъ.

Я лично былъ избавленъ отъ тріумфа и въѣхалъ «на коняхъ», приказавъ ямщику везти меня въ лучшую гостинницу; я, бѣдный, не зналъ еще тогда, что тамъ всѣ гостинницы худшія. Возница мой подвезъ меня къ какому-то большому дому и не успѣлъ я оглянуться, какъ былъ схваченъ нѣсколькими грязными жидами и внесенъ на лѣстницу; всѣ жиды кричали, клялись дѣтьми своими, что такой гостинницы даже въ «Парижу» нѣтъ и довели меня до номера. Я шелъ за ними послушно, они парализовали мою волю. Они же сейчасъ позвали хозяина тоже еврея, съ которымъ я договорился въ цѣнѣ и который увѣрилъ меня, что мнѣ очень будетъ хорошо, такъ какъ у него недавно останавливались даже два генерала. Я устроился довольно, какъ будто, удобно, но скоро началъ я уже разочаровываться въ своемъ отелѣ. Оказалось, что ресторана нѣтъ и надо носить ѣду изъ кухмистерской, что напротивъ; лакей изъ гостинницы, грязный какъ трубочистъ, носилъ мнѣ оттуда

ѣду, причемъ я замѣтилъ, что оба большіе его пальца на рукахъ были гораздо чище прочихъ, такъ какъ неся миску со щами, онъ обыкновенно держалъ сіи пальцы въ мискѣ и обмывалъ ихъ щами.

Ночь тоже прошла ужасно. Какъ видно проѣзжихъ немного останавливалось въ этомъ помѣщеніи и клопы не очень часто могли выходить на вылазку; но за то я былъ для нихъ козлищемъ отпущенія, меня терзали, щекотали, ѣли, надсмѣивались и производили надо мной всѣ свои клопиные эксперименты; — остальную часть ночи я провелъ сидя на стулѣ посрединѣ комнаты. На утро явился ко мнѣ хозяинъ.

— Ждраствуйте.

— Здравствуйте.

— Какъ ви изволили дѣлать ночь?

— Отвратительно. На стулѣ сидѣлъ.

— Отчего ви не сидѣли на кровать?

— Оттого, что клопы такіе, что лечь нельзя.

— Клопи? Это, господинъ, ничего; они только покудова будутъ познакомиться, а потомъ уже они вамъ никакого вниманію не будутъ дѣлать.

— Дайте мнѣ все чистое, а главное кровать, а иначе я переѣду въ другую гостинницу.

— Ми вше сичасъ будемъ приносить свѣжаго.

— Отчего же вы вчера не дали все свѣжее?

— Оттого, что я не зналъ, что ви завшемъ непривычнаго для клопи?

— А развѣ къ нимъ можно привыкнуть?

— Ждѣсь всѣ вжэ привыкали; безъ клопи даже ждѣсь невозможно.

— Отчего невозможно?

— Потому ждѣсь, звините, еврейскаго городъ; клопи безъ еврея не могутъ жить?

— Да я-то чѣмъ виноватъ?

— Ну, они, звините, въ первого ночь не могли же знать, что ви русскаго; они вжэ теперь сами не будутъ вамъ трогать.

Съ десяти часовъ утра меня начали безпокоить жиды. Одинъ предлагалъ платки, другой полотно, чулки, табакъ, калоши, фуражки, стереоскопныя картинки. Первые дни я еще вѣжливо отказывался, а затѣмъ просто началъ выгонять ихъ; надоѣли до смерти; они какъ мухи: сгонишь одного,

явятся другіе; просто хоть изъ пистолета стрѣляй. — Такъ проводилъ я мое первое время, покуда окончательно оріентировался и тогда мнѣ стало легче. Завелись знакомства; сошелся я со многими изъ окружнаго суда и время мы проводили довольно сносно, Бывая часто въ одномъ домѣ, я познакомился съ однимъ старикомъ малороссомъ, бывшимъ исправникомъ и вышедшимъ давно въ отставку. Типъ онъ былъ весьма интересный; совсѣмъ ужъ обрусѣвшій, но съ сильнымъ малороссійскимъ выговоромъ; онъ смѣялся надъ всѣми новыми порядками и отстаивалъ старые. По его мнѣнію только то и было хорошо, что было прежде.

Я пріѣхалъ въ городокъ изъ Кіева, какъ разъ послѣ дѣла Свиридова о растратѣ четырехсотъ тысячъ рублей изъ банка, за что его въ судѣ и... оправдали. Дѣло это порождало много толковъ, а въ глухой провинціи въ особенности. На эту тему разговорился со мной отставной исправникъ. Не могу удержаться, чтобы не разсказать его вполнѣ характерный разсказъ. Сколько въ немъ было насмѣшки надъ всѣмъ новымъ и сколько защиты своего времени.

Мы сидѣли въ сторонѣ отъ остальнаго общества на маленькомъ диванѣ. Исправникъ началъ:

— Вы изъ подъ самаго Кіева пріыхалы?

— Да, изъ Кіева.

— И на суду булы?

— На какомъ судѣ?

— А когда Свырыдова, наиглавнѣйшаго казначея дило слушалося?

— Да, былъ.

— И когда его оправдали,—були?

— Былъ.

— Отъ вамъ и новый судъ.

— А развѣ новый судъ не хорошъ?

— Ащо-жъ въ немъ хорошаго? Въ наше время було лучше.

— Чѣмъ-же. Развѣ въ прежнее время лучше судили? Когда же это было?

— Когда?

— Да.

— Когда я ещо булъ справникомъ, я самъ и судылъ.

— Какъ же вы судили; разскажите пожалуйста?

— Вотъ какъ судылъ. Скоро и главное неукоснительно передъ закономъ. Бувало

сижу я коло стола и занымаюся; дѣла разбыраю, рѣшенія кладу,—бо я справныкъ: караю и милую. Справнычиха, коло менэ сыдыть, чулки штопаетъ. Вдругъ докладывають, що якясь-то мужикъ до менэ прійшовъ. Позвать. Прійшовъ. «Здравья желаемъ,—кажэ—ваше высокоблагородье! «Здравствуй». «У насъ въ деревнѣ, ваше высокоблагородье, несчастье случилось!» «Какое,—я говорю,—несчастье?» У менэ, кажэ, ваше высокоблагородье, пару коній покрали. «Кто покравъ?» «Не могу знать ваше высокоблагородье» «Ладно, разберу».

Вотъ, въ той же день запрягаютъ менэ мою справныческую тарантайку; справнычиха пироговъ, наливки приготовить и пойду я на судъ и разбиратэльство.—Какъ пріиду у дэревню, прямо до сотскаго въ хату. Сяду къ столу, бумагу разложу и вызываю. «Позвать ко мнѣ сотскаго.» Приходыть.

— Здравья желаю, ваше высокоблагородье!

— Здравствуй. А у васъ тутъ несчастье произошло; у Стэпана коній покрали?

— Покрали, ваше высокоблагородье.

— А чтожъ, подозрэніе на кого-нибудь есть?

— Особеннаго подозрэнія, чтобъ ужъ совсимъ особеннаго, нѣту; а такъ вообще подозрэніе имѣется.

— На кого именно?

— На мужика Хфедора.

— Якій, такій Хфедоръ.

— А коло кабака, его вторая хата.

— Позвать ко мнѣ Хфэдора!..

«Зовуть; а я сажусь коло стола и какъ будто пишу и на дверь не смотрю. Входитъ Хфэдоръ, а я вниманья не обращаю. Стоить онъ коло дверей, стоить и говоритъ: «здравья желаемъ, ваше высокоблагородье!» Я молчу. А онъ вдругорядъ: «здравья желаемъ, ваше высокоблагородье!» А я якъ повернусь, якъ вскочу, да хлопъ его въ морду! А онъ: «ваше высокоблагородье, за що?» «За що?» Бацъ его въ другую! А онъ на колѣни. «Ваше высокоблагородье, звынить!» «Ага, звыните; гдэ кони?» «Они не у менэ!» «Не у тэбэ», значитъ вы вдвоемъ воровали; бацъ его и за другаго. Вжэ я его по мордѣ дую и за другого; ему вжэ даже и не хочется, а я все дую!—Черезъ полчаса времени, коній находылы, Стэпану возвращали и покончено все було...

«А въ нынѣшнее время? Що у васъ хорошаго? Каждаго вора оправдываютъ и вѣжливо,—бояться его обидѣть. Собирается судъ; по середкѣ сидитъ найстаршой; всѣ у мундирахъ; зала большая. Докладываютъ; говорятъ: «Дѣло Стэпана, обвиняемаго въ покражѣ коній.» «Зовить.» Ведутъ обвиняемаго, ведутъ съ почетомъ, съ господами жандармами! Господынъ предсѣдатель обращается къ обвиняемому:

— Вы господынъ Стэпанъ?

— Мы...

— О, чи вы слыхали: мужику, вору, говорятъ—«господинъ!»

— Вы, извыныте, коній покрали?

Слухайте: вору, говорятъ «извыныте!» Кто говоритъ: генералъ, предсѣдатель!

— Вы, извыныте, коній покрали?

— Мы.

— Вы?

— Мы!

— Садытесь пожалуйста!

...«Вотъ ваши новые порядки, вотъ вамъ новые суды; эхъ! у наше время, лучше было; и скоро и неукоснительно!»—закончилъ старикъ.

*

— Ну, вжэ заговорился я зъ вами; спать пора, бо исправнычыха заругается.

...Мы пожали другъ другу руки и разстались.

Спите мирно добрые граждане стараго времени, старыхъ порядковъ!

Будьте покойны.

(Сценка съ натуры).

Хочу я вамъ разсказать одну сценку, свидѣтелемъ которой былъ я лично. Много видѣлъ я театральныхъ курьезовъ, но этотъ былъ выдающійся изъ числа прочихъ. Проѣзжая по разнымъ городамъ Россіи, я заѣхалъ въ одинъ очень маленькій уѣздный городокъ, по просьбѣ моихъ знакомыхъ, гдѣ провелъ недѣли три. Скука была невообразимая. Два или три пріятныхъ дома знакомыхъ и больше ничего; развлеченій никакихъ. Я началъ ужъ подумывать объ отъѣздѣ, какъ вдругъ узнаю, что въ городъ пріѣхали актеры и намѣрены дать нѣсколько спектаклей. Публика обрадовалась и я тоже захотѣлъ посмотрѣть на пріѣзжихъ артистовъ.

Кто не бывалъ часто въ провинціи и во

многихъ провинціальныхъ закоулкахъ, тотъ не можетъ составить себѣ понятія, какіе иногда наѣзжали туда актеры и какіе забавные выходили въ ихъ, такъ называемыхъ, «спектакляхъ» курьезы. Теперь уже, къ счастію, это выводится...

Пріѣзжій распорядитель началъ искать зало для спектаклей, но таковой въ градѣ не оказалось; даже въ мѣстномъ клубѣ ничего нельзя было устроить. Приходилось ретироваться; но, такъ называемый мѣстный «брандъмаіоръ» выручилъ несчастныхъ. Далъ онъ имъ подъ спектакли пожарное депо! Выкатили во дворъ всѣ бочки, сбрую и лѣстницы, очистили сарай, навѣсили какихъ-то тряпокъ вмѣсто декорацій, даже мѣсто для оркестра огородили. Мѣсто-то для оркестра сдѣлали, а музыки не нашли. Бѣгали, искали — ничего и никого. Главный актеръ терялъ голову: сборъ шелъ хорошо? Цѣны были назначены небольшія: отъ семидесяти пяти до тридцати копѣекъ. Музыка была необходима, такъ какъ въ началѣ водевиля (не припомню названія) актеръ присочинилъ вступительный благодарственный куплетъ къ публикѣ. На счастье артиста въ городкѣ оказался одинъ

музыкантъ, отставной унтеръ-офицеръ, кларнетистъ, громаднаго роста, съ бельмомъ на глазу, съ лысой совершенно головой и съ полной военной выправкой.

Обрадовался распорядитель. Кое-какъ розыскали музыканта.

— Скажите пожалуйста, обратился къ нему актеръ, можете-ли вы играть?

— Такъ точно-съ, могу.

— А ноты у васъ есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Какъ-же мы сдѣлаемъ? Безъ нотъ невозможно.

— Не извольте-съ безпокоиться, я на слухъ хорошо дѣйствую.

— На слухъ вы меня можете сбить и испортить куплетъ.

— Будьте покойны-съ; не въ первый разъ!

— Пожалуйста, попробуйте вотъ этотъ мотивъ: тра-та-та-тата-та, тра-та-та... запѣлъ артистъ.

— Тра-та-та-тата-та... заигралъ музыкантъ.

— Браво, прекрасно. Экій у васъ слухъ богатый. Ну еще разъ попробуемъ.

Попробовали; выходило вѣрно. Пѣвецъ успокоился.

— Смотрите, вечеромъ не перепутайте.

— Будьте-съ покойны.

— Главное — не отставайте; идите за мной шагъ за шагомъ: какъ я, такъ и вы.

— Слушаю-съ; ужъ будьте покойны.

Расклеили афиши писанныя; типографіи не было. Всѣ запаслись билетами. Мои знакомые и я помѣстились въ театрѣ тоже. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ поднятія занавѣса. Актеры ужъ были готовы.

— Позовите ко мнѣ изъ оркестра кларнетиста — распорядился актеръ, въ уборной.

Пришелъ изъ оркестра единственно бывшій тамъ кларнетистъ.

— Повторимъ еще разъ передъ началомъ.

Повторили.

— Главное, не отставайте, слѣдуйте за мной; понимаете: идите за мной.

— Слушаю-съ; будьте покойны.

— Ну, сейчасъ начинаемъ; помните-же: какъ только занавѣсъ поднимается — я начинаю куплетомъ.

— Знаю-съ; будьте покойны.

Раздался звонокъ; сшитый изъ каленкора занавѣсъ поднялся и актеръ предсталъ предъ публикой съ куплетомъ...

Много разъ въ жизни я смѣялся, но тутъ я чуть не задохнулся отъ хохота. Представьте себѣ слѣдующую картину:

Актеръ началъ куплетъ, сочиненный имъ-же, словами: «Вотъ я теперь сюда явился»...

Всѣ мы начали сильно аплодировать. Раздался сдержанный смѣхъ. Артистъ раскланялся и перешелъ на другую сторону импровизированной сцены и опять запѣлъ: «Вотъ я теперь!!...» Опять аплодисментъ и смѣхъ ужъ довольно сильный. Опять поклоны и снова переходъ направо. «Вотъ я теперь сюда».

— Браво, брависсимо, фора!

Съ лицомъ, сіяющимъ счастіемъ, раскланялся довольный артистъ и еще разъ перешелъ. «Вотъ я теперь сюда пріѣхалъ...»

Нельзя было больше сдерживаться. Хохотали всѣ до сумасшествія. Актеръ хотѣлъ еще разъ перейти и... столкнулся съ музыкантомъ!!

Несчастному виртоузу приказано было слѣдовать за исполнителемъ, идти за нимъ. Какъ военный, онъ строго исполнилъ данное ему приказаніе и ходилъ за нимъ. Актеръ направо и онъ, актеръ налѣво и онъ, сзади— туда же.

Актеръ растерялся, схватился за голову и оба остановились другъ противъ друга въ застывшихъ позахъ. Вдругъ сзади раздался чей-то крикъ.

— Молодчина кумъ! Ундеръ—жарь комаринскую!

Къ счастью, кто-то распорядился опустить занавѣсъ.

Мы выбѣжали изъ театра. Хохотъ не прекращался. Въ спектакль больше не возвращались.

Чѣмъ кончился спектакль не знаю. На другой день утромъ я уѣхалъ.

Родной языкъ.

Богатый еврей приглашаетъ къ себѣ извѣстнаго доктора. Пріѣзжаетъ онъ.

— Я васъ приглашалъ, господинъ докторъ, по очень важного дѣло.

— Чѣмъ могу служить?

— Видите, я долженъ вамъ, во-первыхъ. шказать, что я имѣю дочка, настоящій бралянтъ. Она по французскому ражгиваривается, танцуетъ, на фортепьяно играетъ и, кромѣ того, вжэ годъ, какъ она виходила за мужъ...

— Что-жь, она нездорова?

— Пажвольте. Вше по порядку надо разсказать. Она вже давно, шлава Богу, въ интереснаго положенью и, какъ сказалъ нашъ докторъ, она сегодня должна разрѣшаться отъ бремени, и такъ какъ вы такого извѣстность, такъ я и васъ пригласилъ.

— Можно посмотрѣть больную?

— Ждѣлайте милость, пожалуйте въ спальня.

Черезъ нѣсколько времени докторъ выходитъ.

— Ну, что докторъ, какъ вы находили больную?

— О, будьте совершенно спокойны, все кончится благополучно, и, какъ кажется, очень скоро.

— Скоро?! Господинъ докторъ, садитесь пожалуста!

Сѣли. Поговорили.

Изъ спальни раздается стонъ: «Ой, mon Dieu!»

— Господинъ докторъ, слышите, вжэ пора!

— Не безпокойтесть, еще ничего нѣтъ.

Опять черезъ нѣсколько времени раздается стонъ;

«Ой, mon Dieu!»

— Докторъ, ей-Богу, вжэ типеръ пора!

— Да не безпокойтесь! Еще не время.

Вдругъ изъ спальни раздается крикъ:

— Ой, мама, тата, гвалтъ! каравулъ!!

— Вотъ теперь пойдемте; она на своемъ родномъ языкѣ заговорила — значитъ пора!

Попался.

(Изъ путевыхъ происшествій).

Попался!.. Да, господа, попался! И вѣдь какъ попался. Какъ какой нибуь мальчишка!.. И дернула меня нелегкая врать! Умоляю васъ, господа, если у кого нибудь изъ васъ есть эта отвратительная привычка—бросьте! Ей-Богу бросьте. А то еще хуже меня завретесь и тогда уже совсѣмъ скверно выйдетъ. Я понимаю, что можно, по своей глупости попасть въ просакъ, даже и безъ вранья, а такъ просто по самоувѣренности. Но, вѣдь, такъ можетъ быть только съ юнцомъ. Да, чего больше, со мной случилось, разъ въ молодости, такое происшествіе, что у меня съ тѣхъ поръ навсегда пропала охота ухаживать за дамами. Увѣряю васъ!—Мнѣ было лѣтъ девятнадцать. Бывалъ я въ одномъ семействѣ, состоящемъ изъ мужа и молодой жены. При-

нимали меня очень радушно. Вдругъ, представься мнѣ, молодому дураку, что молодая хозяйка ко мнѣ неравнодушна. Какая милая самоувѣренность! Забилъ я это въ свою голову и хожу этакимъ рыцаремъ безъ страха и упрека. Какъ только она на меня ласково взглянетъ, мнѣ такъ и кажется, что вотъ, молъ, со мной объясниться хочетъ. Только разъ вечеромъ пришелъ я къ нимъ; гостей никого не было. Сѣли мы, шутя, отъ нечего дѣлать играть въ преферансъ. Играемъ. Вдругъ я чувствую подъ столомъ, подлѣ моего ботинка,—ножку. Я въ восторгѣ. Думаю—начинается.. Я начинаю нажимать ножку и нажимаю сильно, на правахъ побѣдителя женскаго сердца.

Дама мнѣ улыбается, я торжествую; игра продолжается. Вдругъ... нѣтъ, позвольте,—это не такъ легко разсказать: теперь еще мнѣ страшно становится, какъ только вспомню про это «вдругъ!» Можете-ли себѣ представить: среди предвкушаемаго мною близкаго счастья, мужъ этой дамы,—а мужъ былъ мужчина плотный, съ дланью внушительной,—мужъ этотъ внезапно кладетъ карты на столъ и говоритъ женѣ:

— Маня, голубчикъ, будь любезна, подставь ты ему свою ногу, а то онъ мнѣ отдавилъ мою окончательно!.. ходите — обратился онъ ко мнѣ.

Боже! что со мной сдѣлалось. Въ глазахъ потемнѣло. Стыдъ замѣнилъ мѣсто страха: за кого же онъ меня принялъ? Ну, исторію бы поднялъ; на дуэль бы меня вызвалъ. А то за мальчишку меня принялъ. «Маня—говоритъ—подставь ему свою ногу!».

О, этого ужаснаго, оскорбительнаго момента я никогда не забуду! Далъ я себѣ слово никогда больше не попадаться... А тутъ опять. И единственно изъ-за вранья. И съ какой стати... Но, позвольте, я вамъ все по порядку разскажу. Покаюсь.

Ѣхалъ я по одной изъ желѣзныхъ дорогъ. Въ отдѣленіи вагона перваго класса, въ которомъ я сидѣлъ, никого больше не было. А надо вамъ сказать, что я всегда ѣзжу въ первомъ классѣ. Привычка ужъ такая съ дѣтства осталась. Я въ гимназіи привыкъ. Три года сидѣлъ въ первомъ классѣ — перейти никакъ не могъ. Ну-съ, вотъ ѣду я; тоска отчаянная: читать ужъ надоѣло; спать не хочется. Я и отправился на поиски въ другое

отдѣленіе. Можетъ быть найду кого нибудь. И дѣйствительно нашелъ. Вижу сидитъ какой-то баринъ. Шикарный этакой, бакенбардъ шелковистый до самыхъ плечъ, высокій, красивый; подлѣ него разные чемоданчики, нессесеры и подлѣ стоитъ ружье,—красивое съ насѣчкой. Я и подумалъ: ружье съ нимъ, значитъ онъ охотникъ; если онъ охотникъ, то болтать и врать про охоту любитъ. Подожду. Сѣлъ напротивъ. Немного погодя, проснулся мой охотникъ. Потянулся, посмотрѣлъ въ окно, вскользь на меня. Завязывается между нами слѣдующій разговоръ. Начинаю я.

— Вы изволите въ городъ Р. ѣхать?

— Нѣтъ-съ. Я въ свое имѣніе ѣду въ тридцати верстахъ отъ города.

— Судя по ружью, вы, вѣрно, охотникъ?

— Да-съ. Я люблю очень охоту. Я страстный охотникъ.

Глаза его оживились. Я, значитъ, попалъ въ цѣль.

— О, да,—отвѣчалъ я — охота, это прелесть, это лучшее удовольствіе!

— А вы тоже любите охоту?

— Какъ-же. Я безъ нее не могу жить. Я не пропускаю ни одного удобнаго случая!

Надо-же вамъ сказать, господа, что, по правдѣ, я въ жизни моей не былъ и даже не видѣлъ никакой охоты! Но ужъ разъ совралъ я ему, останавливаться было неловко. Слыхалъ я много разсказовъ про охоты и ими-то и началъ предъ нимъ увлекаться.

— Помилуйте,—говорю,—что можетъ быть восхитительнѣе, какъ на зорькѣ встать, перекинуть черезъ плечо ружье и пойти бродить по лѣскамъ. Тишина мертвая; собака, чуткая къ каждому шороху, вдругъ остановилась, вытянулась какъ натянутая струна, нога поднята и замерло ваше сердце; курки взведены... моментъ... выстрѣлъ и жирная птица падаетъ. Хорошее чувство!.. Или верхомъ на хорошемъ конѣ; свора псовъ, ѣдешь спокойно—и вдругъ заяцъ; собаки спущены, все оживилось и въ моментъ ты летишь, нагоняешь; псы заливаются и все это сливается въ одномъ крикѣ, въ одномъ, для охотничьяго уха, гармоническомъ звукѣ. Что можетъ быть восхитительнѣй этой музыки. Да, правду сказалъ Некрасовъ:

«Что твой Россини, что твой Бетховенъ!»...

— А вы, какъ предпочитаете охотиться: съ ружьемъ, или съ собаками? -- перебилъ меня сосѣдъ.

— Я? И съ ружьемъ и съ собаками. У меня есть борзыя, сетера отличные.

Хороши сетера! Только одна жучка дворняшка на дворѣ лежитъ, да и та безхвостая. — Ну, да ужъ врать, такъ врать во всю. Все, что я зналъ о ружьѣ, хотя ружья никогда въ рукахъ не держалъ,— это то, что въ ружьѣ есть какой-то калиберъ. Вотъ я съ видомъ знатока и задаю вопросъ.

— Позвольте узнать. у васъ какого калибера ружье?

— У меня-съ четырнадцатого. А у васъ какого?

— Батюшки мои: вотъ попался! Что тутъ дѣлать? Ну, думаю, если у него, у такого барина, четырнадцатый калиберъ, то у меня, навѣрно, будетъ меньше.

— У меня-съ?

— Да, у васъ.

— У меня... это... какъ вамъ сказать... у меня четвертаго калибера...

Какъ взглянетъ на меня мой охотникъ, да какъ расхохочется!

— Подите вы,—говоритъ сквозь смѣхъ— четвертый калиберъ—это пушка! Охотникъ!!!

Легъ, повернулся и заснулъ.

Я сижу ни живъ, ни мертвъ. Боюсь шевельнуться. Вдругъ, думаю, онъ вскочитъ, да будетъ бить меня за то, что я его дурачилъ. На мое счастье, поѣздъ скоро подошелъ къ станціи. Я хотѣлъ поскорѣй уйти, но мой сосѣдъ поднялся, потрепалъ меня по плечу и презрительно — покровительственнымъ тономъ сказалъ мнѣ:

— Ну-ка, вы, *пушка*, пойдемъ-ка обѣдать!

Я, какъ робкая овца, побрелъ за нимъ.

Умоляю васъ, господа, еще разъ,—никогда не врите. Положеніе послѣ вранья ужасное. Особенно, если тебѣ названье дадутъ *пушка*. Ужасно! Былъ все время человѣкомъ и вдругъ... *пушка*.

Если я гдѣ нибудь теперь слышу слово «охота», то сейчасъ-же удираю во всѣ лопатки!

Артистъ.

(Изъ путевыхъ происшествій).

Случилось мнѣ ѣхать по Волгѣ изъ города Н... Пароходъ отходилъ въ этотъ день маленькій; большой отходилъ на другой день,— ждать я не могъ и рѣшился пожертвовать комфортомъ, чтобы скорѣй добраться до другаго города. Народа было мало. Во второмъ и третьемъ классѣ еще была публика, а въ первомъ почти никого. Ѣхали со мной двое купцовъ очень богатыхъ, одна старушка съ маленькимъ внукомъ и полиціймейстеръ сосѣдняго города. Онъ везъ при себѣ какого-то деньщика, который и насмѣшилъ всѣхъ насъ.

Пароходъ отходилъ въ одиннадцать часовъ дня. День былъ прекрасный и публики на пристани собралось много. Я участвовалъ въ этомъ городѣ въ двухъ спектакляхъ, такъ

что многіе изъ собравшейся на берегу публики меня знали.

Плавно отошелъ пароходъ. Мы, пассажиры, стоя на палубѣ, посылали прощальные поклоны знакомымъ. Затѣмъ, время начало тянуться, какъ обыкновенно тянется на пароходѣ. Сначала болтали, затѣмъ товарищи мои по путешествію засѣли играть въ неизбѣжный винъ, а я пошолъ прогуливаться по палубѣ. Долго ходилъ я и замѣтилъ, что какой-то человѣкъ, въ большихъ сапогахъ и полицейской фуражкѣ городоваго, внимательно слѣдитъ за мной и смотритъ на меня. Особеннаго вниманія я не обратилъ на это, но мнѣ показалось немного страннымъ: — что онъ могъ найти во мнѣ такого интереснаго? Спустя немного времени, я сошелъ въ каютъ-компанію и началъ читать. Такъ прошло нѣсколько часовъ, какъ вдругъ, компаніонъ нашъ полиціймейстеръ, выходившій на верхъ, вошелъ въ каюту съ страшнымъ смѣхомъ, причиной котораго, какъ оказалось, былъ я, вашъ покорный слуга.

Вотъ что случилось и что онъ разсказалъ намъ. Какъ только полиціймейстеръ вышелъ на палубу, къ нему подошелъ его городо-

вой и, приложивши руку къ козырьку, объявилъ слѣдующее:

— Ваше превосходительство!

— Что тебѣ?

— Ваше превосходительство, извольте въ каютѣ хорошо посматривать на пассажировъ.

— Отчего?

— Потому тамъ, съ вашимъ превосходительствомъ жуликъ одинъ ѣдетъ.

— Какой жуликъ?

Полиціймейстеръ удивился. Кромѣ насъ трехъ и его никого не было.

— Жуликъ-съ, самый настоящій.

— Какой онъ изъ себя?

— Такой онъ, ваше пр-во, худой, поджарый; ноги у него тонкія, совсѣмъ воровскія.

О, ужасъ! Онъ описывалъ меня. Всѣ мои компаніоны были полные и высокіе!

Полиціймейстеръ окончательно растерялся.

— Да, кто тебѣ сказалъ, что онъ жуликъ?

— А мнѣ матросъ здѣшній давича сказывалъ.

— Позови матроса.

Привели матроса.

— Ты говорилъ, что съ нами жуликъ ѣдетъ.

— Такъ точно, ваше пр-во.

— Ты-же откуда знаешь?

— Ужь я навѣрно знаю-съ. Съ нимъ во какую острастку имѣть надо.

— Да какъ-же ты, наконецъ узналъ, что онъ жуликъ?

— А онъ, ваше пр-во, какъ шелъ на пароходъ садиться, такъ народъ, который на берегу стоялъ, говорилъ: «Это артистъ ѣдетъ, артистъ!» Я его сейчасъ-же и намѣтилъ, на случай ежели и у насъ воровство!

... Мы долгое время еще хохотали. Теперь мнѣ стало ясно, зачѣмъ городовой такъ ревностно слѣдилъ за мной!

Бѣдные артисты, какихъ названій не дадутъ имъ!

Винтъ.

(Съ натуры).

Играете-ли вы, господа, въ винтъ? Впрочемъ, что я спрашиваю? Навѣрно играете. Да кто теперь и гдѣ не играетъ въ винтъ. Старики, старухи, генералы, начальники отдѣленій, судьи, барышни, молодежь, даже маленькія дѣти не обходятся безъ этой универсальной игры. Въ судахъ говорятъ о винтѣ, въ канцеляріяхъ—о винтѣ, въ конторахъ—о винтѣ, въ домахъ о винтѣ; въ акціонерныхъ собраніяхъ, концертахъ, въ вагонѣ, на пароходахъ, въ кассѣ ссудъ, даже въ гимназическихъ классахъ, въ дѣтскихъ,—все говоритъ о винтѣ. Въ казначействахъ, гдѣ большею частію инвалиды получаютъ пенсію, и тамъ говорятъ о винтѣ. Однимъ словомъ, куда-бы вы не пришли, въ какомъ-

бы обществѣ не находились, прислушайтесь и навѣрно услышите: «У меня была коронка; дама самъ третей; три туза; я объявляю маленькій шлемъ»...

Вонъ изъ этой комнаты!

Въ другой ужъ играютъ, и уже, понятно, ругаются:

— Какъ-же вы пропустили взятку; вѣдь мы безъ одной.

— Да нѣтъ, позвольте..

— Нѣтъ, вы позвольте; вы никакого понятія не имѣете.

— Какъ-же вы смѣете мнѣ такъ говорить?!

— Вамъ-бы подъ столомъ сидѣть, а не за столомъ!

— Господа, это ужъ слишкомъ; послѣ этого, вы...

Вонъ и отсюда!

Но любопытно смотрѣть на играющихъ дамъ. Лица язвительныя, особенно которыя поскупѣе; носы красные, губы сжаты, разговоры колкіе.

— Марья Петровна, я вѣдь бубны объявляла, чего-же вы мнѣ ихъ не проводите?

Я вамъ послѣ скажу...

— Удивляюсь!

— Я вамъ послѣ скажу!

— Лучше бы дѣтей няньчить.

— У меня не было ни одной бубны,— говоритъ Марья Петровна, кривя ехидно ротъ, кончая игру;—а дѣтьми вы меня не попрекайте; всѣ отъ собственнаго мужа...

— Вы на что-же намекаете?..

— Ни на что. Вамъ сдавать.

Долой, долой и отсюда.

Въ дѣтской бесѣдуютъ дѣти.

— Будемьте у винтъ иглать. Мама менѣ калты сталыя дала...

— А у меня три копѣйки есть!

— Будемъ съ маленькими онелами иглать

Бѣжать! Вотъ кого-бы драть! Но бѣжать некуда. Винтъ, какъ чадъ отъ сильно коптящей лампы, зачадилъ всѣ комнаты; лѣзетъ вамъ въ глаза, носъ, горло; захватываетъ дыханье... Страшно!.. Бываютъ иногда при винтѣ и комическіе случаи; я былъ свидѣтелемъ одного, которымъ желаю подѣлиться съ вами, читатель.

Я былъ приглашенъ въ одинъ домъ на вечеръ. Было очень много народа; танцовали, прыгали, визжали, но, по обыкновенію, и

играли въ винтъ. Безъ него невозможно. Между прочими гостями въ залѣ находились четверо мужчинъ, незнакомые и незнавшіе одинъ другаго. Ихъ перезнакомили и усадили за одинъ столъ играть въ винтъ. Но на несчастье всѣ четверо оказались ужаснѣйшими заиками; не успѣвши еще поговорить между собой, они не знали другъ про друга этого милаго качества; сдали карты.

Первый объявляетъ:

— Пик... к...кк... пиккки!

Второй смотритъ на его довольно укоризненно, думая, что онъ него копируетъ и говоритъ:

— Тр... тр... тр... трррефы!

Третій покраснѣлъ отъ злости и не смотря на него отвѣчаетъ.

— Бб... бб... бб... ббууббны!

А четвертый вскочилъ какъ бѣшеный, швырнулъ карты на столъ и закричалъ на всю комнату:

Пи... пе... пу... па... ппаддлеццы!!!

Всѣ вскочили изъ-за стола.

Такъ и разстроилась винтовая партія.

Завтра доложу.

Новый полковой командиръ, въ провинціи, принимаетъ полкъ. Обращается съ рѣчью къ солдатамъ.

— Смотрите, чтобы у меня все было въ порядкѣ!

— Слушаемъ, Ваше Высокоблагородіе!

— Чтобъ у меня пьяныхъ не было никогда.

— Слушаемъ, Ваше Высокоблагородіе!

— Если кто напьется, по улицамъ не шляться: сейчасъ-же ложиться спать.

— Слушаемъ, Ваше Высокоблагородіе!

— На другой день ко мнѣ прійти и сказать, что былъ пьянъ.

— Слушаемъ, Ваше Высокоблагородіе!

Прошло нѣсколько времени. Въ одно прекрасное утро является къ нему соддатъ.

— Что тебѣ нужно?

— Честь имѣю явиться къ Вашему Высокоблагородію?

— Что скажешь?

— Честь имѣю доложить, что я вчерашній день пьяный былъ.

— Ну, смотри, чтобъ въ другой разъ этого не было.

— Слушаю, Ваше Высокоблагородіе!

Съ такими-же рапортами являлись къ нему нѣсколько солдатъ.

Вдругъ, однажды, является солдатъ. Пьянъ до невозможности. Предстаетъ предъ очи командира.

— Тебѣ что?

— Ваше Выскбародье?

— Что такое?

— Пришолъ до...ложжить Ваше Выскбародье,... вчерашняго дня... у кумы на похоррр...онахъ былъ... и пьяный я ббылъ!

— Да ты, мошенникъ, и сегодня пьянъ?

— А объ этомъ... я ззавтра доложжу... Ваше Выскбародье!

Пахнетъ.

(Сценка).

Два еврея взяли въ театръ два билета, но пошли втроемъ. Третій идетъ со страхомъ, такъ какъ билета у него нѣтъ. Евреи его успокоиваютъ.

— Не бойся; я вжэ тибѣ праведу; будь шпакоенъ. Шмѣло хади.

— Какъ же ты меня проведешь, когда въ меня нѣтъ билета? Тамъ надо будетъ обманывать!

Ражвѣ это для меня новость? Я ихъ такъ хорошо буду обманывать, что самъ даже повѣрю, что ждѣлалъ, какъ шлѣдуетъ. Пойдемъ. Ти только перваго тріятеръ не будешь шмотрѣть; дѣлай маленькаго прогулка въ коридоръ. А когда перваго тріятеръ кончится, такъ я вожму у Мойши его билетъ,

буду вихадить и тибѣ его дамъ и ми себѣ шпакойно опять будемъ зъ билетами входить. Потому развѣ лакей можетъ помнить въ лицо: въ кого онъ вжэ бралъ билетъ.

Сказано — сдѣлано. Послѣ перваго дѣйствія, третій еврей вошелъ и сѣлъ на незанятое мѣсто.

Къ концу четвертаго акта, еврей толкаетъ товарища.

— Слухай! Минѣ въ голова садилась мишля!

— Что такой?

— Ми, можетъ бить, можемъ наши деньги назадъ получать, что за тріятеръ платили.

— Какъ же этого можно ждѣлать?

— Можно. Только завшемъ потихоньку, чтобъ народъ не пугать. Ты не нюхаешь зъ носомъ: минѣ кажется, что ждѣсъ немножечко пахнетъ?

— Съ чѣмъ пахнетъ?

— Съ пожаромъ.

— Ой, гвалтъ! Что ти говоришь? Ми сгорѣть можимъ.

— Ша! Вспокойся! Ждѣсь этого шохрани Богъ говорить! Пойдемъ лучше въ касса. Я что-нибудь встрою.

Подходятъ къ кассѣ.

— Гашподинъ каширъ, пажвольте вамъ попросить намъ отдавать наши деньги назадъ, потому ми никакъ не можемъ сидѣть до конца тріятеръ...

— Это не мое дѣло.

— Нѣтъ, жвыните. Это ваше дѣло. Ежели бы ми ни могли сидѣть, потому что у насъ въ здоровіи растройштво вдругъ ждѣлалось; или же такъ не могли себѣ сидѣть, это другого дѣло! А ждѣсь нельжя оштаваться, потому что ждѣсь пахнетъ?

— Какъ пахнетъ? Чѣмъ пахнетъ?

— Съ пажаромъ пахнетъ?

— Что вы врете. Вы хотите народъ напугать?!

— Сохрани Богъ! Ми нарочито къ вамъ приходили, чтобъ никто не зналъ этого и чтобъ наши деньги часомъ не пропадали.

— Вы жулики. Я васъ велю арестовать.

— За чего такъ? Ми же никакого шуму ни дѣлаемъ. А ражвѣ можно арештовать человѣку за то, что у него въ носъ съ пожаромъ пахнетъ; можетъ быть, у въ васъ съ фіалками будетъ пахнуть. Дайте лучше наши деньги, что намъ шлѣдуетъ и ми себѣ пойдемъ.

— Убирайтесь вонъ, иначе я позову жандарма!

— Жандарма!! Ой, жвыните! Ми лучше сами пойдемъ. Только, жнаете, нехай лучше гашподинъ поличіймейштеръ такого приказаніе ждѣлаетъ, чтобъ въ тріятеръ безъ деньги пускать. Ежели до конца пожара не будетъ, тогда можно получать со всѣхъ деньги, а ежели будетъ, такъ, по крайняго мѣра, деньги въ насъ цѣлыя будутъ.

— Убирайтесь! Жандармъ!

— Ой, насъ вжэ нѣту! Сидите, пижалуста, шпокойно!

Евреи стремительно выбѣгаютъ на улицу.

— Ну, Янкель, тебѣ все еще пахнетъ?

— Пахнетъ!? Хай имъ чортъ! Минѣ типеръ вше съ жандармами пахнетъ; это для меня хуже, чѣмъ съ пожаромъ пахнетъ!! Увходите шкорѣй!

Свидѣтельство.

(Сценка).

— Понадобилось одному еврею засвидѣтельствовать, въ одномъ изъ судебныхъ мѣстъ, какую-то бумагу. Явился онъ. Подходитъ къ одному изъ служащихъ.

— Пажвольте вамъ шпросить нѣсколько словъ?

— Что вамъ угодно?

— Я имѣю въ этого канцелярію маленького дѣло?

— Въ чемъ-же ваше дѣло?

— Менѣ би прежде надо би било узнавать, сколько этого дѣло будетъ стоить, сколько ви за него съ менѣ возьмете.

— Я, лично, съ васъ ничего не возьму; а по закону сколько съ васъ будетъ причитаться, столько и возьмутъ.

— Жвыните, тутъ читаться не будетъ ничего; тутъ только слухаться будетъ.

— Да не читаться, а причитаться, т. е. сколько съ васъ будетъ слѣдовать.

— Вотъ я этого и прошу вамъ сказать, скольки менѣ будетъ слѣдовать платить.

— Смотря потому, какое у васъ дѣло; покажите ваши бумаги.

— У меня только одна бумага; вѣдь за одна бумага, гашпадинъ, дешевле прійдется платить?

— Опять таки, смотря потому, какая бумага.

— Видите, гашпадинъ, менѣ нужно непремѣнно ѣхать изъ городу и надо вотъ на этого бамага швидѣтельство положить.

— Такъ вамъ надо только засвидѣтельствовать эту бумагу?

— Зашвидѣтельствовать. Сколько этого будетъ штоить?

— Это ничего не будетъ стоить.

— Отчего-же такъ дешево? А когда она будетъ готова?

— Придите завтра и принесите марку.

— Извольте. Благодаримъ вамъ!..

На другой день приходитъ еврей и подходитъ къ тому же служащему.

— Пажвольте вамъ спрашивать, вжэ моя бамага готова?

— Готова. Давайте марку.

— Ахъ, марка жвыните, я завшемъ забилъ.

— Такъ подите, достаньте.

— А ежели я вамъ марка завтра принесу.

— Тогда и бумагу завтра получите.

— Нѣтъ, вжэ я лучше сейчасъ принесу.

— Пошелъ еврей, принесъ марку. Подаетъ.

— Это, что-жъ вы мнѣ даете?

— Марка.

— Какая-же это марка?

— Каженнаго, настоящаго марка.

— Да вѣдь это марка почтовая, для иногородныхъ писемъ.

— Вѣдь вамъ же иногороднаго и надо.

— Отчего иногородную?

— Вѣдь я же въ другой городъ ѣду, такъ и марка должна быть для другого города.

— Вы, пожалуйста, глупостей не говорите; пожалуйте марку гербовую восемьдесятъ копѣекъ.

— Ой, ой, какъ дорого; вожьмите, пожалуйста дешевле, за такого маленькаго бумага.

— Безъ марки нельзя.

— Ну, пожвольте мнѣ такъ швидѣтельство; я послѣ буду самъ прилѣпить.

— Послѣ нельзя; сейчасъ надо.

— Скрѣпя сердце, досталъ еврей марку: разсерженный подходитъ къ столу.

— Ижвольте марка. Тольки развѣ со вшякими швидѣтельствами надо марка давать?

— Да надо.

— Тогда, пошлѣ этого даже вѣжливость нельзя больше имѣть.

— Отчего?

— Оттого что за каждаго швидѣтельство марка надо платить.

— Ну, таккъ что?

— А ежели я вамъ буду свое *почтеніе зашвидѣтельштвовать*, такъ я тоже долженъ марка давать?

— Нѣтъ, тогда не надо.

— Ну, такъ я вамъ швидѣтельствую своего почтенію!... Шлава Богу, хоть что нибудь даромъ получалъ!.. говоритъ уходящій еврей.

Похороны.

(Сценка).

Умеръ въ Москвѣ богатый куцецъ; изъ «сродственничковъ» остался одинъ родной племянникъ. Купца только еще положили на столъ, Являются поставщики. Первымъ является гробовщикъ. Скромно кланяется, крестится и обращается къ племяннику.

— Преставились?

— Умеръ.

— Такъ-съ, такъ-съ! Царство имъ небесное-съ! Всѣ тамъ будемъ-съ! Тятенька они вамъ были-съ?

— Нѣтъ, дядя.

— Въ дяденькахъ состояли? Такъ-съ. Хорошій они были-съ человѣкъ!

— Да, хорошій

— Человѣкъ теплый-съ.

Молчаніе.

— Мѣрочку на гробочекъ прикажете-съ прикинуть!

— А вы развѣ гробовщикъ?

— Такъ-точно. Гробовщики-съ будемъ.

— Я еще покуда ничѣмъ не расцорядился; а вы хорошо гробы дѣлаете?

— Помилуйте-съ, въ лучшемъ видѣ, первый сортъ.

— Смотрите-жъ; я лядю хочу хорошо хоронить.

— Ужъ будьте покойны-съ: мы ужь видимъ подъ какого покойника какой и гробъ дѣлать. Тутъ близко есть дѣйствительно тоже гробовшикъ, Петровъ, но тотъ надъ господами покойниками иногда шкандалы учиняетъ.

— Какіе скандалы?!

— Помилуйте-съ. На прошлой недѣлѣ тутъ тоже одного богатаго первогильдейнаго купца хоронили; Петровъ имъ гробъ дѣлалъ. Народу-съ страсть, даже два генерала были, супружница за гробомъ идетъ, убивается. Почетъ полный. А гробъ гнилой оказался, и вдругъ, передъ этимъ самымъ народомъ, господинъ покойникъ гробъ про-

перъ и оттуда народу вдругъ руку показалъ Помилуйте-съ, нѣчто такъ возможно?

— А у васъ навѣрно гробы хорошіе?

— Да ужь будьте покойны-съ. Трехъ генераловъ хоронили и тѣ остались довольны. Мы досточки крѣпкія, двухъ-дюймовыя положимъ. Покойничку очень покойно лежать будетъ. Не пропретъ-съ. Будьте совсѣмъ покойны-съ!..

Вслѣдъ за гробовщикомъ входитъ регентъ пѣвчихъ. Лицо изрыто оспой; говоритъ хриплымъ басомъ; обвязанъ полосатымъ шарфомъ. Говоритъ упирая на букву *о*.

— Вамъ что угодно?

— Состою регентомъ отъ пѣвчихъ.

— Такъ что же вамъ угодно?

— Узнавъ отъ многоустныхъ устъ о внезапной постигшей роковой, всеуносящей смерти одного изъ родственниковъ вашихъ, явился съ предложеніемъ услугъ своихъ и хора моего заслужившаго вниманіе многихъ покойниковъ и семей отъ нихъ оставшихся.

— А у васъ хорошій хоръ?

— Отмѣнный! Голоса забираютъ, басы гудятъ. Особливо одинъ. Какъ хватитъ онъ «вѣчная память», такъ даже покойники въ

гробахъ содрагаются. Я оттого заранѣе явился чтобы не попались вы въ лапы къ регенту отъ хора Ѳерапонтьева.

— А что-жъ такое?

— Хоръ не особенно благонадеженъ. Отличается тѣмъ, что иногда пакости совершаетъ.

— Какъ пакости?

— Могу разсказать. Однажды совершались похороны богатѣйшаго, отмѣннѣйшаго домовладѣльца, при стеченіи огромной толпы вопіющаго народа; какъ вдругъ хоръ среди всей этой торжественной обстановки вмѣсто того, чтобы запѣть «вѣчная память», хватилъ съ размаха «многая лѣта». Оскорбленія свершаютъ надъ покойниками!

Вслѣдъ за регентомъ является баба, вся въ черномъ: плакальщица по покойнику въ похоронной процессіи, для приданія болѣ грустной обстановки.

— Вамъ что надо?

— А я, батюшка, по покойничку плачу; плачу я за имъ, за сердешнымъ плачу!

— А ты хорошо плачешь?

— Охъ, батюшка, какъ я вою. Страсти подобно. Покойнички даже прослезляются.

Одного покойничка хоронили, а я за нимъ выла, иду я и вою: «на кого ты меня оставилъ голубчикъ мой!» До Москвы рѣки дошли, на мостъ взошли; я на земь вдарилась и вою; лежу на животу и вою, прежестоко вою. Городовой меня сейчасъ за борта и въ частный домъ—пороть за безобразіе. Меня, батюшка, порятъ, а я все вою: «на кого ты меня покинулъ, голубчикъ мой!» Таково жалостливо!

Адвоката обманули.

(Сценка).

Кабинетъ адвоката. Утро. Раздается звонокъ. Дверь отворяется. Въ переднюю бокомъ входитъ старый еврей.

— Что надо?

— Гашпадинъ лакей, ждраствуйте!

— Что надо?

— Что менѣ надо, я пошлѣ скажу, а можетъ вамъ деньги надо, такъ пожвольте вамъ одинъ рубль подарить.

— За это спасибо. А что-жь, собственно, вамъ надо?

— Мнѣ только надо пошмотрѣть на вашего гашпадину адвокату.

— Чего-жь на него смотрѣть? Онъ такой же какъ и всѣ. Я думалъ, что вамъ говорить съ нимъ надо.

— Можетъ бить я и говорить съ нимъ буду, ежели онъ захочетъ.—Ви только ему скажите, что гашпадинъ Гешефтеръ, очень хатютъ съ нимъ видѣться, по очень важного, экштреннаго дѣла!

— Пойду скажу, подождите немного.

— Ждать я хоть много готовъ. Ви только ему скажите, потому мнѣ нѣтъ время ни капельки.

Черезъ нѣсколько времени впускаютъ еврея въ кабинетъ адвоката.

— Что вамъ угодно. Чѣмъ могу служить?

— Во первыхъ пожвольте мнѣ вамъ предштавляться. Я Гешефтеръ самъ по себѣ, а кромѣ того, я еще дядя отъ швоего племяннику.

— Какого племянника?

— Этого несчастного бѣдного обиженнаго отецъ отъ пять дѣтей и бѣдного жена. Онъ въ оштрогѣ шидить, а они вшѣ, даже гдѣ жить не имѣють.

— Да кто-же вашъ племянникъ; какое у него дѣло?

— Моего племяннику съ фамиліемъ Шельменштейнъ; онъ бѣдного имѣетъ дѣло зъ золотого песокъ, что онъ продовалъ, а онъ вдругъ, нечаянно ждѣлался мѣднаго!

— Я это дѣло знаю; я былъ назначенъ судомъ защищать вашего племянника, но по болѣзни отказался.

— Теперь же ви шлава Богу ждоровы. Ми васъ вшѣ умоляемъ, чтобъ ви этого дѣло вжяли въ защита, ми очень хорошо будемъ платить, потому намъ деньги не жалко, намъ тольки этого невиннаго дите надо спасать, это такого ребенокъ.

— Какой-же онъ ребенокъ, когда у него ужь пятеро дѣтей?

— Развѣ этого мѣшаетъ, чтобъ ему быть завшемъ молодымъ, это вжэ общаго еврейскаго привичка, чтобы столько дѣти имѣть.

— Ну, это вы все лишнее говорите, а этого дѣла я взять не желаю.

— Отчего же ви хочете отказаться отъ хорошаго деньги, что ми вамъ заплатимъ.

— По моему, это дѣло нечистое, вашъ племянникъ зналъ, что песокъ не золотой.

— Чтобы я ждохъ въ этого мѣсто, чтобы больше никогда моего шемейштво не видалъ, ежели моего племяннику, что нибудь зналъ, въ этого дѣло онъ завшемъ невиннаго.

— Очень можетъ быть. Но дѣла я не возьму. Больше мнѣ нѣтъ времени съ вамя говорить: я занятъ.

— А ви думаете я ни занятый. Развѣ я для шебѣ прошу, я только изъ шемейнаго доброта прошу, можетъ вамъ деньги впередъ надо...

— Ничего мнѣ не надо, оставьте меня!

Раздается звонокъ. Въ передней слышится, маленькій шумъ, переходящій въ крикъ. Адвокатъ выглядываетъ въ переднюю. Къ нему въ ноги кидается еврейка, подлѣ нея трое дѣтей, грязныхъ и кричащихъ.

— Ой гашпадинъ адвокатъ, спасайте меня защищайте отъ этого жвѣря, отъ вашего лакею, онъ-отъ меня чуть не убивалъ; онъ мои дѣти, чуть на шмерть не шпугалъ, онъ...

— Успокойтесь. Кто вы, что вамъ надо?

— Ой, менѣ много надо! Я жену отъ ихъ племяннику, это моего дѣти, еще двое дома оставалися, умоляю вамъ не оштавляйте насъ, дѣлайте въ Судъ, чтобь моего мужъ билъ невиноватого, потому онъ дѣйштвительно невиноватый, онъ такого тихаго, такого молодого, такого невиннаго, въ менѣ больше ни кусочекъ сердцу не оштавалось, сколько я плачу! Дѣти, просите, шкорѣй, за швоего папынька, въ гашпадину адвакату!

— А-а-а!!—начинаютъ орать дѣти.

Адвокатъ затыкаетъ уши.

— Уйдите вонъ, знать я васъ не хочу!

— Ой, ой, ежели ви не хотите, такъ ми вшѣ съ голода ждохнемъ, ми будемъ хуже какъ на пожаръ, дѣти шкорѣй просите...

— А-а-а!!—орутъ дѣти.

Адвокатъ хватается за голову.

— Гашпадинъ адвакатъ, — вступаетъ въ разговоръ старый еврей,— ви по этого отчаянность можете судить школько горе въ этого шемейштво, съ моего старого честью увѣряю вамъ, что это человѣкъ невинного; ему нужно сдѣлать чистаго; деньги я не жалѣю, только вожмите этого дѣло?

— Я сказалъ, что не возьму.

— Не вожмете? — кричитъ еврейка: — ми отшудова не уходимъ; ми ждѣсь навшегда ждохнемъ; я не могу жить безъ моего мужу; я буду шебѣ ражбивать голова! Дѣти просите!

— А-а-а!!!—начинается орево.

Адвокатъ въ отчаяніи. Отвязаться невозможно. Выгнать евреевъ нѣтъ силъ. Они хватаются за ноги, ревутъ, молятъ, кричатъ.

Наконецъ, обезсиленный адвокатъ, соглашается принять дѣло за приличный гонораръ, который желаетъ получить въ концѣ

дѣла; ему самому, наконецъ, жалко стало смотрѣть на эту убивающуюся семью.

— Благодаримъ вамъ гашпадинъ адвокату,—говоритъ еврей,—ви ждѣлали доброго дѣлу; ви обчистите передъ швѣту невиннаго человѣку; ви шпасаете ему жизни?

— Ой, ви менѣ отдаваете мужу; онъ еще будетъ отецъ для швоего дѣти; онъ завшемъ невинного человѣку. Дѣти, благодарите, гашпадину адвокату!...

— А-а а!!! орутъ дѣти.

— Довольно, довольно; идите!

Наконецъ евреевъ удалось сплавить. Съ крикомъ, воемъ, плачемъ, они вышли на лѣстницу. Адвокатъ взялся за дѣло. При посѣщеніи преступника въ острогѣ, для выслушанія показаній, адвокатъ увидѣлъ мужчину лѣтъ сорока.

— Что-же вашъ дядя говорилъ, что вы такой молодой; а вамъ на видъ лѣтъ сорокъ?

— Дядю оттого говорили, что я такого молодого, потому что самого маленько дите можетъ такъ попадаться въ этомъ дѣло, какъ я попадался.

— Вѣдь вы же знали, что это не золотой песокъ, а мѣдные опилки?

— Ей-Богу, я ничего не знала. Дядю моего вамъ вшего правда по этого дѣло рашказивали; они даже ни одного шлово не прибавляли для моего защита, гдѣ я попадался такого оклеветованнаго передъ законъ. Бѣдного моего шемейство, какъ оно штрадаетъ!

Наступилъ день суда по этому дѣлу. Послѣ блестящей рѣчи адвоката, подсудимый былъ оправданъ.

— Г. Шельменштейнъ отъ суда свободенъ,—объявилъ предсѣдатель.

Дѣло было выиграно.

По окончаніи различныхъ процедуръ, адвокатъ повернулся, но ни кліента своего, ни его дяди въ залѣ уже не было,

Ждетъ адвокатъ день, другой; недѣлю, другую. Кліентъ не является; не является и дядя. Гонораръ пропалъ. Пропалъ оправданный кліентъ.

Мѣсяцъ спустя, выходитъ адвокатъ на улицу. Попадается ему еврейка, жена его кліента. Она не кланяется даже ему. Не выдержалъ адвокатъ этакой наглости. Останавливаетъ ее.

— Здравствуйте!

— Ждраштвуйте!

— Что-жъ это вы меня даже узнать не-хотите?

— Для чего-жъ менѣ непремѣнно вамъ узнавать?

— А что вашъ мужъ подѣлываетъ?

— Какого мужъ?

— А Шельменштейнъ, котораго я защищалъ?

— Я такого Шельменштейну никогда зъ роду не видала!

— Какъ не видѣли? Вѣдь вы же были у меня съ тремя дѣтьми, а двое еще дома оставались. И дядя его былъ.

— Ой, хай ихъ вигѣхъ чортъ беретъ; какой онъ ему дядю, такой онъ менѣ мужъ, такого они менѣ дѣти!

— Какъ-же это такъ; я этого не понимаю?

— Чего тутъ понимать. Этотъ старого еврей — это перваго ражбойникъ; онъ завшемъ ему ни дядя; они вмѣстѣ мошенники; такъ я бѣднаго женщина, у менѣ дѣйшвительно билъ ребенку, только онъ вжэ давно померъ; такъ этого старику менѣ нанималъ, чтобъ я плакала, какъ будто я ему жена; чтобы я просила, кричала; онъ менѣ за этого деньги обѣщался платить...

— А дѣти?

— Чи я развѣ жнаю, какого эти дѣти; онъ менѣ ихъ приводилъ; онъ ихъ вѣрно тоже гдѣ нибудь на прокату ждѣлалъ. Онъ менѣ скольки деньги за этого обѣщался платить, чтоби я только соглашалась; я же бѣдного женщина хотѣла что нибудь заработывать, а онъ, шарлатанъ, менѣ обманывалъ, хоть бы одного грошъ отдавалъ! Ежели би вы, гашпадинъ адвакатъ, были-бы добрые, хоть вы бы за нихъ, что я столько плакала, вы бы менѣ хоть немножко деньги заплатили!

Картина.

Обманули-таки адвоката!

Княжеское слово.

(Еврейская сцена).

Къ пріѣхавшему въ гостинницу входитъ еврей.

— Что тебѣ надо?—спрашиваетъ пріѣзжій.

— Извините, пожалуйста; минѣ шказали, что ви нуждаетесь въ камишанерѣ?

— Да.

— Такъ пожвольте вамъ предштавляться: я ждѣсъ и камишанеръ и факторъ и честнаго человѣкъ и вше для васъ могу ждѣлать! какъ вжэ больше никто не можетъ ждѣлать! Патаму ждѣсь много есть камишанеры, только это такого мошенники жиды, что даже съ ними ражтиваривать нельзя.

— Неужели же всѣ, кромѣ тебя, мошенники?

— Чтобъ я ждохъ! Ви тольки шпрасите увъ городъ, кто такой Дувыдка!

— Кто-же?

— Вжэ я больше ничего не буду ражгиваривать: ви только шпрасите объ Дувыдкѣ!

— Что же мнѣ скажутъ?

— Ви тогда, гашпадинъ, пашматрите! Увъ этого городъ, даже самъ гашпадинъ палачмейстеръ безъ Дувыдки не можетъ обходиться!

— Неужели не можетъ?

— Ей Богу, не можетъ!

— Чѣмъ же ты ему можешь быть полезенъ?

— Чѣмъ могу быть полезнымъ?! Пссъ!! Ежели увъ городъ дѣлается какого нибудь покража, такъ палачмейстеръ сейчасъ за мной пашилаетъ.

— Зачѣмъ?

— Патаму онъ минѣ сейчасъ спрашиваетъ: «Дувыдка, чи, часомъ, не ты эти вещи покралъ?» и ежели я ему моего слово даю, что я не кралъ, такъ онъ завшемъ шпокойный дѣлается и тогда вжэ въ другихъ мошенниковъ ищетъ. Ви тоже будете шпакойные: ежели я вамъ что продамъ, такъ самый сортъ будетъ!

— Ну, послушай: мнѣ надо хорошаго полотна. Можешь ты мнѣ достать?

— Я вамъ такого полотно достану, что даже въ заграницѣ такой полотно нѣтъ. Много вамъ надо?

— Штуки три.

— Можно. Завтра въ этого время ми вамъ принесемъ. Можетъ еще что нужно: готовыя рубашки, чулки?..

— Ничего, кромѣ полотна.

— Принесемъ, будьте шпакойны!

На другой день приноситъ еврей полотно.

— Гаспадинъ, я вжэ принесъ полотно. Цѣлаго городъ бѣгалъ, только чтобъ самого хорошаго доставать. Вотъ пашматрите!

— Я ничего не понимаю; ты мнѣ правду скажи. Можетъ быть это полотно не хорошее и можно достать получше?

— Ай, вей миръ! Вѣрьте мнѣ, гаспадинъ, что это товаръ первый сортъ; даю вамъ мое княжеское слово!

— Что такое? Откуда у тебя княжеское слово? развѣ ты князь?

— Положимъ, я не князь; только увъ меня есть княжеское слово.

— Какимъ образомъ?

— Я вамъ могу этого объяснить. Въ нашего городъ проѣзжалъ одинъ князь. По-

купалъ въ минѣ товары на триста рублей. Только въ него денегъ не было; онъ долженъ былъ ѣхать въ деревня ихъ получать; такъ онъ мнѣ давалъ свое княжеское слово, что чрезъ двѣ недѣли пріѣдетъ и деньги мнѣ привезетъ. Теперь же, замѣсто двѣ недѣли, проходило три года, а онъ не пріѣхалъ и денегъ минѣ не привозилъ, такъ что его княжеское слово въ минѣ и оставалось и я могу вамъ его съ удовольствіемъ давать! Покупайте, пожалуйста, товары и будьте спокойны!

Въ фотографіи.

Въ фотографію входитъ еврейское семейство, состоящее изъ еврея, жены его и трехъ мальчиковъ. На рукахъ у еврейки маленькій ребенокъ.

— Что вамъ угодно?—спрашиваетъ фотографъ.

Еврей. Ми желаемъ имѣть шваего шемейство.

Фот. То есть, какъ это, семейство?

Еврей. Ми желаемъ его имѣть на картина!

Фот. Вы желаете сняться?

Еврей. Шнядься? Нѣтъ.

Фот. А что же вы желаете?

Еврей. Я хочу ждѣлать мой партретъ.

Фот. Ну, да; вы хотите снять портретъ?

Еврей. Нѣтъ, жвините, я хочу повѣсить мой портретъ, ждѣлать его!

Фот. Какъ вамъ угодно: одному сняться, или группу?

Еврей. Что ви шказали?

Фот. Я сказалъ—группу, то есть все семейство?

Еврейка. Ми желаемъ вшѣ шидѣть на партретъ.

Фот. Какой величины вы желаете портретъ?

Еврейка. Это для меня вшё равно, тольки чтобъ хорошо шидѣли.

Фот. Такой форматъ вамъ нравится?

Еврей. Что ви говорите?

Фот. Величина такая вамъ нравится?

Еврей. Такого величина? Роза, душеньку, нравится тебѣ?

Еврейка. Ничего шибѣ! Тольки нильзя васъ прашить, гашпадинъ, чтобъ моего лицо на партретъ немножко больше виходило, чѣмъ въ моего шемейство?

Фот. Нѣтъ, этого нельзя. Всѣ лица будутъ равны.

Еврей. А школьки будить штоитъ партретъ?

Фот. Если снять все семейство — пятнадцать рублей.

Еврей. Пятнадцать рублей?! Зачиго такъ дорого? Возьмите дешевле!

Фот. У меня цѣны положены. Я не торгуюсь.

Еврей. Ждѣлайте милость! Увступите, для насъ!? Когда въ минѣ дѣти вирастутъ, ми опять приходимъ ждѣлать партретъ.

Фот. Я не торгуюсь.

Еврей. А ежели я только съ моего жена буду дѣлать партретъ?

Фот. Тогда вашъ портретъ будетъ стоить пять рублей.

Еврейка. Что у васъ за порядки? Папыньку зъ мамынькой ви цѣните въ пьять рублей, а какихъ нибудь пашкудныхъ трехъ дитё, ви цѣните въ десять рублей. Хорошаго дѣло!

Еврей. Ну, что зъ вами дѣлать! Дѣлайте съ насъ двухъ.

Фот. Хорошо. Сейчасъ приготовятъ стекло. Не угодно ли вамъ сѣсть.

Усаживаетъ еврея съ женою.

Фот. Ребенка, сударыня, потрудитесь посадить на диванъ.

Еврейка. Ой, нѣтъ, жвыните, это дитё безъ минѣ даже двѣ минуты не можетъ шидѣть. Онъ даже шпитъ со мной.

Фот. Тогда вашъ портретъ будетъ стоить дороже.

Еврей, Богъ зъ вами! Развѣ это лицо? Это маленькій дитё. Онъ, даже, на желѣзнаго дорога за билетъ не платитъ, онъ въ минѣ на нога сидитъ. Ждѣлайте милость, вжэ не торгуйтесь. Нехай дитё сидитъ! Онъ васъ тревожить не будить!

Фотографъ усаживаетъ ихъ

Фот. Теперь прошу сидѣть спокойно. Я начинаю.

Только что фотографъ началъ снимать портретъ, какъ еврейка повернула голову къ сидящимъ на диванѣ дѣтямъ.

Еврейка. Дѣточки, падхадите, на минута, ко мнѣ, сзади.

Фот. Что вы сдѣлали! Вы испортили стекло. Зачѣмъ вы двигались?

Еврейка. Когда минѣ надо било имъ что нибудь шказать.

Фот. Вы, вѣрно, хотѣли, чтобы всѣ вышли на портретѣ?

Еврейка. Развѣ я виновата, что у васъ

такого машина, что никому подходить нельзя, что сейчасъ въ партретъ ждѣлается?!

Еврей. Душеньку, Роза, постой! Жвынитe, гашпадинъ, такъ вѣрно ничего не выходитъ; моя Роза такъ любитъ швой дѣти, что каждаго минута должна съ ними разгаваривать. Лучше дѣлайте насъ гуртомъ, только вступите: возмите за вше шемейство десять рублей!?

Фот. Я сказалъ, что не торгуюсь и, вообще, больше съ васъ портрета снимать не буду.

Еврей. Пожвольте, гашпадинъ. Вы хочете за вшѣ шесть людей—пьятнадцать рублей?

Фот. Да-съ.

Еврей. А ежели ми вшѣ такъ станемъ, что какъ будто въ трехъ будемъ?

Фот. Какъ—это?

Еврей. Ми, вшѣ бокомъ станемъ!

Фот. Ну, такъ что?

Еврей. Вамъ тогда съ каждаго приходится только половинка шнимать, и виходитъ какъ будто три человѣки шидятъ!

Фот. Такъ нельзя. Извините, у меня нѣтъ времени.

Еврейка. Ну, такъ пойдемъ; тольки ми напрасно штольки безпокойство имѣли!

Собираются уходить. Одинъ изъ мальчиковъ начинаетъ плакать.

Мальчикъ. Мама! Я хочу имѣть мой портретъ!

Еврейка. Что?! Партретъ?? Папынька зъ мамынькой не имѣютъ партретъ, а онъ хочетъ имѣть?! Ширлатанъ! Я тибѣ зъ рукой на морда партретъ ждѣлаю!

Еврей. Жвыните, гашпадинъ, можетъ быть, у васъ есть какого-нибудь старого партретъ для дитё, патаму онъ еще ни панимаетъ, кто тамъ нарисованъ.

Фот. Никакого портрета у меня нѣтъ.

Еврей. Ну, такъ до швиданья! Ми вжэ въ другой разъ лучше приходимъ, когда на дворѣ больше солнца будитъ. До швиданья! Роза, душеньку, пойдемъ.

«Ны абманешь!»

Въ клубѣ, во время маскарада, встрѣчается одинъ баринъ съ армяниномъ.

— Здравствуйте, Назаръ Абрамьяновичъ!

— А, мое почтэные! Какъ поживаешъ! Здоровъ!

— Благодарю васъ. Что же вы одинъ ходите, безъ масокъ?

— Ны магу тыбэ, душа мой сказатъ. Самъ удывлаюсъ, что это значытъ! Сыводна, ваабщэ, какъ-то для мынэ ныудачный вечыръ!

— Чѣмъ же неудачный?

— Со мной, душа мой, одна маска очынъ ныхорошо, дажэ ны дэлыкатно паступала.

— Что же она сдѣлала!

— Понымашъ, я адывался дома, какъ

слэдуетъ парадочный чилавэкъ, прихадылъ маскарадъ. Пахадылъ нымножко па залъ, увдругъ ка мнэ падходытъ одна маска: замэчатэлно, знаишъ, адэтая, и я сычасъ увыдалъ, что это дама изъ очынъ большой общыства, патаму я часто тожы въ хороший общыство биваю у кназъ Тыхмыразывъ, тамъ много дамы биваютъ очинъ аристократыческій,—падходытъ маска ка мнэ и гаварытъ, что желаитъ са мной хадыть. Ну, ты панымаишъ, я и къ парадочный общыство прывыкъ, я сычасъ подставлялъ мой рука, она туда свой рука прадяргивалъ и пошлы. Хадылъ, хадылъ, она гаварыла, гаварыла, гавырыла, а я малчалъ, патаму мынэ кназъ Тыхмыразывъ гаварылъ, еслы я хачу что ныбудь умнос сказатъ, чтобъ я лучшэ малчалъ; ана опятъ хадыла, гаварыла, гаварыла, гаварыла, патомъ прасыла мынэ, чтобъ что ныбудъ напытся. Я, разумэится, паволъ ихъ буфетъ; ана нымножко лымонадъ пила, патомъ ана мынэ увдругъ прасыла сй на мынуточку даватъ пьятъ рубла. Ну, знаишъ, мынэ ныловка было парадочная женщына атказать, я ей давалъ пьятъ рублэй. Патомъ ми опятъ хадыли, ана гаварыла, гаварыла, гаварыла, а

пьятъ рублей увъ карманъ палажила. Эта
знашшъ, мынэ подозрытылно паказалосъ; она
на мынутка и къ другой кавалеръ подашла,
я мой знакомый спросылъ ны знаитъ лы онъ
кто это такой странный женщына, а онъ мынэ
сказалъ, что это прамо какотка! Это мынэ
ужасно удывлало, я ее за парадочная жен-
щына прынымалъ. Она апать ко мнэ падха-
дыла, толки я ей сказалъ: извынита пожа-
луйста, мынэ надо немножко вихадытъ,—и
ухадылъ. Ана одна оставаласъ. Мынэ ны такъ
скоро обманышъ!

— Вѣдь она же васъ обманула! взяла у
васъ пять рублей!

— Да, но толко я во время адхадылъ, па-
таму она ищо дэсятъ магла папрасыть!

– Что же, вы теперь домой?

— Нэтъ, ищо въ карты, нымножко съ
Ахааламіанцемъ буду играть.

— Да, вѣдь, онъ шулеръ.

— Это дла мынэ наплэватъ!

— Онъ васъ обыграетъ.

— Мынэ нывазможна абиграть!

— Почему?

— Патаму у мынэ маленкій шансикъ естъ!

— Какой же шансикъ?

— Еслы онъ мынэ обыграитъ?

— Да.

— Ны капэйка иму ны атдамъ!! Мынэ нывазможно абманывать!

Отгадалъ.

(Еврейская сцена).

Въ одномъ городѣ жили два еврея доктора: отецъ и сынъ. Оба были извѣстны въ городѣ своею рѣдкою глупостью и потому имѣли практику небольшую. Однажды, позвали отца къ больному. Осмотрѣвши больнаго, докторъ прописалъ лекарство и строгую діэту. Уѣзжая, обѣщалъ быть на слѣдующій день.

Является онъ на другой день, взявши съ собою сына.

— Ну, что, какъ мой больной себѣ чувствуетъ? Принималъ ли лекарство? Держалъ діэту?..

— Исполнялъ все, да только ему не легче.

— Ну, паимотримъ. Поведите меня къ больного

Вошли къ больному; докторъ сѣлъ у постели.

— Ну, какъ вы себя чувствуйте?

— Все также.

— Также? Это меня немножко удивляетъ! Ви лекарство принимали?

— Принималъ.

— Штраннаго дѣло! Ничего нехорошаго не ѣли?

— Нѣтъ.

— Удивительно!

Вдругъ докторъ вскочилъ со стула, съ крикомъ:

— Что ви сдѣлали? Боже мой, что ви сдѣлали?!

— Что такое?

— Боже мой! Зачѣмъ ви давали больному яблоки?!

— Никакихъ яблокъ мы ему не давали.

— Что ви мнѣ говорите, что не давали, когда я вамъ говорю, что ви ему яблоки давали!

— Да увѣряемъ васъ, что онъ ничего не ѣлъ.

— Ахъ, прошу васъ, не увѣряйте, потому мнѣ ошибаться нельзя... Скажите лучше мнѣ правду?

*

Родные, наконецъ, сознались, что дѣйствительно, давали больному яблоко.

— Вотъ видите! Сынъ мой, поѣдемъ, потому насъ здѣсь не слушаютъ.

Выходя на улицу, сынъ спрашиваетъ отца:

— Папынька! Какъ ви могли узнавать, что больной ѣлъ яблоки?

— Ты булванъ! Развѣ ты не понимаешь!

— Нѣтъ!

— Я увидалъ у него подъ кровать кожа отъ яблокъ: я сейчасъ догадывался, что онъ ихъ зъѣлъ!

Сынъ пришелъ въ восторгъ. Всѣмъ знакомымъ онъ разсказывалъ:

— Вы не можете себѣ предштавлять, какой у меня умный папынька! Его нельзя обманывать; онъ только пошмотритъ подъ кровать къ больному и уже вше узнаетъ, что больной зъѣлъ!

Въ скоромъ времени сына позвали къ больному. Пріѣхалъ.

— Вашъ больной очень тяжелый; завтра я буду и привезу для коншиліумъ мой папынька.

На другой день отецъ и сынъ снова явились къ больному. Усѣвшись у постели док-

тора начали совѣтоваться. Вдругъ сынъ закричалъ изо всѣй силы:

— Ой, что ви, гошпода, надѣлали! Больной, непремѣнно умретъ!

— Отчего докторъ?

— Оттого, что онъ зъѣлъ лошадь!

— Лошадь! Какую лошадь!?

— Какую лошадь, я не знаю, только онъ ее навѣрно зъѣлъ!

— Богъ съ вами, докторъ; развѣ можетъ человѣкъ съѣсть лошадь?

— Можетъ! Это папынька, первый разъ случается въ моя практика! Это гошпода, случай очень шерьезный и мнѣ надо дома подумать объ него. Папынька, поѣдемъ! Завтра я буду опять.

Родные не спорили съ докторомъ, видя, что они имѣютъ дѣло съ какимъ-то сумасшедшимъ.

Садясь въ экипажъ, отецъ спрашиваетъ сына:

— Скажи мнѣ пожалуста, что ти за глупости разгиваривалъ? Какъ ти можешь знать, что онъ скушалъ лошадь.

— Это не глупость. Онъ навѣрно лошадь зъѣлъ!

— Какъ ти знаешь?

— Потому, когда я сидѣлъ подлѣ кровать, я видѣлъ въ него подъ кроватью лежало сѣдло и уздечка! Я сейчасъ понималъ, что онъ зъѣлъ лошадь! Ви же, папынька, то же когда увидѣли кожу, догадались, что больной зъѣлъ яблоки. Я типеръ вшегда смотрю къ больному подъ кровать и сейчасъ вгадываю. Типеръ ужъ меня никто не можетъ обманывать.

Прошеніе.

Еврей подалъ въ мировой судъ слѣдующее прошеніе:

Гашпадинъ Мировому Шудью отъ минѣ благороднаго еврея Мошки Блюменштейна, прошеніе и докажательшство, патаму какъ минѣ очень ужъ шмертельно обидѣли.

Прошу:

Увъ недавняго времени я шибѣ, завшемъ съ шпакойнымъ духомъ, захадилъ въ трактиръ, патаму какъ типэръ крѣпко холодно,—чаю напиться, и завшемъ шкромно шидѣлъ коло штолика и шпрасилъ шибѣ чай.—Только я началъ пить швой чай, какъ увдругъ падходитъ ко мнѣ одного пьянаго купецъ и шадится напротивъ минѣ. Я шибѣ пью, онъ шибѣ шидитъ. Тольки увдругъ онъ минѣ говоритъ: «Зачиго ти, жидовскаго морду, чай

ждѣсь пьешь»? Я пришутштво духа ни патиралъ и ему говору: «А зачиво ти, мужицкаго морду, коло минѣ сидишь»? Я же ему, гашпадинъ Мировой Шудью, ничего не шказалъ лишнее, я тольки жъ нимъ квитъ ждѣлался; а онъ, вѣрно, хатѣлъ минѣ еще праченты жаплатить, вштавалъ и, даже не ражгиваривая ни одно шлово,—хляштнулъ минѣ увъ морда, увъ лѣваго щеку такъ, что минѣ даже увдругъ покаживалось, что коло минѣ, замѣсто одново, два купца штоють. Такъ какъ я видалъ, что минѣ бьетъ рушкаво купецъ, и такъ какъ я жналъ, что въ рушкихъ увъ Пишаніи шказано, что когда тибѣ бьютъ плюху увъ лѣваго щека, ти долженъ подштавлять праваго щека, то я, чтоби ждѣлать ему пріятнаго, подштавлялъ ему другаго щеку съ полнаго удовольштвію, и, что ви шибѣ думаете? Онъ ражмахался и хляштнулъ минѣ плюха увъ другого щека! О! чи ви шлихали?!!

Покорно прошу вамъ гашпадинъ Мировой Шудью, вжискать зъ этого ражбойнику купецъ по пункти, шлѣдующаго:

1) Что онъ минѣ давалъ увдругъ перваго плюха, я даже зъ него ничего не требоваю,

патаму онъ, можетъ бить, були шердитый, можетъ онъ зъ жинкой шорился; можитъ деньги патерялъ; хай ему чертъ, за перваго плюха можить бить, онъ правый були!

2) Ну, тольки, за *второй плюха*, покорно вамъ прошу гашпадинъ Мировой Шудью вжишкать зъ него въ моего польжа деньги, патаму онъ не имѣлъ право этого ждѣлать, такъ какъ увъ Пишаніи шказано, что я тольки долженъ *подштавлять* второго щека, ну завшемъ не шказано, что онъ непремѣнно долженъ миня *бить* увъ этого шамого щека.

А такъ какъ онъ не шпалнялъ Пишанію, то покорно прошу за такого безбожство вжишкать зъ него въ польжа моего плюха пьять рублей шеребромъ.

Покорно прошу вамъ, гашпадинъ Мировой Шудью, этого бамага, шкарѣй въ дѣло употреблять, и зъ этаго ражбойника шкарѣй деньги получать.

Моего жена то же вамъ объ этого крѣпко прошить.

Къ этого прошенію, шобственнаго швоего праваго рука подкладывалъ.

Мошка Блюменштейнъ.

Больной зубъ.

Приходитъ еврей къ зубному врачу. — Щека подвязана.

— Ви будете гашпадинъ доктэръ?

— Я.

— Гашпадинъ доктэръ, ви ни можете шибѣ придштавлять, какого я штрашнаго боль увъ жубъ имѣю

— Что-жъ у васъ зубъ испорченъ?

— Вше наживается шпорченъ!

— А что-же?

— Что?! Онъ въ менѣ шмертельнаго болячка дѣлаетъ?

— Значитъ, зубъ гнилой?

— Зачего гнилой!? Онъ въ шередини дирка большого имѣетъ.

— Покажите зубъ.

— Для чего я вамъ буду его показать?

— Я же долженъ видѣть, что тамъ такое.

— На что вамъ шматрѣть; ви менѣ на мое шлово не вѣрите?

— Я вѣрю; но посмотрѣть все-таки надо, за глаза я лечить не могу.

— Глаза?! Менѣ глаза не болятъ; въ меня жубъ балить!

— Не видя я лечить не могу; не бойтесь откройте ротъ.

— А ежели ви менѣ въ шередка больно штрухните?

— Не сдѣлаю ничего.

— Ну, шматрите. Только пижалуста астарожно.

— Не бойтесь... Ну, зубъ у васъ совсѣмъ сгнилъ; его необходимо вырвать.

— Выривать!! Шахрани Богъ!!

— Чего-жъ вы боитесь? Это одна минута боли.

— Одна минута? Хорошаго минута! Одинъ моего жнакомый вырывалъ жубъ въ минута и послѣ на другой день померъ.

— Отъ зуба! Какимъ образомъ?

— Какимъ образомъ! Онъ съ желѣзомъ занимался; онъ кришки пакривалъ.

— Ну, такъ что?

— Онъ на другой день, какъ вирвалъ жубъ, вылизалъ на криша, шматрѣть за работа; пашклизнулся и оттудова впалъ на улица и въ дребежги ражбился.

— Такъ онъ лазилъ на крыши. Вы, вѣдь, этимъ не занимаетесь?

— Я зъ дишконтомъ, зъ векселями занимаюсь!

— Значитъ, на крышу вы не потащитесь; бояться вамъ нечего.

— А ви шкоро вырвите этого пашкудство?

— Скоро.

— Ну, вжэ нечего дѣлать; вривайте; тольки астарожно; не важмите ждароваго.

— Не безпокойтесь. Садитесь здѣсь.

Вырвалъ докторъ зубъ.

— Пополощите ротъ. Зубъ вырвалъ.

— Ой, благодарю вамъ. Шлава Богу. Вжэ канецъ. Школько вамъ шлѣдуетъ?

— Три рубля.

— За такого кусочекъ? За одна минута, что ви работали.

— Да, за одну минуту.

— Какъ типэрь вше дорого штановилось.

Штрахъ! Моего жнакомыї, что шибѣ жубъ рвалъ, къ чирюльнику ходилъ, онъ ему цѣлаго часъ жубъ рвалъ, ажъ тотъ какъ самасшедшаго кричалъ, и то онъ тольки одинъ рубль вжялъ, а ждѣсь за одного минута— три рубля. Вжасно, какого теперь дороговизна ждѣлалась!

У театральной конторы.

(Сценка).

У театральной конторы собралась масса народа. Идетъ продажа на представленія Сарры Бернаръ. Давка страшная. Полиція разгоняетъ народъ, но тщетно. Всякій старается протолпиться впередъ. Ругань, смѣхъ, сѣтованія на неудачу сливаются вмѣстѣ. Публика самая разнокалиберная. Дамы, офицерскія шинели, цилиндры, кафтаны, еврейскіе сюртуки, костюмы «восточныхъ чилавэковъ», все перепуталось.

Два еврея стараются всѣми силами протолпиться къ дверямъ. Полиція отгоняетъ ихъ.

— Назадъ, назадъ,—кричитъ городовой,—въ очередь становитесь, въ хвостъ.

— Увъ, хвостъ? —замѣчаетъ еврей. — Что ви жвините пожалуйста, ругаетесь! Что я, ло-

шадь, что ви минѣ увъ хвостъ штаять пашылаете? Что это за парадки?

— Ну, ну, безъ разговоровъ, а то совсѣмъ прогонятъ.

— Зачиво, жвыните, минѣ, прогонятъ, когда я, можетъ бить, больше, чѣмъ кто другой тарговать дамъ этой мадамъ, потому минѣ шразу восемь ложи надо

Подходитъ другой еврей.

— Ицекъ, лучше будемъ атхадить, патаму минѣ кажется, ждѣсь большаго ошкорбленіе палучать можно. Ми доберемся! Будь шпокоенъ; ражвѣ ми не евреи, что видумывать что-нибудь!

Оба отходятъ къ театральному подъѣзду.

— Ну, Янкель, что ми будемъ видумывать?

— Хиба я жнаю? Можитъ ми закричимъ, что ждѣлался пожаръ, а можетъ жемлятряшеніе.

— Ой, нихай тибѣ чортъ! Тибѣ такого жемлятряшеніе будить задавать, что ти самъ тряштись будишь. Минѣ надо нипримѣнно восемь ложи доштавать. Ежели на каждаго ложа по сто карбованцевъ заработать, это

вошемсотъ; это завшемъ гите гишефтъ выходитъ.

— А ежели тибѣ штолько не дадутъ?

— Не дадуть? Дадуть! Патаму ти не видишь ражвѣ, что народъ завшемъ пабѣсился; ражвѣ ти не видишь, какъ ждѣсь вшѣ давятся, что можетъ больше ни одного можоли на ноги ни аштавалось, патаму одинъ чиловѣкъ въ другого на ногахъ штоять! Ти пашматри только торговля идетъ въ моя банкирская контора для залога вещей. Въ менѣ больше мѣсто нѣтъ отъ шубы, пальто, сюртуки. Вше несутъ, только би мѣсто увъ тріятеръ пакупать. Такого хорошаго дѣло я ище не видалъ; это лучше чѣмъ на война заработать можно. А вше-таки это оттого, что мадамъ Сарра изъ нашихъ; чи кромѣ еврея кто-нибудь такого дѣло видумываетъ? А знаешь: что ни шаставимъ-ли мы такого кумпанію, чтобы эту Сарру на аренду вжять? Хорошаго дѣла можно ждѣлать. Типеръ ещо много люди не ходють, патаму деньги не имѣютъ; а ми тогда, коло кассы увъ тріятеръ, можемъ маленького контора ждѣлать и вещи принимать увъ залогъ, тогда можно будить два тріятера въ день дѣлать, потому

что, говорутъ, она очень сильная; она можетъ десять разъ увъ день предштавлять!

— А что ти думаешь! Надо еще съ Ицкельзономъ посовѣтоваться; онъ это дѣло хорошо жнаетъ, потому онъ часто въ еврейскаго тріятеръ ходитъ.

— Минѣ кажется, Янкель, что тибѣ и минѣ надо тоже по-французски виучиваться, можетъ ми еще больше проценты брать будимъ.

Два часа. Публика расходится. Всѣ мѣста проданы. Входитъ въ контору армянинъ и направляется къ казначею.

— Извыните, прошу покорно, что ми вамъ нымножка бызпакоимъ!

— Что вамъ угодно?

— Видытэ, ми па-французски, къ нысчастыю, ны панымаимъ. Но въ газэты ми читалы, что мадамъ Бырнаръ очинъ талантливый женщына и всэмъ, кто даже па-французски ны папымаетъ, можетъ удовольствіе даставлятъ, патаму она рысоватъ можетъ, патомъ каждого галава вилэпитъ изъ глына можетъ...

— Такъ что-же вамъ собственно угодно узнать?

— Минэ, видытэ, угодно узнать: она эты всэ способносты въ тыатры, прыдставлать будытъ?

— Нѣтъ, она въ театрѣ только играть будетъ.

— Извынитэ, прошу покорно, хачу спрасытъ: что она лезгынка ны будытъ, между прочымъ, танцаватъ?

— Нѣтъ, не будетъ.

— Ну, тагда значытъ хадытъ не стоитъ. Асобыннаго интэрэснаго прыдставлэнія ны будытъ. Извынытэ, что бызпакоилъ!

Въ табачномъ магазинѣ.

(Сценка съ натуры).

Въ табачный магазинъ Сачабурова входитъ актеръ.

— Приготовьте, пожалуйста, мнѣ тысячу папиросъ, говоритъ онъ, подходя къ приказчику армянину.

— Съ удоволствыемъ. Завтра будымъ пригатавлатъ. А прежными папыросами ви доволны оставался?

— Да.

— Ми, знаетэ, всигда стараемся дла пакупатылъ удоволствіе дэлатъ. Потому что большэ потомъ покупаютъ.

— Постарайтесь-же, чтобъ и эти папиросы были хорошія.

— Будты спакойны. Всо здэлаимъ .. А ми одна вэщъ хатымъ васъ нымножко прасыть.

— Что именно?

— Нылзя-ли, когда ви въ тыатру играитэ какой-ныбудъ хорошій ролъ и когда народъ много естъ,—сказатъ, что у насъ продаются очинъ хорошій папыросы.

— Я не могу этого сказать.

— Отчыго, извынытэ, ви ны можетэ?

— Потому что я отъ себя прибавлять не имѣю права.

— Минѣ кажитса, что дла публыка это очинъ пріятно будытъ даже, когда ви что-ныбудъ сами разгавариватъ будытэ.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать. За это я штрафъ заплачу.

— Извынытэ, я ны панымаю этого. Еслы бы ви менше гаварыли, тогда надо штрафъ платытъ, а еслы ви болшэ гаварытэ, тогда дла ныхъ это ищо гораздо вигоднэй выходитъ.

— Да какже, наконецъ, я бы могъ сказать про васъ?

— А видытэ: когда ви играитэ этого замѣчатылнаго комедыя «Горе безъ ума» и гаварытэ послэдные слова: «ахъ Боже мой, что тыпэръ будэтъ гаварытъ графина Марья Сыргэвна»,—ви пэрэвырнытесъ къ публика и скажыты: «а, между прочымъ, у Сачагу-

бова очинъ хорошія папыросы продаютса. Лымонный сортъ». Это дажи очинъ занымательно будытъ вихадытъ.

Городская перепись.

(Сценка).

Полночь. Въ большомъ домѣ, близь Юсупова сада, гдѣ обитаютъ только евреи,— идетъ суматоха. Въ одной изъ комнатъ набралась куча евреевъ. Шумятъ и галдятъ. Всѣ говорятъ вмѣстѣ. Ажитація написана на всѣхъ лицахъ. Во время всеобщаго крика одни тянутъ другъ друга за бороду, другіе толкаются въ грудь и каждый хочетъ протолпиться къ столу. Каждую минуту раздается крикъ «ша»!... призывающій къ молчанію. На короткое время шумъ смолкаетъ, но затѣмъ еще больше увеличивается и доходитъ до полнаго гвалта. Объясненіемъ всего этого служитъ бумага, лежащая на столѣ. Бумага эта — объявленіе о народной переписи.

— Ша!—кричитъ старикъ еврей.

Все смолкаетъ.

— Нехай Дувидъ читаетъ этого бамага. Только увжэ типеръ читай какъ шлѣдоваетъ, патаму надо этого хорошо понимать. Дувидъ, пожалуста, читай, только потихоньку, съ глазами въ рукахъ.

— Что минѣ читать, когда я вжэ вше виучивалъ, съ мыслями въ головѣ.

— Такъ ражгаваривай съ мыслями.

— Увъ этого бамага пишутъ, что вшѣхъ, кто живетъ Петербургъ, будутъ писать.

— Игдѣ будутъ писать. Въ гажеты?

— Ша! Не въ гажеты, а въ дума, потому ей даже необходимо узнавать навѣрность, школько народъ увъ городъ есть.

— Въ минѣ есть пачпортъ, я не боюся, а вше-таки я мои восемь дѣти ни покажу,— потому минѣ штрашно!

— Зачего тибѣ штрашно?

— А ежели они за каждое дите деньги будутъ брать?

— Пажвольте! Увъ бамага шказано, что тольки писать будутъ, безъ деньги.

Ой, *всй миръ!* Какой ти вумный. Увъ бамага шказано, что деньги не будутъ брать,

когда писать будутъ, а за то потомъ еще больше возьмутъ. Я моего дѣти буду прятать, потому я развѣ виноватъ, что моего жена, такого благороднаго дама, что въ нее каждый годъ новыя дѣти родятся.

— Хай имъ чортъ! А минѣ, что типеричка дѣлать, когда въ минѣ пачпорта нѣтъ?

— Какъ-же ты живешь безъ пачпортъ?

— Живу?!. На что бѣдному еврею непремѣнно надо жить? Я только хожу. Ждѣсь немножко, тамъ немножко, увъ третяго мѣсто немножко; минѣ даже нивозможно словить.

— А ежели словятъ и пачпортъ спросятъ?

— Тогда можно ихъ обманывать и сказать, что увъ миня пачпортъ есть. Они вѣдь пишутъ, что будутъ вѣрить на совѣсть; а ежели вжэ на совѣсть повѣрятъ, такъ смѣло можно обманывать.

— Жвыните! Увъ бамага шказано: что *жителямъ* будутъ вѣрить на совѣсть, но не шказано, что *еврямъ* на совѣсть будутъ вѣрить. Объ еврейскаго совѣсть ни чего ни разгиваривается. Увъ тибѣ пачпортъ спросятъ. Что ти тогда будешь дѣлать?

— Что?!. Я этого совѣсть буду держать

въ себѣ и буду вше-таки ходить. Они будутъ писать, а я буду ходить.

— Слышали?!. Онъ будетъ ходячаго совѣсть!

— А ежели ми вшѣ будемъ ходить, такъ даже писать никого нельзя будетъ.

— Ой, хорошаго дѣло! Нехай они теперъ пишутъ ми имъ что нибудь покажемъ!

У доктора.

(Сценка).

Пріемъ у доктора. Между прочими входитъ еврейка ужъ довольно пожилая; щека подвязана; одинъ глазъ подслѣповатый.

— Гашпадинъ докторъ, пажвольте менѣ жъ вами ражгиваривать.

— Что вамъ угодно?

— Что минѣ угодно?! Минѣ многаго угодно.

— Что-же именно?

— Именно? На что менѣ именно?! Менѣ для себя надо ражгиваривать, бо я завшемъ больная!

— Чѣмъ-же вы больны?

— Ви лучше спрашиваете, чѣмъ я бѣднаго не больная!

— Что-жъ, наконецъ, болитъ у васъ.

— Вше!

— Какъ все?

— Кругомъ вше. Въ голова у меня стучитъ, въ ноги стучитъ, въ животъ стучитъ, въ бокъ стучитъ. Менѣ даже иногда и не хочется, а въ менѣ вше-таки стучитъ.

— Что у васъ стучитъ?

— Хибà я жнаю. Хибà я докторъ? Кушать я завсѣмъ ни магу; спать тоже ни магу; я вжэ ни помню когда я только спала. А когда я вжэ, часомъ, хочу спать, такъ менѣ мой мужъ ни даетъ спать: онъ кричитъ ругается. Ежели-бы ви только жнали, гашпадинъ докторъ, сколько этого ражбойникъ менѣ кровь портитъ, сколько онъ менѣ жизни портитъ.

— Позвольте, это къ дѣлу не относится. Вы разскажите, чѣмъ вы страдаете?

— Чѣмъ я штрадаю! Я вжэ школько у докторовъ била! Пошлѣдній менѣ шказалъ, что у менѣ очень шильнаго болѣзнь даже сидить въ шерединѣ.

— Какая болѣзнь?

— Онъ шказалъ, что у менѣ печоннаго болѣзнь.

— Что? Какая это болѣзнь? въ какомъ мѣстѣ?

— Отъ ждѣсь вотъ.

Докторъ осмотрѣлъ ее.

— У васъ печень болитъ.

— Такъ, такъ онъ и шказалъ. А какъ ви думаете, гашпадинъ докторъ, я крѣпко съ этого печенка штрадаю?

— Вамъ это лучше знать. Я вамъ пропишу капли; вы ихъ будете брать въ водѣ.

— Въ вода; теплаго или холоднаго?

— Въ комнатной.

— Вшѣ капли шразу надо принимать?

— Нѣтъ; тутъ прописано—по двадцати капель. Кромѣ того, старайтесь, по возможности, не дѣлать себѣ досады, не сердиться.

— Не шердиться? Я могу съ такимъ ражбойникомъ мужемъ не шердиться? Я ему вшѣ волосы готова вырывать!

— Ну, это ваше дѣло. Черезъ недѣлю зайдите.

— Больше покуда ничего? Ну, до швиданья.

Еврейка уходитъ и сейчасъ-же возвращается.

— Жвыните, гашпадинъ докторъ, чи менѣ долго надо въ вода сидѣть, когда я буду капли принимать?

— Какъ въ водѣ сидѣть?

— Ви-же шказали, что я должна въ вода ихъ принимать.

— Въ рюмку надо налить воды.

— Въ румка? А я думала, что менѣ самой надо будетъ шидѣть. До швиданья.

Уходитъ, но опять возвращается.

— Гашпадинъ докторъ!

— Что вамъ, наконецъ, надо?

— Пажвольте вамъ шпрашивать, что этого печенка не можетъ изъ менѣ, часомъ, вискачить?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Ну, шлава Богу. До швиданья вамъ.

Въ вагонѣ.

(Съ натуры).

Поѣздъ желѣзной дороги. Въ вагонѣ второго класса много публики. Идетъ веселый разговоръ. Кто-то разсказываетъ еврейскіе анекдоты. Всѣ смѣются. Въ концѣ вагона сидитъ какой-то еврей и злится, что затрогиваютъ ихъ націю. Наконецъ, терпѣніе его истощается. Онъ подходитъ къ разсказчику.

— Ижвините, пижалуста, что я вмѣшиваюсь въ вашего компанію, только я больше вжэ сидѣть шпокойно не могу.

— Что-же вамъ угодно?

— Минѣ, шобственно ничего не угодно. А что вамъ отъ евреевъ угодно?

— Отъ какихъ евреевъ?

— Объ которыхъ ви вше ражговариваете.

— Ничего не угодно. Мы просто анекдоты разсказываемъ.

— Анекдоты?! Это вамъ, вѣрно, гошподинъ Вамбергъ училъ такъ предштавлять? Онъ вжэ намъ довольно пашкудство дѣлаетъ! Пожвольте вамъ шказать, что я самъ имѣю большую честь принадлежать къ большого еврейскаго народа!

— Очень пріятно.

— Минѣ тоже пріятно! Тольки я вамъ могу шказать, что ви завшемъ невѣрно про евреи говорите. Зъ еврейскаго биту много есть очень хорошаго даже ражказывать. А вотъ зъ русскаго биту я тоже жнаю очень смѣшного ишторья, больше смѣшного, чѣмъ зъ еврейскаго биту!

— Сдѣлайте милость; разскажите!

— Съ удовольштвіемъ!

— Господа, дайте мѣсто. Садитесь пожалуйста.

— Благодаримъ вамъ, ми зъ ногами штоять будемъ. Въ то шамаго время, когда штроили Николаевскаго желѣзнаго дорога изъ Москва увъ Пейтербургъ и когда она, шлава Богу, била вжэ завшемъ готоваго, что можно било по ней ѣхать и дѣйштвительно

весь народъ шпокойно ѣхалъ, — такъ увъ этого время русскаго купци ѣхали изъ Москва въ Пейтербургъ благодарить за этого шамого желѣзнаго дорога. А когда ихъ шпрашивали, чи шпокойно и шкоро-ли они пріѣхали, такъ шказали, что ѣхали спокойно, а доѣхали на шестого день, потому они зъ лошадями ѣхали! Они боялись вжэ ѣхать по желѣзнаго дорога! Слишали? Вотъ ижвольте вамъ—это зъ русскаго биту!

Въ вагонѣ раздается общій хохотъ.

— Видите, какъ вжѣ шмѣются! Я вамъ шказалъ, что зъ русскаго биту биваетъ еще больше смѣшно, чѣмъ съ еврейскаго!

Еврей, заложивши руки въ карманъ, съ гордостью пошелъ на свое мѣсто.

Я тоже такъ называюсь.

(Сценка).

Въ одномъ небольшомъ городѣ ожидали пріѣзда очень важнаго лица. Переполохъ былъ общій. Чистили, скребли, приводили все въ порядокъ. Отданъ былъ приказъ, смотрѣть въ оба. Ревизовали паспорты. Безпаспортныхъ высылали на мѣста ихъ жительствъ. Наконецъ, важное лицо пріѣхало. День прошелъ въ попыхахъ. Ночью на улицахъ былъ усиленъ дозоръ; пьяныхъ приказано упаковывать подальше. На другой день, рано утромъ, является дежурный къ исправнику.

— Все-ли спокойно?

— Все-съ. Только найдено еще два еврея безъ паспортовъ.

— Безъ паспортовъ? Доставить ихъ немедленно сюда.

Явились евреи.

— Э, братъ! Твое лицо мнѣ что-то знакомо. Какъ твоя фамилія?

— Моего фамилья Ицкельжонъ.

— Ты сколько времени здѣсь живешь?

— Только одного году,

— Ты не врешь?

— Чи смѣю я передъ такого лицо врать что нибудь!

— А мнѣ помнится, что ты, три года тому назадъ, судился за кражу?

— Шохрани Богъ! Это вѣрно другой еврей. Чи я развѣ смѣлъ-би въ глаза кому-нибудь шмотрѣть, ежели-би я часомъ, ничаянно, своровалъ-би что-нибудь. Только это дѣйштвительно, здѣсь много зъ нашихъ зъ воровство занимались, потому это для нихъ довольно вигодно; а я объ такого шквернаго дѣлу и не думалъ.

— А паспортъ твой гдѣ?

— Пачпортъ мой ждѣсь нѣту, потому мой синъ зъ нимъ на минуточку въ другой городъ поѣхалъ.

— Какъ-же ты безъ паспорта живешь?

— На что мнѣ, ваше вишокоблагородію, пачпортъ, когда я вамъ моего благороднаго,

еврейскаго слово даю, что я самый настоящій Ицкельжонъ и есть и что другой фамилья мнѣ и задаромъ не надо. Мнѣ кажется что ви больше можете вѣрить живой человѣкъ, чѣмъ то, что на бумага написано! Пожалуйста, приказивайте меня отпускать, потому мнѣ шегодня очень много шерьезного дѣла есть.

— Подождать. А ты сколько времени здѣсь живешь?

— Я?

— Да.

— Я еще завшемъ, ваше вишокоблагородію, не пріѣхалъ!

— Какъ не пріѣхалъ?

— Завшемъ не пріѣхалъ!

— Объясни, что это значитъ?

— Съ удовольствіемъ! Этого еврей Ицкельзонъ вжэ живетъ ждѣсь, какъ ви сами ижволили ражгиваривать, больше чѣмъ три года; а онъ, шарлатанъ, говоритъ, что только одинъ годъ; а я живу меньше чѣмъ годъ даже...

— Ну, такъ что-жъ?

— Значитъ, по счету виходитъ, что я еще завшемъ не пріѣхалъ!

*

— Вотъ я тебя? Фамилія твоя какъ?

— Моего фамилія есть Шварцъ.

— Врешь!

— Зачего мнѣ врать?

— Не можетъ быть, чтобы твоя фамилія была Шварцъ.

— Зачего не можетъ бить, какъ вше моего семейство, сколько годовъ такъ наживается.

— Да вѣдь пріѣзжаго начальника тоже фамилія Шварцъ.

— Шварцъ?!

— Да.

— Псс! Ну, должно бить онъ тоже изъ очень хорошей фамиліи.

Армянинъ на аукціонѣ.

(Сценка съ натуры).

Продажа съ аукціона разныхъ вещей въ богатой квартирѣ. Народу много. Ходятъ, смотрятъ вещи, надбавляютъ цѣну, покупаютъ, шумятъ. Публика самая разнохарактерная. Маклаки солидно осматриваютъ мебель. Дамы восхищаются разными бездѣлушками, фраты съ моноклями въ глазу восхищаются дамами. Неизмѣнные посѣтители всѣхъ аукціоновъ – евреи, такъ и толкутся у стойки. То и дѣло слышенъ ихъ крикъ къ аукціонисту: «Гашпадинъ, пажвольте намъ ище разъ пашматрѣть этово вещь, можетъ она, часомъ, гдѣ нибудь шпорчена!» — Здѣсь же важно гуляетъ какой-то армянинъ; встрѣчаетъ его знакомый. — Начинается разговоръ:

— Здравствуйте. Что вы тутъ дѣласте?

— Мое почтэніе. Нычего пакуда ны дэлаю!

— Зачѣмъ же вы пришли?

— Имэю малынкаго дэло здэсъ.

— Какое дѣло?

— Это, видытэ, сыкрэтъ.

— Ну, не смѣю распрашивать.

— Нэтъ, видытэ, душа мой, вамъ я могу это разгаваривать: всэмъ ныльза, патаму это очинъ дэлыкатнаго вещь!

— Что-же это такое?

— Видыте, я влюблонъ!

— Неужели?

— Увираю васъ! Ви пожалуста, ны смэйтысь; она знаиты, очень образованная женщына и она въ минэ влубылась, патому она видыла, что я тожи очинъ абразованный чилавэкъ.

— Что же, вы ей хотите здѣсь что нибудь купить?

— Это удывытэльно, какъ ви скоро догадывалысь, я би никогда ны догадывалса! Она, видыте, очинъ просыла минэ, ей подарытъ столыкъ для писанью.

— На что-же ей столикъ?

— Она гаварытъ, что ей нэтъ мэсто пи-

сать пысмо ко мнэ, когда я долго ны прыхожу. Я въ магазынъ хадылъ, но тамъ очинъ дорого приходится за любовъ платытъ, а здэсь дышевле пакупать можно. Скоро будутъ вотъ этотъ столыкъ продавать. Я его нынрымэнно куплу.

— А если кто нибудь перебьетъ?

— Я ны зачто ны уступлу?

Начинаютъ продавать столъ. Аукціонистъ объявляетъ цѣну двадцать рублей.

— Я даю двадцать пять рублей,—провозглашаетъ армянинъ.

— Двадцать пять... разъ... два...

— Трыдцать два рубла даю,—кричитъ армянинъ.

— Тридцать два... разъ... два...

— Трыдцать восемъ съ удовольствіемъ даемъ!—горячится армянинъ.

Въ толпѣ начинается смѣхъ. Публика окружаетъ армянина.

— Тридцать восемь... разъ... два...

— Сорокъ пять даемъ! Дэнги сичасъ плотымъ! — кричитъ, уже весь красный, армянинъ.

— Сорокъ пять... разъ... два... три... Столъ за вами.

— Благодарымъ васъ. Очинъ ужъ я боялся, что столъ минэ ны достанытся.

— Что же, вы теперь рады?—спрашиваетъ его знакомый.

— Очинъ дажы радъ. И кажытся, ны дорого заплатылъ?

— Вы бы могли его дешевле купить. Зачѣмъ вы столько набавляли?

— Я боялся, чтобъ другой нэ пирыкупалъ?

— Вы такъ горячились, что и не замѣтили, что никто не набавлялъ.

— Ныужэлы? Досада какой! Ну, впрочымъ, душа мой, это нычыво! Оны по крайнэй мѣрѣ будутъ панымать, что я должно бить очинъ образованный чилавэкъ и много бамага пышу, если такъ хатэлъ столъ для пысанью пріобрытатъ! Прощай, душа мой, нэкогда; столъ тащытъ, будимъ! это дѣйствительно, я съ мое образованью нымножко горячилса!

Возвращеніе еврея съ Кавказа.

(Сценка).

Встрѣчаетъ знакомый еврея, возвратившагося съ кавказскихъ минеральныхъ водъ.

— Здравствуйте! Когда вы возвратились?

— Ждраствуйте. Возвращался, шлава Богу недавно.

— Гдѣ ѣздили!

— Я вше время сидѣлъ на минеральнаго вода въ Пятигорскъ съ шемействомъ; жена сидѣла, дѣти сидѣли, вшѣ сидѣли.

— Лечились?

— Дѣлали курсу.

— Помогло вамъ и семейству?

— Какъ-би вамъ шказать? Ви знаете, этого леченію много очень съ воображенію помогаетъ.

— То-есть, какъ это воображеніемъ?

— Ей-Богу, съ воображенію. Я даже зъ нимъ больше моего жена и дѣти помогалъ чѣмъ зъ вода.

— Какимъ-же это образомъ?

— Это завшемъ не зъ образомъ, а зъ умомъ. Видите, я, что вамъ, потихонько, правду шказать, я больше чѣмъ для леченію, я съ коммерческаго цѣлью ѣхалъ.

— Съ какой именно?

— Видите, я слихалъ, что это очень вигоднаго дѣлу эти минерального вода держать, тольки тамъ вжэ г. Байковъ на этого дѣлу эпидемію имѣетъ.

— Какую эпидемію?!

— Эпидемія, что кромѣ него, никто зъ этого дѣлу заниматься не можетъ.

— Такъ это монополія.

— Чи монополья, чи эпидемья, ни вше минѣ равно, когда ни я, а онъ сибѣ деньги въ карманъ кладетъ. Тольки я ищо больши би заработывалъ, потому что я би вше зъ воображенію лечилъ-би...

— Да объясните, какъ это можно воображеніемъ лечить?

— Ей-Богу, можно.

— Какъ-же это?

— Отъ шлухайте, я вамъ буду разсказать какъ я моего шемейству съ полнаго воображенію вилечилъ. Съ перваго началу ми въ Пятигорску жили, и я вамъ даже разговаривать не могу, скольки моего сердцу на сто мелкаго куски разривалось, что минѣ стольки деньги съ карману надо было платить. Ну, вжэ знаете, когда насъ съ этого проклятаго Ешентуки переводили, я завшемъ лопнулъ и за волосы себя держалъ!

— Отчего?

— Ви говорите, отчего? Чи развѣ можно такого деньги платить? Разъ купался — плати; жену купалась—плати; дѣти купался — плати; за вшякаго минута плати. Бойтесь Богу! Ви думаете, васъ, можетъ бить, доктора спрашиваютъ, чи вамъ лучше отъ леченію? Нѣтъ. Они васъ спрашиваютъ, чи остались-ли у васъ деньги, чтобъ еще платить. Они даже пить даромъ не даютъ. Они себѣ видумывали, чтобъ вшѣ пили какого-то семнадцатаго номеръ. Зачиго это? Я развѣ долженъ ходить съ номеромъ въ шередкѣ. Развѣ я звощикъ, чи городовой?! Я начиналъ просто съ терпѣнію вискакивать и придумивалъ, съ своего воображенію, что дѣлать. Я самъ сталъ

ходить для жена и дѣти за этого семнадцатаго номеръ, и что ви думаете, я ждѣлалъ? Я съ покойнымъ духомъ имъ простого вода лилъ и, шлава Богу, имъ лучше стало и они теперь завшемъ больше здоровы стали, чѣмъ я отъ настоящаго семнадцатаго номеру вода! Такъ подумайте ви себѣ, ежели г. Байковъ съ настоящаго номера столько деньги заработаетъ, такъ что-би наша еврейская компанія заработала, ежели-би она взяла этого эпидемію въ руки и давала-би больнымъ простого вода только съ воображеніемъ. Это страхъ, сколько можно заработывать!

— А въ Кисловодскѣ были? въ Нарзанѣ купались?

— Вже про этого поскудство ви мнѣ даже не разговаривайте!

— Отчего?

— Оттого, что минѣ шказали, что кто въ Наржанѣ купаться будетъ, очень веселый будетъ. Ну, знаете, какъ минѣ ужъ очень скучно било, что я столько деньги истратилъ, я себѣ думалъ: пойду я немножко покупаюсь. Ну, я вамъ знаете, даже разговаривать не могу, что со мной послѣ этого проклятаго покупанію ждѣлалось. Вше на-

зивается веселый! Вѣрите минѣ, точно сто бутилки зъ жельцерскаго вода, что пробки вишкакиваютъ и два пожарнаго солдату на пожаръ ѣдутъ — ко мнѣ въ широдку посадили! Я вжэ такъ зъ ногами на вшякого сторона скакалъ, что минѣ чуть въ полиція не забрали. Охъ! Нѣтъ, этого только въ еврейскія руки надо отдавать, чтобы настоящаго порядку дѣлать.

У адвоката.

(Сценка).

Къ адвокату является утромъ какой-то еврей.

— Можно минѣ, часомъ, видѣть гашпадинъ адвокатъ?

— На что вамъ?

— Минѣ ихъ очень нужно.

— Дѣло у васъ какое-нибудь?

— Положимъ, у меня не дѣло, а тольки минѣ ихъ очень нужно видать.

— Онъ теперь занятъ. Подождите немножко.

— Зачего ви минѣ съ разу этого не шказали, что онъ занятой? Я-би напрасно столько не разговаривалъ.

— Что-жъ, развѣ вы боитесь разговаривать?

— Нѣтъ, я не боюсь; только зачего напрасно этого даромъ дѣлать? Вѣдь гашпадинъ адвокатъ за каждаго слово деньги беретъ.

— Каждый человѣкъ за свой трудъ беретъ деньги. Вѣдь вы за что-нибудь берете деньги?

— За что-нибудь?! Я бы за вше хотѣлъ деньги брать, только минѣ не даютъ.

Черезъ нѣсколько времени, зовутъ еврея къ адвокату.

— Чѣмъ могу служить? — спрашиваетъ адвокать у еврея.

— Чѣмъ ви менѣ, звините, можете служить?

— Да.

— Это я, напротивъ, къ вамъ приходилъ, чтобъ у васъ служить.

— Какъ это, у меня?

— Я приходилъ вамъ просить, гашпадинъ я знаю, ви очень добраго человѣкъ, чтобъ ви менѣ какого-нибудь мѣсто находили.

— Во-первыхъ, я не занимаюсь раздачею мѣстъ, а во-вторыхъ, какое-же мѣсто я бы вамъ могъ дать?

— Можетъ бить, ви можете гдѣ нибудь

менѣ мѣсто кассира достать, гдѣ завшемъ честнаго человѣку требуется!

— Кассира?! Какое же вы можете дать удостовѣреніе, что вы честный человѣкъ?

— Удостовѣренію?

— Да.

— Моего шобственнаго, честнаго еврейскаго слову!

— Ну, этого еще мало. Да впрочемъ, постойте, постойте; если я не ошибаюсь, вы вѣдь судились два года тому назадъ за воровство. И я еще васъ защищалъ?

— Это вѣрно; я, дѣйствительно, судился и ви менѣ защищали.

— И были приговорены къ годовому тюремному заключенію?

— Это тоже вѣрно; я вжэ сидѣлъ!

— Такъ какъ-же вы, послѣ этого, приходите ко мнѣ просить мѣста кассира, увѣряя, что вы честный человѣкъ.

— Отчего-же я къ вамъ не могу приходить и увѣрять?

— Да вѣдь васъ судъ приговорилъ въ тюрьму.

— Я къ суду этого самого, гашпадинъ, и не хожу. Богъ зъ нимъ; а я къ вамъ пришелъ.

— А ко мнѣ отчего вы пришли?

— Потому менѣ вѣдь только судъ приговорялъ.

— Ну, такъ что?

— А ви, гашпадинъ, на оборотъ минѣ защищали; ви имъ вшѣмъ шказали, что я самого честного человѣку; что я эти вещи, что покралъ, даже съ глазами не видалъ никогда. Значитъ, ви менѣ вѣрите, что я честный человѣкъ!

— Я васъ только защищалъ; но я знаю, что вещи вы украли и мѣста никакого вамъ дать не могу. Прощайте.

— Благодаримъ вамъ! Хорошаго справедливость! Увъ судъ одного разговаривать, а въ шобственнаго кабинету другого. Вже я вамъ скажу, судъ даже хорошо ждѣлалъ, что вамъ не повѣрилъ, потому вже я самъ типеричка вижу, что вамъ вѣрить завшемъ нельжа!

Демонъ.

(Сценка съ натуры).

Армянинъ, бывшій «цырулныхъ дэлъ мастыръ и голова стрыготъ» прочиталъ афишу. Давали «Демона» Рубинштейна.

— Нада хадытъ. Нипримэнно нада хадытъ. Лэзгынка танцовать будутъ: знакомый чилавэкъ съ Кавказъ можитъ битъ встрэтымъ. Вироятно, Рубынштейнъ арманынъ, что такой тыатру дэлалъ, гдэ лэзгынка танцаватъ будутъ. Умный чилавэкъ, хорошый чилавэкъ, абразованный чилавэкъ!

Сходилъ армянинъ въ театръ. Черезъ нѣсколько дней встрѣчается онъ съ однимъ знакомымъ. Поздоровались.

— Что-жъ вы подѣлываете?

— Нычиво, гаспадынъ, живомъ патыхонку.

— Парикмахерская ваша хорошо идетъ?

— Мы съ парыкмахырской болши ны занымаимса.

— Отчего?

— Савсэмъ тарговла канчалъ; даходъ никакой нэтъ. Прежды всэ брытся хадылъ и дэла, слава Богъ, харашо хадылъ; а тыпэръ никто ны ходытъ; ны афыцэръ ны ходытъ, ны ваенный писаръ ны ходытъ,—савсэмъ тарговла пропалъ; я братъ, душа мой, лавка закрывалъ и тарговла канчалъ. Шабашъ савсэмъ!

— Что-же вы теперь дѣлаете?

— Нычего. Гулаю. Клубъ хажу. Тыятуръ хажу. Ныдавно опыра хадылъ.

— А вы любите музыку?

— Нэтъ; я патаму хадылъ, чтобъ Демонъ сматрэтъ.

— Понравилась вамъ опера?

— Нэтъ!

— Отчего-жъ?

— Патаму очинъ нывэрно. Я думалъ, что Рубынштэйнъ арманинъ, а виходытъ—нѣтъ; онъ савсэмъ Кавказъ ны знаитъ. Напримэръ, тамъ адынъ кнэзъ спытъ, а акторы, что разбойныкъ играютъ, савсэмъ подлы ныго стоятъ и паютъ: «будымъ тыхо подхадытъ,

чтобъ иму ны разбудытъ!» а онъ, мижду тэмъ, спытъ. Я въ дывятый ряду крэсло сидэлъ и всо слышалъ, что оны пэлъ, а онъ ны слышалъ и всо спалъ. Это ны вэрно. Патаму у насъ на Кавказъ, еслы кто спытъ и ты савсэмъ тыхо подхадытъ будышъ, такъ хазаинъ сичасъ скачылъ и кинжалъ рука бралъ и животъ иму пихалъ. Потомъ когда лэзгынка танцавать начыналъ, дла минэ малынкій ныпрыятность вихадылъ.

— Что-же съ вами случилось?

— Видышъ, душа мой, когда оны началъ танцаватъ, я зъ руками хлопать началъ и крычалъ: «та́че, та́че», какъ у насъ на Кавказъ дэлаютъ; я хатэлъ чтобъ большэ натурално било, а вдругъ хварталный ко мнэ подхадылъ и началъ минэ въ шея ганятъ и гаварытъ, что здэсь ны кахетынскій погрибъ, чтобъ «та́че» крычатъ. Я иму гавару, что я крычалъ дла натуралностъ, а онъ минэ гаварытъ, что это ны натуралностъ, это шкандалъ! За что шкандалъ?! такъ и виганалъ минэ. За что, пажалуста скажы минэ? Дла нашъ народъ опыра даютъ и намъ па шея гонаютъ. Удывытэлно! Такъ знаишъ, минэ на сердцу грустно становылосъ, что минэ

хварталный ны панымалъ, что я отъ горыстъ въ нымэцкій клубъ хадылъ, тамъ много барышна видалъ и дэйствитэлно хорошо забавлалса.

Въ мировомъ судѣ.

(Сценка).

Въ мировомъ судѣ разбиралось дѣло. Подалъ жалобу еврей Фавель Вайзеръ на армянина Харасьянца за то, что послѣдній избилъ его. Еврей выставилъ свидѣтеля нѣмца. Открылось засѣданіе. Судья вызываетъ истца и отвѣтчика.

— Разскажите, что вы имѣете показать по этому дѣлу,—обращается судья къ еврею.

— Что вамъ, гашпадинъ мировой судья, я буду по дѣлу показать? я вамъ лучше моего спина покажу, гдѣ онъ, ширлатанъ, мнѣ хорошаго дѣло показывалъ.

— Гаспадынъ мыравая судья, ны слушай иму машенькъ; слушай минэ лучши; я тыбэ всо разскажу, какъ дэло билъ,—прерываетъ армянинъ.

— Замолчите. Фавель Вайзеръ, продолжайте.

— Что-же менѣ, гашпадинъ мировой судья продолжать, когда я былъ битый, какъ пашлѣдняго гражнаго субаку.

— Вотъ вы и разскажите подробно, какъ было дѣло. Вы чѣмъ занимаетесь?

— Я съ дишконтомъ занимаюсь, и кромѣ того, я еще шемейнаго человѣку.

— Это къ дѣлу не относится.

— Жвыните, гашпадинъ мировой судья, это очинь даже относится, потому я чуть шемейство не потерялъ, такъ моего жену шпугалась, когда я съ такого потерянного виду домой приходилъ.

— Я чуть не ждохла, когда онъ съ такого дишконту домой прискакивалъ,— вскрикиваетъ вдругъ еврейка, находящаяся въ публикѣ.

— Господа, призываю къ порядку! Вайзеръ, продолжайте.

— Я вамъ вше съ порадкомъ разскажу. Этого Харасьянцъ минѣ деньги билъ долженъ; я ходилъ ему искать въ трактиру, потому онъ безпутного человѣкъ, звѣстно, съ дѣломъ не занимается, онъ вше въ трактиръ сидитъ; вотъ я приходилъ и говорю ему за-

всѣмъ вѣжливо, что вжэ сроку приходилъ что онъ платить менѣ долженъ, а онъ менѣ говоритъ, чтобъ я принесъ шуба, что я въ него въ залогъ бралъ...

— Позвольте, вы сказали, что занимаетесь только дисконтомъ, а теперь оказывается, что вы и вещи подъ залогъ берете.

— Это я ему благодѣянью ждѣлалъ, потому я ему хотѣлъ теплаго вещь для зима сохранять. Только я пошелъ домой и шуба приносилъ. Увдругъ онъ началъ кричать, что этого шуба спорчена, что въ середина другой мѣхъ сидить; что это моего жена дирка рѣзала и другого мѣху туда посаживала.

— Хорошего занятью, въ чужого мѣху дирку вирѣзывать; я.... (выкрикиваетъ еврейка).

— Замолчите; иначе васъ заставятъ удалиться. Продолжайте, Вайзеръ.

— Продолженію, гашпадинъ мировой судья, больше не будетъ, потому зъ этого мѣсту онъ ужъ менѣ начиналъ бить до полнаго моего безчувственнаго положенію, съ шумомъ въ публичнаго мѣсту и съ явного знаку насилья на моего спина.

— Харасьянцъ, что вы можете на это возразить?

— Что имэю возражэнью дэлать?! Нычего ны магу. Я тыбэ, душа мой, по порадокъ скажу. Дыйствытылно я ему дэнги должынъ билъ, ну, вилэлъ моя шуба принаситъ. Что ти думаешь, шуба очинъ хорошій билъ; увдругъ на вся спына, на мѣсто мой хорошый мѣхъ, настоящаго кавказскаго баранъ, онъ, мошэнныкъ, всо рэзалъ и какой то бирдычевскаго собака пришивалъ. Я ему это говору, а онъ ищо ны панымаетъ и спрашиваитъ: гдѣ мѣхъ другой? Ну, тутъ, дэйствытэлно, я ему за борода бралъ, перэвэрнулъ и зъ рука на его спына показалъ, гдэ мѣхъ пропадалъ. Я нэ виноватый, что у менэ тажолаго рука. А онъ сичасъ очинъ крычатъ началъ.

— Нѣтъ, гашпадинъ судья, онъ завшемъ вроть, онъ менѣ не покаживалъ мѣсто, а прамо зъ жлою умишлу захляштывалъ много разовъ по спина. Вотъ они даже свидѣтелю по этому дѣлу.

— Вы свидѣтель?

— Я звидѣтль!

— Вы нѣмецъ?

— Я кровавый нѣмцъ!

— Разскажите, какъ было дѣло.

— Но, тэло пыль засѣмъ простой. Онъ тэйзтфитльно шуба дранъ припозиль и онъ иму офъ зпина пилъ и я разъ пилъ...

— Какъ, и вы били его?

— Но, атинъ разъ; шубъ тэйствитэльна зпорченъ пуль!

— Какъ же вы его выставляете свидѣтелемъ, а оказывается, что онъ показываетъ противъ васъ, да вдобавокъ еще васъ-же ударилъ?

— Я на нихъ, гашпадинъ судья, не шердюсь, потому они дѣлали только продолженью; только они видѣли, какъ этого человѣку менѣ билъ.

— Это я фидаль; но ти засэмъ хорошъ шубъ краль?

— Гаспадынъ мыравая судыя, я заявлаю караулъ!! Прошу дѣло отложитъ. Я свидэтэлъ покажу, гдѣ шуба покупалъ, что мѣхъ хорошъ былъ.

— Хорошо, гашпадинъ судья, я на этого шогласенъ; нехай онъ швидѣтели покажетъ, а я потомъ съ него опять за спина искать буду; я ему за этого опозоренного мѣсту подарить не могу! Жвините!

Дѣло откладывается. Еврейка, подымаясь съ мѣста, кричитъ во всю камеру.

— Это еще счастье, когда онъ побитаго домой приходилъ, что я не била беременная какъ часто биваю, потому тогда навѣрнос несчастье би проишходило.

Леченіе электричествомъ.

(Сценка).

Пріемъ у доктора. Между прочими больными сидитъ еврей, ожидая очереди. При каждомъ больномъ, идущемъ по очереди въ кабинетъ доктора, еврей повторяетъ: «зачего я раньше не приходилъ; вжэ я теперичка навѣрно би зналъ, съ чѣмъ я больной!»— Наконецъ пришелъ его чередъ. Вошелъ онъ въ кабинетъ.

— Пожвольте вамъ предштавляться. Я гашпадинъ Хаельзонъ! Ви развѣ моего фамилія никогда не шлихали?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Это вдивительно. Моего фамилю много очень знаютъ...

— Чѣмъ я могу вамъ служить?

— Я вамъ попрошу немножко для меня

времени, потому мнѣ надо съ вами за двухъ ражгиваривать.

— Какъ это за двухъ?

— Шобственно за меня и за моего супругу мадамъ Хаельзонъ.

— Она тоже больна; отчего же вы и ее не привели?

— Потому она, по нѣкотораго шемейнаго обстоятельству, эти дни не можетъ виходить зъ дому. Пожвольте я вамъ вшо подробно разскажу. Во первого, гашпадинъ докторъ, въ нее такого болѣзню, что менѣ даже не ндравится.

— Что-же это за болѣзнь?

— Она, напримѣръ, сидитъ завшемъ ждороваго, увдругъ увпадетъ на полъ какъ кусокъ бревно и кричить; кричить какъ корова! и потомъ какъ будто никого не видеть: кто-би ни подходилъ, она вше говоритъ: это мой мужъ! Она всѣхъ за мужа принимаетъ!

— Чѣмъ-же еще она страдаетъ?

— Больше ничего.

— Ну, это еще не такъ опасно.

— Жвыните, пижалуста, этого для меня очень опасно, потому что она, когда здоровая, тоже можетъ бить, вшѣхъ будетъ за мужа принимать, вжэ по привычка.

— Нѣтъ, не бойтесь. Это у нея бываютъ нервные припадки.

— Вотъ, вотъ такъ! И прежде докторъ говорилъ, что въ ней нервы сидютъ. Жвыните, гашпадинъ докторъ, зачего такого болѣзню прежде не шлихать било? Развѣ можно, чтобы вдругъ новаго болѣзню объявлялись въ человѣку? Чтоби вдругъ новаго что нибудь въ него сидѣло?

— Скажите, какой докторъ ее прежде лечилъ?

— Ее, положимъ, не докторъ лечилъ, а фелшаръ, потому онъ дешевле бралъ; только онъ очень образованнаго человѣку; онъ даже, вѣрите, ежели какого-нибудь кость находитъ, даже собачаго, такъ и ту подбираетъ.

— Вы сами чѣмъ нездоровы?

— Въ менѣ болѣзня, гашпадинъ докторъ, завшемъ ошобеннаго; въ менѣ значалу есть большой ревматизму, котораго во мнѣ давно сидить; только онъ ошобенно сидить. Когда менѣ тянетъ крѣпко нога праваго, такъ лѣваго рука начинаетъ дребежать, какъ будто по ней мѣдного деньги сыпются и потомъ, кромѣ того, въ голова увъ менѣ такого жвонъ дѣлается, какъ будто ившѣ колокол-

чики отъ лошадей жвонять на почтового станцію, что я прежде содержалъ.

— А вы почтовую станцію содержали?

— Содержалъ. Тольки вжэ типеръ я содерживаю банкирскую контору.

Осмотрѣлъ докторъ еврея.

— У васъ застарѣлый ревматизмъ. Вамъ лучше всего лечиться электричествомъ.

— Шохрани Богъ!

— Отчего-же?

— Потому теперичка вше говорютъ противъ лектричество. Даже въ дума, гласнаго Михельзонъ ражгиваривалъ, что лектричество не надо.

— Онъ про освѣщенье электрическое говорилъ.

— Ражвѣ это не вше равно?

— Понятно, не все равно. Вамъ леченье электрическое надо.

— А я, жвыните, думалъ, что ви менѣ хотите въ шерединѣ какъ нибудь зъ лектричество освѣщать и тамъ шмотрѣть, гдѣ сидить болѣзня. А много его надо принимать?

— Его не принимаютъ.

— Какъ-же зъ нимъ лечатся?

— Вотъ машина; я буду прикладывать вамъ метслочку къ больнымъ мѣстамъ.

— А чи это больно будетъ?

— Порядочно.

— А долго времени менѣ надо лечиться?

— Не менѣе пятнадцати сеансовъ.

— Пятнадцати?! Ой, ой! Ну, такъ пажвольте менѣ прежде ходить домой и набрατся хорошо съ духомъ.

IV Даемъ вечеръ.

Разбогатѣвшій еврей-ростовщикъ Хапензонъ дастъ вечеръ.

У еврея жена, разжирѣвшая еврейка, не умѣющая даже читать ни по-русски, ни на своемъ благородномъ языкѣ, но тонирующая: она увѣряетъ, что съ дѣтства привыкла быть въ богатомъ семействѣ. Между тѣмъ это богатое семейство, жившее въ Бердичевѣ, состояло изъ папеньки, носившаго по городу разные товары, и маменьки, продававшей на рынкѣ еврейскій хлѣбъ. Самъ же ростовщикъ увѣряетъ, что онъ привыкъ «каждаго послѣ обѣда дѣлать прогуливанье въ коляску и спать въ завшемъ мягкаго поштель, какъ еще дѣлалъ, когда дите былъ». Въ сущности же родился онъ въ маленькой еврейской

хатѣ и тутъ-же надулъ всѣхъ. Бабка, принимая почти въ потьмахъ ребенка, объявила, что родилась дочь, но чрезъ нѣсколько времени закричала на всю хату «гвалтъ»! Оказалось, что родился сынъ. Отецъ тутъ-же предсказалъ ему большую будущность, если онъ ужъ съ первой минуты своего существованія могъ обмануть всѣхъ. И дѣйствительно, Хапензонъ оправдалъ предсказанія. Начавши въ молодости зарабатывать деньги всевозможными путями, не брезгуя даже перевозкой на собственной спинѣ публики черезъ грязь и затѣмъ постигши контрабандную мудрость, нахапавши денегъ и задумавши расширить свою коммерческую дѣятельность, онъ добрался до Петербурга, частью подъ вагонной скамьей, частью въ собачьемъ отдѣленіи, увѣривши, что проѣздъ совсѣмъ не такъ дорогъ. Жену свою мадамъ Холяндру, и дочерей Цицилинку и Хаичку онъ оставилъ до поры до времени въ родномъ градѣ и затѣмъ, уже порядочно ограбивши публику маленькими процентами подъ залогъ вѣрныхъ вещей,—выписалъ семейство, нанялъ богатую квартиру, безвкусно меблировавши ее, и началъ давать вечера, въ надеждѣ вы-

дать дочекъ замужъ,— какъ онъ выражался,— «за какого-нибудь порядочнаго банкирскаго контору!»

Девять часовъ вечера. Маменька одѣта и сидитъ на диванѣ, ожидая гостей. Отъ скуки она ѣстъ апельсинъ, чистя его руками. Папенька ходитъ по комнатамъ, приказывая больше курить «зъ амбре». Входятъ дочки.

— Ви вжэ готовы?— обращается къ нимъ отецъ.—Пошмотри, Холяндра, на дочки. Нехай въ Петербургъ находятъ еще такихъ двѣхъ. Это завшемъ молоко съ кровь въ лицо.

— Маменьку, душеньку, ви опять апельсинъ кушайте, когда еще гости нѣтъ?

— Что я непремѣнно при гости должна кушать? Что я развѣ не могу дѣлать въ мой салонъ, что минѣ вгодно?

— Ахъ, маменька, въ хорошій салонъ никогда апельсиннаго корку передъ гостей не лежитъ.

— Чтобъ они вжэ здохли этого гости, что я не могу въ свой салонъ кушать, когда менѣ хочется. Это хуже, какъ арештантъ! Давидъ! нехай уберутъ корки.

— Сейчасъ, душеньку. Камардинъ! Забирай этого пашкудство со столъ.

*

— Цицилинька, пришпили менѣ еще одна булавочка въ турнюръ,—говоритъ старшая сестра.

— Я уже тебѣ три пришпилила.

— Что тебѣ жалко еще пришпилить. Вотъ сюды. Мерси. Типеръ хорошо торчитъ турнюръ?

— Торчитъ. Ты сегодня будешь играть на фортепьянъ какого-нибудь морсо?

— Я буду играть зъ «Нормы». Ви любите, папенька, зъ «Нормы»?

— Нѣтъ. Сдѣлай лучше что-нибудь съ «Травьята».

Гости начинаютъ съѣзжаться. Общество самое отборное. Ростовщики, закладчики съ женами и дочерьми; два представителя маленькихъ еврейскихъ банкирскихъ конторъ и молодой еврей, торгующій мебелью, съ притязаньемъ на большой шикъ, съ моноклемъ въ глазу и разсказывающій постоянно о заграницѣ. Всѣ присутствующія дѣвицы безъ ума отъ него. Старшая дочь Хаичка пожираетъ его глазами и все время болтаетъ съ нимъ.

— А вы этого лѣто были заграницей, мосье Левитенштейнъ?

— Какже! Я, ви знаете, безъ этого не могу. Для менэ заграница, ву савей, это вше равно, какъ холодный вода!

— Вы вѣрно опять въ Парижъ были?

— Нѣтъ. Я немножко въ Монте-Карло ѣхалъ: я люблю рулетка и потомъ въ Швейцарью. Ви знаете, мадемажель, со мной билъ ужаснаго случаю на Женевскій озеро. Мы ѣхали въ лодка въ большого аристократическаго компанію, какъ вдругъ поднимался буря, лодка крѣпко повернула и одинъ упалъ въ вода. Всѣ потерали голова. Одна дама кричитъ мнѣ: мосье Левитенштейнъ, пу́ве ву наже?! Я кричу: вуй, же пувъ! Кидаюсь въ вода и за волосы винимаю его изъ вода и вириваю ему даже отъ усилья очень много волоса!

— Ахъ, какой ви храбрый, восхищаются барышни.

— Ой! Менѣ даже отъ страху нехорошаго въ шередка ждѣлалось! —вскрикиваетъ стоящая подлѣ пожилая еврейка.

— А въ театръ вы часто биваете?

— Я, мадемажель, ву савей, все хожу въ Михайловскаго. Тамъ очень хорошо играютъ. Я даже жилетка типерь ношу, какъ Вальбель, и тамъ очень аристократическаго обще-

ства сидитъ; нѣтъ этого купцы, ву савей, какъ въ Алекшандровскаго.

— Въ Алекшандровскаго вжасно какъ дорого вше,—говоритъ стоящая подлѣ старая, косая еврейка: —вѣрите, мой синъ за такого маленькаго лавку плотить тисячу карбованцевъ въ годъ.

— Это пардонъ, мадамъ, ми про театръ говоримъ.

— Тріятеръ? А я думала, Алекшандровскаго рынку ви ражгиваривайте.

По залѣ ходятъ два еврея.

— Ми вжэ почти подбирали, шлава Богу, компанію, чтоби такого банку, скопинскаго, откривать; онъ пойдетъ хорошо.

— Только не нужно такъ долго шидѣть, какъ Риковъ!

— Нѣтъ, ми раньше вбѣжимъ.

— Мадемажель Хаинька, играйте что нибудь!—обращается къ ней Левитенштейнъ.

— Съ вдовольствіемъ.

— Душеньку, ти будешь грáть? Господа, моего Хаиньку вамъ ждѣлаетъ немножко съ «Травьята»! — возвѣщаетъ отецъ.

Хаичка садится къ роялю. Гости разсаживаются.

Братъ пріѣхалъ.

(Сценка съ натуры).

Въ одномъ изъ хорошихъ петербургскихъ домовъ, посѣщаемыхъ большимъ обществомъ между прочими гостями бывалъ одинъ «кавказскій кнэзъ». Былъ онъ изъ хорошей фамиліи, держалъ себя прилично и питалъ сильную любовь къ своему брату, проживающему въ Тифлисѣ. О чемъ-бы вы съ нимъ ни говорили, что-бы ему ни разсказывали, онъ непремѣнно прибавлялъ: «да это савсэмъ какъ мой братъ въ Тифлысъ». Однажды хозяйка дома разсказывала, какъ одинъ ея знакомый срѣзалъ какого-то господина остротой; онъ и тутъ не выдержалъ.

— Знаитэ, сударына, это совсэмъ какъ мой братъ въ Тифлысъ. Это удывытэлно, какъ

онъ одынъ разъ срэзывалъ адынъ сикрытаръ. Мой братъ занималъ адынъ разъ на кароткое время большой должность. Онъ дажи и къ нэй не билъ приготовлынъ; толко ему увдругъ читаетъ сикрытаръ одна бамага. Полчасъ читаетъ, цэлый часъ читаетъ, два часа читаетъ, потому очинъ большой бамага билъ; увдругъ мой братъ иму останавлываетъ и говорытъ: «Пастой, пастой, ны савсэмъ хорошо панымаю; кто пишетъ эта бамага: ми имъ пишемъ, илы они намъ пишутъ»? Вэритэ, сударына, онъ такъ зъ этымъ рэзалъ сикрытаръ, что тотъ дажи нычего ны сказалъ, сабиралъ бамага и ухадылъ! На другой дэнь весь Тыфлысъ зналъ объ эта замичатылная исторія.

Однажды хозяйка дома, прощаясь съ нимъ, просила его къ себѣ чрезъ три дня на вечеръ.

— Съ удовольствыемъ, сударына. Еслы мнэ тожи позволытэ привазытъ мой братъ; онъ какъ разъ приходытъ въ этотъ дэнъ изъ Тыфлысъ...

— Ахъ, очень буду рада. Жду васъ.

Насталъ желанный день. «Кнэзь» встрѣтилъ въ вокзалѣ своего брата, угрюмаго кав-

казца гигантскаго роста и съ большими усами.

Привезши его къ себѣ домой, кнэзъ былъ въ восторгѣ.

— Ны магу тыбэ виражатъ, другой мой, какъ я въ васторгы, что ты наконэцъ здэсъ. Я объ тыбэ виздэ разгаварывалъ, какой ты абразованный чилавэкъ. Ты здэсъ вэлыкалэпно врема праводытъ будышъ, патаму у менэ очинъ аристократычискаго знакомство есть. Напримэръ, ми дажи сигодня приглашенъ съ тобой въ госты, ми тамъ очинъ хорошо врэма проводытъ можимъ.

— Я и дома могу проводытъ врэма.

— Ми тамъ цигары хорошія курытъ будымъ.

— Я и дома могу курытъ.

— Танцоватъ будымъ!

— Я и дома могу танцоватъ.

— Тамъ очинъ хорошенки дѣвушки будутъ!

— Я и дома харошынкый дэвушка видэтъ могу.

— Ужынатъ вэлыколэпно будымъ!

— Я и дома тожи могу ужынатъ.

— Что мынэ съ нымъ дѣлатъ, чтобъ онъ

поѣхалъ. Обману нымножко его. Послы ужынъ будымъ всэ барышна цэловатъ!

— Цэловатъ будымъ?! Ѣдымъ!?

Вечеромъ пріѣхали. Кнэзъ отрекомендовалъ брата хозяйкѣ дома.

— Очень пріятно съ вами познакомиться. Прошу васъ быть какъ дома.

— Нѣтъ, это ужъ извынытэ, сударына, у насъ въ Тыфлысъ, еслы кто въ чужой домъ распаражаитса какъ въ свой домъ, —иму сичасъ за шэя виганаютъ.

— Ви ны бизпакойтысъ, сударына, я ужъ его здэсъ познакомлу.

Спустя немного времени, хозяйка подходитъ къ брату кнэзя:

— Не угодно-ли вамъ курить?

— Благодару васъ; ми и дома можимъ курытъ.

Начинаются танцы; хозяйка опять подходитъ:

— Не угодно-ли вамъ танцовать?

— Нэтъ, благодару васъ, ми дома тожи можимъ танцоватъ!

Гости начинаютъ интересоваться кавказцемъ, и когда хозяйка любезно идетъ пригласить его къ ужину, подлѣ него собирается порядочно публики.

Петербургскій кнэзъ въ восторгѣ и шепчетъ всѣмъ: «Это удывытэлно, какой братъ остроумецъ.

— Не угодно-ли вамъ ужинать?

— Нэтъ, благодару васъ; дома тожи можимъ ужинать!

— Что-же вы не хотите ничего: ни курить, ни танцовать, ни ужинать?

— Ны бизпакойтысъ, сударына, ми подождомъ послы ужинъ, когда барышны цэловатъ всэ начнутъ, тогда ми себэ нымножко покажимъ!!

Картина.

На пароходѣ.

(Сценка съ натуры).

Конецъ сентября. На одесской пароходной пристани много публики. Черезъ часъ отходитъ пароходъ въ Херсонъ. Погода для путешественниковъ непріятная: накрапываетъ дождикъ; вѣтеръ сильный. Въ перспективѣ порядочная качка. Многіе, войдя на пароходъ, уже запасаются лимонами, мятными лепешками и укладываются на койкахъ, въ ожиданіи страданій. Публика состоитъ, большею частью, изъ евреевъ, евреекъ и дѣтей ихъ, такъ какъ въ Одессѣ нѣтъ почти ни одного еврея, который, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, не съѣздитъ въ Херсонъ. Одесса и Херсонъ родныя сестры по еврейской торговлѣ. Гвалтъ на пристани невообразимый. Еврейки тащатъ дѣтей, перины и

подушки, причемъ кричатъ во всю глотку.—Хаймъ,—кричитъ еврейка мужу,—гдѣ еще два подушку; скорѣй бѣгай искать; этого-же завшемъ разоренію зъ этого путешествію! Ой, больше я вжэ не имѣю силы! Дѣти! куда ви вшѣ полѣзли! Ицекъ шарлатанъ, ти впадешь въ вода; ти вѣрно себѣ думаешь, что на вода даромъ ѣхать можно? Охъ, чтобъ ви вжэ всѣ ждохли, бо я больше зъ вами не могу!—«Ривка,—кричитъ съ пристани еврей на пароходъ другой еврейкѣ, окруженной тоже кучею дѣтей,—чи ты, душеньку, не забыла вкладывать моего жилетку и чернаго шюртуку?» —Я могу будто-бы помнить объ твоего жилетку, когда въ менѣ столько дѣти, что я всякаго сила потеряла?—По пристани важно расхаживаютъ два еврея, разговаривая о дѣлѣ. Одинъ держитъ другаго за пуговицу сюртука, а тотъ придерживастъ перваго за бороду. Раздается второй звонокъ. Кто то подходитъ къ евреямъ.

— Послушайте: ужь второй звонокъ; идите на пароходъ.

— Ничего; въ менѣ билетъ зъ перваго классу.

— Смотрите, не опоздайте.

— Нѣтъ, я вжэ знаю.

Раздается третій звонокъ. Еврею ужъ кричатъ съ парохода:

— Скорѣй идите; сейчасъ пароходъ отходитъ!

— Ничего; въ менѣ первый классу.

Ходьба евреевъ и разговоръ продолжается.

Въ это время раздается свистокъ. Сходни сняты и пароходъ двигается. Еврей, ничего не замѣчая, прощается съ знакомымъ, но—увы!—пароходъ ужъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ пристани. Еврей подымаетъ крикъ:

— Что такое? Пароходъ вжэ отходилъ? Ой, гвалтъ! Гашпадинъ капитанъ! гашпадинъ пароходъ! Оштанавливайте на минута! Въ менѣ билетъ перваго классу! Менѣ вжасно надо ѣхать! Это-же чистаго грабежу! Моего вещи въѣхали! Звощикъ! городовой! помогайте кто-нибудь!

Въ публикѣ смѣхъ. Пароходъ скрывается.

Пассажиры заняли мѣста, койки. Еврейки прежде всего уложили дѣтей спать, а сами сѣли, приготовившись къ качкѣ, сдѣлавши предварительно страдальческія лица.

Качка не замедлила начать свои дѣйствія. Кое-гдѣ ужъ раздавались стоны.

Въ третьемъ классѣ у борта стоялъ еврей, держась за канатъ; онъ сильно страдалъ.

— Охъ, зачего я на этого проклятаго пароходу поѣхалъ! Это вѣрно чортъ менѣ билъ попутчикомъ! Охъ! лучше би я на Адесъ сидѣлъ!

Въ каютѣ перваго класса, въ дамскомъ отдѣленіи, оретъ еврейка.

— Ой, увмираю! завшемъ вмираю; вжэ я чувствую, что въ менѣ въ шередкѣ ничего нѣту! Горнична, шкорѣй давайте менѣ въ ротъ лимонъ. Ой, моего бѣднаго дѣти; ихняя мамынька такъ штрадаетъ, а они шплятъ. Ой, горнична, жовите шкорѣй мой мужъ, бо я вжэ не виживу.

— Сударыня, я не знаю вашего мужа.

— Вше равно; кричите прамо: «Гашпадинъ Шмуль», онъ пойметъ! Мадамъ, пожвольте ему сюда заходить, потому онъ завшемъ какъ не мужчина. Только я безъ него теперичка не могу!

Вбѣгаетъ еврей.

— Любочку, что тебѣ? Тикай шкорѣй въ ротъ лимону.

— Ой, я вжэ полнаго роту натикала; увмоляю, ищи, можетъ гдѣ нибудь докторъ есть; нехай онъ менѣ спашетъ!

Еврею, на счастье, удается найти на пароходѣ доктора.

— Гашпадинъ докторъ, ждѣлайте милость на минуточка до моего жена! Она завшемъ жнуралась; она, бѣднаго, такъ кричить, что вшѣ даже себѣ уши позатикивали.

— Что-жъ, се укачиваетъ?

— Чи вкачиваеть, чи что другого, я вжэ этого не могу понимать, только пожалуста шкорѣй, чтобъ она часомъ не померла.

— Что съ вами, сударыня? – спрашиваетъ входящій докторъ.

— Что въ менѣ? Вше! Въ глаза у меня завшемъ потемки; въ шередка у меня, какъ будто кто зъ молоткомъ стукаетъ: тикэлехъ! такэлехъ! Ой, это шабирнаго страданію! Ради Бога, ждѣлайте менѣ что-нибудь!

— Потерпите немножко. Возьмите два, три кусочка селедки. Это помогаетъ.

— Три кусочка! Я готова цѣлаго живого шеледка скушать, чтобъ менѣ только легче било.

— Постарайтесь заснуть. Я потомъ еще зайду.

— Шмуль, онъ менѣ не помогалъ, онъ только совѣтывалъ; не плати ничего, а то менѣ еще хуже будетъ.

Чрезъ нѣсколько времени еврейка опять подымаетъ крикъ:

— Ой, горнична, зовите мужъ; шкорѣй зовите!.. Шмуль, брось менѣ на море, бо я больше не видерживаю.

— Вшпокойся; можетъ бить, качку пройдеть.

— Хади, Шмуль, на верхъ; взнавай, можетъ бить капитанъ засипалъ и пароходъ идетъ въ другая сторона, бо это не можетъ бить, чтобъ до Херсону такого буря била!

Черезъ часъ раздается пронзительный свистокъ.

— Пожаръ!! кричитъ во всю глотку еврейка.

Пароходъ подходитъ къ пристани.

Моя собака.

(Разсказъ еврея).

(*А. А. Нильскому*).

Просто даже мнѣ вдивительно, даже стидно ражказивать про моего собаку, съ котораго менѣ штолько хлопоты, что цѣлого дню только и слышно, что про этого проклятого собаку. Что менѣ больше вшего обидно вжасно, это что зъ этого чернаго собачьяго морда менѣ еврей надувалъ! О! чи ви слишали, чтоби свой своего надувалъ? Ежели-би онъ надувалъ русскій или нѣмецъ, или даже францувъ, ну, это-би еще ничего; но своего шобственнаго народу-евреи обманывать, это вжэ виходитъ мошенскаго предштавленію. Шлухайте, пожалуста, какъ это вше виходило. Жилъ я себѣ съ моя жена Халяндра прошлаго лѣту въ Пав-

ловскъ,—патаму я вшегда долженъ лѣтомъ зъ вольнымъ воздухомъ дыханіе дѣлать. Халяндра моя пошила себѣ два шелковыя платья, купила себѣ новаго шляпку съ перу, новые башмаки; я себѣ ждѣлалъ жукетка, чилиндеръ на голова, ляковыя перчатки пакупалъ и зъ одного шлово, ми прогиливались на музика, завшемъ какъ аристократическаго аристократію, ошобенно какъ я на своего носу загвинчивалъ пенсе. На насъ даже вшѣ смотрѣли и я съ своими шобственными ушами шлихалъ, какъ одинъ офичеръ до другаго шказалъ: «какого замѣчательного пару; завшемъ какъ рангутанги». Халяндра не понимала этого шлово рангутанги, такъ я ей объяснялъ, что это такого люди, что въ Америка живутъ и что, вѣрно, этого офичеръ насъ за американцевъ принималъ. Это вжасно какъ мая Халяндра понравилось. Ну, вотъ, ми себѣ такъ шпокойно идемъ потихоничку съ Халяндра домой и съ нами еще одного мой знакомый идетъ, ражгиваривземъ объ очень интереснаго ражговоръ, что въ Петербургу новаго ссудного кассу открывалась, —увдругъ моего Халяндру закричала, какъ будто ее кто-ни-

будь зъ булавками тикалъ, зачипалася зъ ногтями за моего рука, забивала завшемъ, что ми похожи на американцы, и начинала кричать на вся Павловскъ, на своего благороднаго еврейскаго языку: «Ицекъ, шкорѣй шмотри, каково маленьково шубаку». Я ее вспокоивать; гдѣ же я могу доставать такую цуцику. Увдругъ этого самаго господинъ, что ходилъ съ субаку, подходить къ намъ и я вижу, что онъ тоже еврей, и вжасно какъ обрадовался. Онъ съ вѣжливое обращенію падималъ шляпу и говоритъ до моего жену, что онъ можетъ ей продавать это рѣдкого субаку, котораго онъ привезъ зъ Америку, куда опьять ѣдетъ. Я его спрашивалъ, чи субаку этого не выроститъ, потому я большаго субаки боюсь: мнѣ вше кажется, что они менѣ за ноги кусаютъ,— а онъ менѣ отвѣчалъ, что съ этого субаку такого рѣдкаго природу, что покуда она не ждохнетъ, вше такого маленького будетъ, и попросилъ за нее пьять рублей. Я немножечко поторговался, только онъ не вступалъ; завшемъ на еврея не похоже! Купили субаку. Моего Халяндру такъ ее цѣловала, что чуть ее въ ротъ не посадила.

Цѣлаго день и ночь она зъ ней возилась, и дѣйштвительно цуцику билъ очень хорошій; иногда бивали зъ ней маленькаго непріятности, ну это ничего. Ми вшѣмъ этого рѣдкаго кжемпляру показывали и моего близкаго, хорошаго жнакомому вше говорилъ, что этого дите очень большаго виростетъ. Халяндра вжасно какая била злая за этого и увѣряла, что она съ самаго Америка такого маленькаго пріѣхала, а жнакомый увѣрялъ, что въ Америка одинъ климатъ, а ждѣсь другой. Я самъ билъ увѣренный, что еврей мнѣ продавалъ навшегда маленькаго песу. Менѣ совѣтывали называть этого песу «Дружокъ». Нехай такъ. Вдругъ этого самаго шарлатанскаго Дружокъ началъ рости; вѣрите, каждаго день въ него началъ лишній кусокъ прибавляться, и теперичка въ меня замѣсто американскаго замѣчательного природу, виросла простого русскаго швиня! Это менѣ такъ еврей надувалъ! Чтобъ онъ шарлатанъ до Америка не доѣхалъ; чтобъ ему какого-нибудь субаку за носъ кусала! Теперичка этого Дружокъ живетъ у насъ и безъ вшякаго черемонію, какъ хозяинъ, лежитъ на самого хорошаго мебель и я его

боюсь гонять, потому я все объ свои ноги думаю. Просто савсѣмъ не знаю, что менѣ съ нимъ дѣлать. А въ добавку ко вше это онъ въ менѣ недавно пропалъ. Я даже билъ за этого радъ, а Халяндра чистаго гвалту поднимала, чтобы находили его. Гдѣ-же его я могу находить? На другаго день я себѣ ѣхалъ на сани, увдругъ на самаго Полицейскаго мостъ, шмотрю, идетъ одного даму и на веревка ведетъ мой субаку. Я не видерживалъ и на весь мостъ закричалъ: «Дружокъ»! Онъ остановился, повертѣлъ съ хвостомъ, помахалъ зъ головою, взнавалъ меня и началъ лять, какъ сумашедшій! Я говорю: звыните, мадамъ, это моего сабаку,— а она говоритъ что ея, потому что она за нее одинъ рубль заплатила; я ей говорю, что я за это пашкудство пьять рублей заплатилъ и что субаку возьму; и обрѣзивалъ безъ черемонію веревочку. Она говоритъ, чтобъ я ей деньги отдавалъ; и я говорю: на что я за швоего субаку буду платить; возьмите лучше себѣ швоего веревочка, чтобы другой песъ водить. Садился на сани, Дружокъ бралъ къ себѣ; ѣдемъ, онъ кричитъ; за нами собаки бѣгаютъ, тоже кри-

чать; зъ однимъ шловомъ гармидеръ на вшего Петербургу! И вше этого тріятеръ менѣ надѣлалъ шарлатанъ, мошенникъ еврей и черезъ него я столько терплю зъ этого проклятаго сабачьяго барбоска!!

На телеграфѣ.

(На телеграфную станцію вбѣгаетъ армянинъ. Публики никого нѣтъ. Онъ направляется къ дежурному чиновнику).

Армянинъ. Скажи пожаласта, здэсь тылыграфъ будытъ?

Телеграфистъ. Здѣсь.

Армянинъ. Здэсъ всякого дыпэшу посылать можна?

Телеграфистъ. Можно. Давайте депешу.

Армянинъ. Пагады, пожаласта; ны тарапысъ! Мынэ нужна сначала узнавать, сколко стоитъ дыпэша?

Телеграфистъ. Депеша въ двадцать словъ стоитъ два рубля.

Армянинъ. Зачэмъ два рубла? Зачэмъ такъ дорого? А!

Телеграфистъ. Такая такса.

Армянинъ. Таксу?! Подумай самъ, душа мой: два рубла! Каждого слово дэсытъ капэыкъ.

Телеграфистъ. Да.

Армянинъ. Это дажы нывозможна. Фунтъ гарчичны масла стоитъ дэсытъ капэыкъ, а здэсъ адно слово дэсытъ капэыкъ! Какой такой парадкы будытъ?!

Телеграфистъ. Что-же, вы пошлете депешу?

Армянинъ. Нэчыго дэлатъ, надо пасылать... Перыдай пожалуста ыму...

Телеграфистъ. Кому?

Армянинъ. Шахаразову.

Телеграфистъ. Дайте вашу депешу.

Армянинъ. Какого дыпэша?

Телеграфистъ. Вашу. Вѣдь она у васъ написана.

Армянинъ. Зачэмъ напысана. Вэдь ты ны пысмомъ посылать ихъ будышъ? Я тыбэ гаварытъ буду, а ты стучать будышъ.

Телеграфистъ. Стучать не я буду. Депешу надо написать.

Армянинъ. Пысать надо? Будь добрый, душа мой, время имэишь, пиши менэ, пагаму я пысать по русски нэ умэю.

Телеграфистъ. Диктуйте. Въ Нахичевань?

Армянинъ. Нахчеванъ.

Телеграфистъ. Кому?

Армянинъ. Шахаразову.

Телеграфистъ. Адресъ его? Гдѣ онъ живетъ?

Армянинъ. Что ты ко мнѣ прыставалъ? Что я хварталный, чтобъ всякаго адресъ знать?!

Телеграфистъ. Какъ же онъ получитъ депешу?

Армянинъ. Всо равно получытъ. Ему тамъ каждый сабаку знаитъ.

Телеграфистъ. Хорошо. Говорите, что дальше писать.

Армянинъ. Пишы такъ: патаму что, наконэцъ...

Телеграфистъ. Такъ и начинать депешу: потому что?

Армянинъ. Такъ и начинай: потому что наконэцъ когда ужъ ты пожалуста будышъ выдумывать мынэ дэнги присылать, что мынэ должынъ, машэныкъ, разбойникъ, шарлатанъ...

Телеграфистъ. Позвольте, въ депешахъ ругательства не принимаются.

Армянинъ. Какъ ны прынымаютса, кагда мынэ иму ныабхадыма ругать надо, патаму онъ падлэцъ мынэ дэнгы не плотытъ!

Телеграфистъ. Это ваше дѣло; а депеши такой я принять не могу.

Армянинъ. Зачэмъ ны можышъ?! Ми ны даромъ дыпэша посылать будымъ, ми за дэнгы пасылаимъ!

Телеграфистъ. Все равно. Составьте депешу иначе, безъ ругательствъ.

Армянинъ. Что иначы составлатъ, када мынэ толко и надо ругатса. Здэлай мыластъ, душа мой, памагай мынэ, ругай хорошенко этотъ разбойныкъ.

Телеграфистъ. Не могу. Вы лучше письмо напишите.

Армянинъ. Пысмо? Нэтъ! Ны хачу пысмо пасылать. Я лучше подождатъ его буду. Пустъ прыѣдытъ суды! Я ему кромѣ того что ругатъ буду, я ему морда бить буду, машэныкъ! Сколько онъ мынэ бызпакойства здэлалъ! Прощай, душа мой, спасыбо что работалъ для мынэ!

Защита.

(Съ натуры).

Обвинялся въ Мировомъ Судѣ еврей, оскорбившій татарина. Еврей ударилъ татарина въ животъ и плюнулъ ему въ глаза. Защитникомъ подсудимаго явился тоже еврей, который и произнесъ въ Мировомъ Судѣ слѣдующую рѣчь:

«Г. Мировой Судья!

«По видимаго это дѣло очень труднаго, «такъ какъ свидѣтельскихъ показанія слу- «жатъ въ пользу моего кліента, то во вся- «комъ случаѣ остается доказать несомнѣн- «но, что кліентъ мой плюнули у въ глаза «татарину и ударилъ его или въ грудь, или «въ голову, или въ животъ,—этого ми уз- «наемъ послѣ. Прежде разберемъ, что та- «кое плевокъ? Плевокъ это ничего больше,

«какъ простое накопленіе слюнъ во рту,
«извергаемая оттудова посредствомъ извѣст-
«ныхъ усилій. Слюнъ эта падаетъ обикно-
«венно на землю, а иногда и на другого
«предмету. Въ настоящій случай она упала
«случайно на глаза къ татарину,—слѣдова-
«тельно это случайность! Затѣмъ пошмот-
«римъ, какихъ свойства и какого характеру
«билъ ударъ, т. е. било ли это нападенію
«или обороненію. Очевидно, что послѣднее
«т. е. защищеніе, потому что, ежели би это
«било нападеніе то оно виразилось би не
«иначе, какъ въ видѣ пощечина. Ударъ же
«въ грудь, швидѣтельштвуетъ о защитѣ, а
«ни нападеніи, и это просто до очевидности.
«Когда кліентъ вжялъ татарина за спина,
«то рука его не могла направиться къ го-
«лова татарина, а направилась въ грудь или
«какое нибудь сосѣдственное мѣсто, что
«явствуетъ изъ свидѣтельскихъ показанія,
«которые доказываютъ, что кліентъ мой
«ударилъ его въ грудь, а другіе свидѣтели—
«что въ животъ. На основаніи 1428 ст. уго-
«ловнаго судопроизводства, останавливаю
«ваше вниманью, господинъ мировой судья,
«на животѣ, такъ какъ это очень естест-

«венно. И дѣйствительно, когда онъ схва-
«тилъ моего кліента въ рукахъ, то они мой
«кліенты, защищавшись, ударилъ его въ
«грудяхъ, или, лучше сказать, въ шреднее
«пространство между груди и живота. А
«по татарскому закону животъ имѣетъ очень
«высокую степень и возвишается до головы
«и потому абсолютные причины нашей реф-
«лекціи довели насъ до френетическаго со-
«стоянія, изолируя нашу субстанцію и про-
«стую реальность нашего идеализированія!
«Вотъ чѣмъ могу мотивировать настоящее
«дѣло. И такъ невинность моего кліента
«ясна и я думаю господинъ мировой судья,
«что вы оставите его свободнымъ отъ суда
«и на основаніи 1428, 1842 и 12, 13, 113,
«17, 92 и 432 ст. уст. уголов. судопроизв.
«и № 24 Сенатскихъ рѣшеній,—совершенно
«его освободите!»

Еврейская. корчма.

Еврейская корчма на большой дорогѣ.—Ночь.—Накрапываетъ дождикъ.—Въ одномъ углу комнаты спитъ еврейка; подлѣ нея, въ зыбкѣ, маленькій ребенокъ; въ другомъ углу спитъ еврей.—Въ сѣняхъ прислужникъ Иванъ. — Всѣ храпятъ.—Проѣзжающихъ нѣтъ. — Ребенокъ просыпается и начинаетъ плакать.—Еврейка открываетъ глаза, почесывается и начинаетъ ногой качать ребенка.

— Шпи, Люба, шпи! аа! аа!

Ребенокъ кричитъ.

— Шшъ! шш! аа! аа!

Ребенокъ кричитъ еще сильнѣй.

— Люба! Люба! шшъ! аа? аа!

Ребенокъ не унимается.

— Ахъ, что минѣ съ нимъ дѣлать, просто я съ нимъ завсѣмъ жнурялась.

Ребенокъ оретъ.

Просыпается наконецъ еврей.

— Шпи, ширлатанъ! Што такой, ей Богу! хоть би въ ночь минѣ шпакойно било! Дай ему малоко, можитъ онъ вспокоиться!

Къ воротамъ кто-то подъѣхалъ; раздается стукъ.

Еврей опять просыпается сердитый. Стукъ повторяется.

Будитъ еврей мужика.

— Иванка! Иванка!

Въ сѣняхъ раздается храпъ.

— Иванка!? Что ти падохъ? Иванка!

— Чего?!

— Иди, отварай ворота,—штукаютъ!

Входитъ офицеръ промокшій; въ рукахъ ружье; стволы заткнуты бумажками.

— Комната есть?

— Охъ! есть. Что ви такъ поздно, ваше благородіе, ѣздите? Безпоковляете только.

— Кушать есть что нибудь?

— Есть.

— Что?

— Вше.

— Цыплята есть?

— Нѣтъ, циплята нѣту, вшѣ падохли.

— Яйца въ смятку есть?

— Гдѣ же я вамъ важму яйца, када цип лята падохли?

— Что же есть, наконецъ?

— Самаваръ зъ теплымъ водомъ я вам могу паштавить.

— Давай комнату и самоваръ.

— Пижалуйте!

Офицеръ, уходя, говоритъ еврею;

— Смотри, ружье не тронь, заряжено.

— Что ви, Богъ съ вами!.. за чего минѣ такого шерьезнаго дѣла трогать?

Офицеръ отправился спать; еврей возвращается и начинаетъ издалека разсматривать ружье и вдругъ замѣчаетъ въ стволахъ бумажки; стремительно подбираетъ фалды своего халата и вбѣгаетъ къ офицеру:

— Ваше благородіе, ваше благородіе, пожалуйте шкарѣй!

— Что тамъ такое?

— Ваше ружье сейчасъ штралять хочетъ патаму что оба заряда вжэ къ верху полѣзли.

Офицеръ, взбѣшенный, прогоняетъ еврея.

Всѣ засыпаютъ.

Ребенокъ опять просыпается и начинаетъ кричать.

Разбуженная еврейка начинаетъ его укачивать.

— Аа! Аа! Шпи! что мнѣ вжэ дѣлать съ этаго шарлатанскаго дитю. У меня вжэ скоро всѣ кишки перевертываются!

Ребенокъ оретъ.

— Ей богу, вжэ я больше не могу жнуриваться, хоть бы онъ здохъ шкорѣй!

Будитъ мужа.

— Мойше!.. Мойше!.. Шлухай!.. Мойше!

Еврей съ просонья:

— Что ти подъ концу отъ меня хочешь? Оштавляй меня шпать!

— Качай немножко дитю, потому я больше не имѣю шилы!

— Это завшемъ ни моего дѣло!

— Какъ ни твоего дѣло? Дитю такое же моего, какъ и твоего!

— Оштавляй меня шпать!

— Кажется, что дитю твоя половину и моего половина!

— Хай тебѣ чертъ! Качай себѣ твоя половина, а моя половина нехай кричитъ,— она менѣ не мѣшаетъ!

Засыпаетъ. Еврейка продолжаетъ укачивать ребенка.

Экзаменъ въ еврейскомъ училищѣ.

Маленькій еврей приходитъ экзаменоваться. Говоритъ ужасную чепуху. Учитель видитъ это, но все-таки желаетъ проэкзаменовать его по всѣмъ отраслямъ науки.

Учитель. Вы хотите поступить въ училище?

Ученикъ. Хатю вступать.

Учитель (*давая ему книгу*). Прочитайте что-нибудь.

Ученикъ (*читая*). Балшой корабль плывалъ по бурнующимъ волнамъ...

Учитель (*перебивая*). Погодите. Что такое—корабль?

Ученикъ. Корабль?!.. Это перэходъ, это судно.

Учитель. Ну, просклоняйте это слово.

Ученикъ (*склоняетъ*). Я перэходъ, ти перэходъ, онъ перэходъ, ми перэходы, вы перэходы, они, онѣ перэходы. Я билъ перэходъ...

*

Учитель. Постойте, постойте... что вы были, это мнѣ все равно. Вы стихи учили?

Ученикъ. Звѣстно учили.

Учитель. Какіе-же стихи вы учили?

Ученикъ. Всѣ.

Учитель. Ну, скажите что-нибудь изъ Пушкина.

Ученикъ. Съ Пушкинъ?! Съ Пушкинъ мы учили эпилогъ.

Учитель. Что?

Ученикъ. Эпилогъ съ Алековъ!

Учитель. Изъ какихъ Алековъ?

Ученикъ. Съ Алековъ, съ цигановъ.

Учитель. Скажите.

Ученикъ. Тольки это я типеричька забилъ.

Учитель. Что же вы помните?

Ученикъ. Я ище помню Лѣшной Царь, баладическое штихотворенье Лермонтова.

Учитель. Говорите.

Ученикъ. Тольки это я въ середка забилъ.

Учитель. Да говорите, что знаете.

Ученикъ (*говоритъ скоро*). Кто и скачетъ, кто и мчится подъ холодной мглой,
То издокъ запоздалый, съ нимъ дитю молодой.

Родимый, лѣшной царь гоняется за мной,
Нѣтъ, дитю мой, то волна качается надъ
водой,
Издокъ запоздалый ни скачетъ, а бѣгитъ;
Прискакалъ, а въ рукахъ у него мертвый
дитю лижитъ,

Учитель. Что же вы еще знаете?

Ученикъ. Знаю ище «Чортъ» Лермонтова.

Учитель. Говорите.

Ученикъ. Я поднимусь на дно морское,
Я апущусь на облака,
Я дамъ тибѣ вше, вше земное
Поцѣлуй меня, и онъ легинько...
Тутъ я забилъ, г. учитель.

Учитель. Что-же вы помните?

Ученикъ. Помню еще два штихотворенья.

Учитель. Говорите.

Ученикъ. Въ жаркій день, въ долинѣ
Дагиштана
Съ пулемъ въ груди лежалъ адинъ
миртвецъ.
Глубокая съ ниго струилась рана
И думалъ онъ, что приходилъ ему
конецъ...
Конецъ я забилъ, г. учитель.

Учитель. Ну, а другое стихотворенье?

Ученикъ. Другое штихотворенье: — «Мачта» Лермонтова.

Учитель. Скажите.

Ученикъ. Билѣетъ мачта одинокой,
Вдоль по дорожкѣ сталбавой,
Что ищетъ онъ въ штранѣ далекой?
Шпи, ангелъ мой, шпи Богъ съ тобой!

Учитель (*улыбаясь*). Хорошо-съ! А басни вы учили?

Ученикъ. Ми учили басни баснописательнаго баснописеца, г-на Крилова.

Учитель. Какія-же басни?

Ученикъ. Многія басни: «Демьяновы Уши», «Пастинникъ и Видмѣть», «Щука и Ракъ» и многія другія.

Учитель. Скажите «Пустынникъ и Медвѣдь».

Ученикъ. Въ адной пастинной пастинѣ...

Учитель (*перебивая*). Что?!

Ученикъ. Это я съ своими словами, г. учитель, чтобъ вихадила проза.

Учитель. А! ну, говорите.

Ученикъ. Въ адной пастинной пастинѣ

жилъ пастинникъ. Тольки этатъ пастинникъ гулялъ. Вдругъ онъ видитъ, чтосто идетъ. Та онъ очень спигался и говоритъ: «Звыните я не знялъ». Та видмѣдь говоритъ: «ничево». Видмѣдь павелъ иво па пастинѣ, паказывалъ иму дома, деревья; пастинникъ очень вмаривался. Та видмѣдь говоритъ до ниму: «Лягай здѣсь, а я сяду на корточки и буду слѣдить». Пастинникъ легалъ и вздремалъ. Вдругъ видмѣдь видитъ, что чтосто вскакило къ нему на щека; та видмѣдь падимался—пифъ, атмахалъ; такъ блаха вскакила къ ниму на другая щека; видмѣдь падимался—пифъ! атмахалъ. Такъ блаха вскакила къ ниму на лобу; видмѣдь вискачилъ изъ тирпѣнья, взялъ балшущій камень и бросилъ на лицо; такъ изъ лицо пастинника здѣлался клейпсъ! Надравученье да басни: когда вы хочете спать вмѣстѣ съ видмѣдь, такъ закройте лицо съ платокъ, чтобъ васъ не кусали блохи!

Учитель. Хорошее нравоученье! Какія же басни вы учили еще?

Ученикъ. Учили еще вотъ эта: щука, ракъ...

Учитель. Скажите эту.

Ученикъ. Съ прозой?

Учитель. Какъ хотите.

Ученикъ *(говоритъ басню скоро)*. Разъ ходила гулять изъ вода щука и хадилъ тоже ракъ; тольки они ходили назадъ... *(думаетъ)*... та щука хатѣла хадить въ вода... и ракъ тоже хатѣлъ хадить въ вода... тольки я забилъ, куда третяя скатина хатѣла хадить, г. учитель.

Учитель. Ну, послушайте, ариѳметику вы учили?

Ученикъ. Звѣстно учили.

Учитель. Что-же вы учили?

Ученикъ. Ми учили: сложенье, вычитанье, дроби, лагириѳмы...

Учитель. Логариѳмы?

Ученикъ. Да.

Учитель, Что-же это такое—логариѳмы?

Ученикъ. Лагириѳмы?.. Это дворецъ въ Египетъ.

Учитель. Что?!

Ученикъ. Звыните, г. учитель, это я смѣшивалъ нечаянно съ Лабиринтъ.

Учитель. Ну, а дроби вы знаете?

Ученикъ. Звѣстно знаю.

Учитель. Сложите три пятыхъ и четыре седьмыхъ.

Ученикъ *(беретъ карандашъ, наклоняется къ столу и начинаетъ говорить скоро).* Три пятыхъ, четыре седьмыхъ; для доказательства проведемъ одна черта, проведемъ другая черта, будетъ два черта; три пятыхъ, четыре седьмыхъ... будетъ одна черта... три пятыхъ... (*долго думая хлопая глазами*). Это, г. учитель неразрѣшимо!

Учитель *(улыбаясь)*. Физику вы учили!

Учитель. Звѣстно учили.

Ученикъ. Что-же вы учили изъ физики?

Ученикъ. Ми учили объ суживаньи и разуживаньи тѣловъ.

Учитель. Ну, скажите примѣръ: когда тѣла расширяются и когда сжимаются?

Ученикъ. Хорошій примѣръ?

Учитель. Да, хорошій.

Ученикъ *(думая)*. Лѣтомъ жарко, такъ день балшой, зимой холодно, та день маленькій.

Учитель. Хорошо-съ!.. Что-же васъ еще спросить?.. Исторію учили!

Ученикъ. Исторію учили.

Учитель. Что-же вы изъ исторіи учили?

Ученикъ. Все.

Учитель. Скажите что-нибудь объ египтянахъ.

Ученикъ. Египтянахъ?!! Можетъ карѳагенянахъ?

Учитель. Нѣтъ, объ египтянахъ.

Ученикъ *(подумавъ)*. Этого въ исторіи не находится, г. учитель.

Учитель. Географію вы учили?

Ученикъ. Географію учили.

Учитель. Что-же вы учили изъ географіи?

Ученикъ. Все.

Учитель. Сколько есть частей свѣта?

Ученикъ. Частей свѣта суть пять: Европа, Австралія, Америка и Египетъ.

Учитель. На сколько частей раздѣляется свѣтъ?

Ученикъ. На два части.

Учитель. На какія?

Ученикъ. На Европу и заграницу.

Учитель. Чѣмъ окружена Европа?

Ученикъ. Европа!.. *(думаетъ)*. Египетъ тоже окруженъ.

Учитель. Чѣмъ?

Ученикъ. Египетъ?.. *(думаетъ)*. Азья окруженъ балшущими горами, чрезвычайно совмѣстительнымъ океаномъ, а также рѣкою По!

Учитель. Какія горы есть въ Европѣ?

Ученикъ. Въ Европѣ суть балшущее

множество горовъ, какъ-то; Южнобережскіе, Чернобережскіе... Каспійскіе... Хорошіе горы, можетъ быть желаете, есть еще въ Америкѣ?. Хорошіе горы... Я знаю хорошо про Македонъ, г. учитель.

Учитель. Ну скажите.

Ученикъ *(скороговоркою)*. Македонъ суть балшущая страна, паражающая...

Учитель *(перебивая)*. Что вы такъ скоро говорите?.

Ученикъ Я могу еще скорѣе говорить, г. учитель.

Учитель. Вы тише говорите.

Ученикъ. Македонъ суть балшущая страна, поражающая взглядъ наблюдателя прекрасностью тѣхъ мѣстовъ, которыя лежатъ вблизи, какъ-то: Кіевъ, Ница, Нева, Петербургъ и Бердичевъ, а также Александръ Македонскій, возрастающій изъ этой страна; получающій названье Александра Македонскаго, распутывающій Гордіевъ узолъ, совершавшій балшущее множество паходовъ... *(Запутывается)*... а также Каспійскія... Это я нечаянно съ исторіи хватилъ, г. учитель.

Учитель *(теряя терпѣніе)*. Послушайте, вамъ надо передержать экзаменъ.

Ученикъ. Зволте, г. я передержу съ удовольствіемъ.

Учитель. Какіе есть климаты?

Ученикъ. Климата есть два.

Учитель. Какіе?

Ученикъ. Шентиментальный и мокрый.

Учитель. Ну, а какія бываютъ почвы?

Ученикъ. Почвы?.. (*Подымаетъ руку*). Г. учитель, пазвольте мнѣ вихадить?

Учитель (*вставая*). Ступайте.

(*Ученикъ выходитъ. Въ сѣняхъ встрѣчается съ отцемъ, который ожидалъ сю*).

Отецъ. Ну, Мойше, какъ ти сдѣлалъ экзаменъ?

Ученикъ. Хорошо. Г. учитель сказалъ, что я такъ хорошо дѣлалъ, чтобы я еще разъ прихадилъ дѣлать.

Отецъ. Это дитю! Пссъ!!

(*Оба уходятъ*).

Пріемъ учителя.

Еврей Бородавкинъ искалъ учителя для приготовленія своего сына въ гимназію.—Является къ нему студентъ.

Бородавкинъ. Что вамъ угодно?

Студентъ. Мнѣ сказали, что вы ищете учителя для вашего сына?

Бородавкинъ. Ахъ! ви учитель? вешьма пріятно; я вжэ давно шукаю; прошу вамъ покорно, берите мѣсто.

Студентъ. Вамъ угодно приготовить вашего сына въ гимназію — въ какой классъ?

Бородавкинъ. Въ третьяго классъ; только мнѣ кажется, что онъ вжэ давно до этого классу готовъ.

Студентъ. Кто же съ нимъ прежде занимался?

Бородавкинъ. Адинъ молодой; онъ у минѣ въ домѣ, завсемъ какъ шродственникъ билъ: и табакъ мой курилъ, и чай въ минѣ пилъ и съ дитю занимался; и по французскому и по нимецкому иго училъ; онъ типэрь такъ на эти языки разговариваетъ, что

я себѣ за волосы даже взялъ, какъ услышалъ! Можетъ ви желаете мой синъ пошматрѣть?

Студентъ. Да я желалъ-бы.

Бородавкинъ. Сичасъ. *(Кричитъ въ другую комнату).* Адю! Адичьку!

Голосъ сына *(изъ другой комнаты).* Ждѣсъ!

Бородавкинъ. Иди къ намъ на минуточка.

Голосъ сына. Тольки носъ вышмаркаю.

Бородавкинъ. Вѣрите, онъ такой акиратный мальчикъ, что всигда хочитъ чисто выходить.

(Входитъ Адя 11-ти лѣтній мальчикъ).

Бородавкинъ. Адю, душиньку, скажи что-нибудь учителю по французскому!

Адя. Банжуръ, мусье!

Бородавкинъ *(Учителю).* Слышите? *(Сыну).* Скажи ище что-нибудь?

Адя. А ривуаръ, гашпадинъ мусье?

Бородавкинъ. Слышите?!

Адя. Можетъ ви хотите, чтобъ я вамъ что-нибудь съ французскаго штихотворенія шказалъ?

Студентъ. Скажите.

Бородавкинъ. Тольки ти, душинька старайся больши съ носомъ виговаривать, чтобъ било похоже, что ти съ французскаго виговоромъ разговариваешь.

Адя *(начинаетъ басню)*. Перетъ сюръ шатетъ, аванъ тюнъ по ди лей, бьенъ пазе шюръ онъ кушине, претанде ариве санъ конконбръ а ля виль; лежеръ е куръ ветю, эль але а труа па, пуръ этеръ плю жантиль, катильонъ шемпль и шулье пля! Моргинъ, моргинъ нуръ нихтъ гайте, загенъ але фауленъ лайте...

Студентъ. Позвольте, позвольте!.. это вы уже по нѣмецки начали.

Бородавкинъ. Звыните; это такой деликатный дитю, что онъ съ разу въ одно время съ двухъ уроковъ разговариваетъ, чтобъ вамъ долго не задерживать.

(Студентъ спрашиваетъ сына еще по нѣскольким предметамъ, ребенокъ оказывается очень мало знающимъ).

Студентъ. Я вамъ долженъ сказать, что сынъ вашъ очень мало знаетъ; онъ годится только въ 1-й классъ.

Бородавкинъ. А въ 3-го иго нельзя ждѣлать.

Студентъ. Можно; но на это нужно много времени.

Бородавкинъ. Сколько ви возьмете въ мѣсяцъ?

Студентъ. Я возьму по 25 р.

Бородавкинъ *(испуганно)*. За такой маленькій дитю 25 р.

Студентъ. Я цѣню свой трудъ, а не лѣта вашего сына.

Бородавкинъ. За что же тотъ взялъ у миня по 10 р. с.?

Студентъ. Это ужъ его дѣло.

Бородавкинъ. Ви хатите бить передовой человѣкъ; тольки если ви стольки деньги будите брать, такъ вамъ никто столько ни дастъ и ви всегда будити назадъ ходить; впиредъ ни пайдете.

Студентъ. Это ужъ мое дѣло *(берется за шапку)*.

Бородавкинъ. Ну, знаете что: я вамъ дамъ 15 р., тольки чтобъ ви его виучили и по французскому, и по нимецкому, и по латинскаго и по греческаго, чтобъ когда на ниго, съ боку пашматрѣть, такъ чтобъ завсемъ клашицизмъ билъ.

(Студентъ раскланивается и уходитъ).

Убійство Коверлея.

ВЪ ТЕАТРѢ.

Еврей подходитъ къ кассѣ театра. Даютъ пьесу «Убійство Коверлея»).

— Пажвольте вамъ шпрашить, чи ждэсъ даютъ придштавленіе убійштво Карівлея?

— Здѣсь.

— Можно минѣ имѣть билетъ въ штулъ за одного рублю?

— Можно.

— Пожвольте вамъ шпрасить, чи гашпадина Карівлея съ ружья штрѣлять будутъ?

— Тамъ увидите. А на что вамъ знать это?

— Патаму, видите, что ежели его изъ ружья штрѣлять будутъ, такъ я подальше сяду, чтоби, часомъ, въ минѣ не попало.

— Не бойтесь, въ васъ не попадутъ.

— Жвините, гашпадинъ, ви ни знаете, за какого причина Каривлея будутъ штрѣлять? патаму я слишалъ въ Юсуповъ садъ говорили, что его, будто-би, за фалшивыя бамажки штрѣлять будутъ.

— Нѣтъ не за бумажки.

— Не за бамажки? А за что же!

— Да что я вамъ буду разсказывать; идите сами и увидите.

— Я пойду. Больше какъ этого билетъ, гашпадинъ, минѣ ничего не надо?

— Нѣтъ.

— Тамъ только шказать, что этого билетъ я взялъ у васъ?

— Проходите, пожалуйста; нѣкогда мнѣ съ вами разговаривать.

— Я увжэ пойду.

(Подходитъ ко входу въ кресла; хочетъ войти; капельдинеръ проситъ его снять пальто).

— Зачиво я долженъ снимать пальто?

— Въ театрѣ въ пальто сидѣть нельзя.

— Хорошаго дѣло! Чтоже минѣ нужно для пальто другой штулъ пакипать?

— Нѣтъ-съ, вы можете оставить его у меня на сохраненіи.

— На сохраненію? Благодарю вамъ! Что у

васъ такого контора ждѣсь, что вещи на сохраненію берутъ; я самъ, шлава Богу, такого контора имѣю.

— Здѣсь не контора, а только хранятъ вещи во время представленья.

— И за этого тоже ошобенно платитъ?

— 20 копѣекъ.

— А ежели, часомъ, мое пальто пропадетъ, что я тогда буду дѣлать?

— Не безпокойтесь; я выдамъ номеръ.

— Ну, давайте. Тольки пижалуйста увжс шматрите не отходите отъ моего пальто, патаму, знаете, оно тридцать рублей стоитъ, оно завсемъ новое, я ихъ только пьять годовъ ношу.

— Будьте покойны.

(Первый актъ проходитъ. Въ серединѣ 2-го акта еврей замѣчаетъ капельдинера въ дверяхъ, кричитъ на весь театръ).

— Гашпадинъ, что ви тутъ стаите; вѣдь тамъ можетъ моего пальто пропасть!

(Капельдинеръ дѣлаетъ знаки рукой, чтобы еврей успокоился).

— Что ви мнѣ съ руками махаите; что ви думаете себѣ, что я зъ вашего маханья новаго пальто себѣ сашью; — Гаспада! онъ

въ минѣ пальто вжалъ, какого-то кардоннаго бамажка давалъ и еще зъ руками махаетъ!

(Подходитъ приставъ).

— Извольте выйти или замолчать.

— Какъ же я буду молчать, когда въ минѣ пальто прападетъ, кагда минѣ въ одного сюртуку домой нужно будетъ хадить; когда я болѣзня съ горячкой палучать магу, кагда моего жену можетъ минѣ шмертельно патирять!

— Вы безпокоите публику; прошу васъ выйдите.

— Я увжэ типерь задаромъ ни астанусь; нихай лучше мои деньги за штулъ пропадутъ, чѣмъ пальто!

(Выходитъ).

— Давайте минѣ пальто.

— Извольте.

(Надѣваетъ пальто).

— Что ви минѣ дали?! это завсемъ ни мое пальто; ви минѣ другого пальто давали.

— Нѣтъ, это ваше пальто, здѣсь все дамскія тальмы и военныя шинели; у насъ пропажи не бываетъ.

— Что мнѣ до того, что у васъ не пропадастъ; минѣ зъ этого не легче; у въ минѣ пальто было ждѣлано какъ шлѣдустъ по самаго послѣдняго мода, а въ этого пальто, пашматрите, какъ у въ минѣ талья приходилась! Ну, увжэ, я вамъ скажу, это не убійштво Каривлея, а моего собштвеннаго убійштво ждѣлали. Благодаримъ вамъ за такого тріятеръ!!!

Хочу ѣхать въ Одессу.

Простой еврей приходитъ въ херсонское агенство пароходства брать билетъ, чтобы ѣхать въ Одессу.

Еврей *(подходя къ сторожу)*. Гдѣ гаспадинъ агентъ?

Сторожъ. Вотъ сидитъ.

Еврей *(подходя къ агенту)*. Вы господинъ агентъ?

Агентъ. Я.

Еврей. Хатю ѣхать въ Адессъ.

Агентъ. Поѣзжайте.

Еврей. А какъ я паѣду?

Агентъ. Пароходомъ.

Еврей. Перэходъ?! Какой идетъ перэходъ?

Агентъ. Язонъ.

Еврей. Яжонъ?! Хорошій перэходъ?

Агентъ. Да, хорошій.

Еврей. Сколько стоитъ балетъ?

Агентъ. Цѣны разныя: первый классъ — четыре рубля, второй—три рубля, третій — рубль двадцать копѣекъ.

Еврей. А четвертый классъ нѣту?

Агентъ. Нѣтъ.

Еврей. Зачѣмъ нѣту? я би поѣхалъ въ четвертый!

Агентъ. Что же дѣлать; нѣтъ четвертаго.

Еврей. А гдѣ я буду въ третій классъ сидѣть?

Агентъ На палубѣ.

Еврей. А ежели будетъ дождь?

Агентъ. Тогда васъ промочитъ.

Еврей. Прамочитъ?! Я не хочу ѣхать!

Агентъ. Какъ угодно.

Еврей. А можетъ не будетъ дождя?

Агентъ. Тогда васъ не промочитъ.

Еврей. Ну, та я паѣду.

Агентъ. Ну, поѣзжайте.

Еврей. Въ какой часъ идетъ перэходъ?

Агентъ. Въ восемь.

Еврей. Жвините, господинъ агентъ, я далеко живу, можетъ я приду въ палавина девятаго?

Агентъ. Тогда вы не поѣдете.

Еврей *(испуганно)*. А мой балетъ?!

Агентъ. Вашъ билетъ пропадетъ.

Еврей. Пропадетъ?! Я нихачу ѣхать.

Агентъ. Какъ хотите.

Еврей. Можетъ я послѣ завтра поѣду.

Агентъ. Поѣзжайте послѣ завтра.

Еврей. Нѣтъ, вжэ я лучше завтра поѣду?

Агентъ. Поѣзжайте завтра.

Еврей. А въ дорога на перэходѣ можно взять балетъ.

Агентъ. Можно.

Еврей. Скольки эта будетъ стоить?

Агентъ. Двадцать процентовъ дороже.

Еврей *(начинаетъ считать)*. Двадцать.... одинъ карбованецъ .. четыре... Двадцать четыре копейка дороже?

Агентъ. Да.

Еврей. Я не хочу ѣхать.

Агентъ. Это отъ васъ зависитъ.

Еврей. Нѣтъ я вжэ лучше завтра поѣду.

Агентъ. Поѣзжайте завтра.

Еврей. Ну, дайте билетъ.

(*Агентъ отрѣзываетъ билетъ. Еврей даетъ три рубля*).

Агентъ. У меня нѣтъ сдачи.

Еврей. Что, всѣ вамъ должны дать мэлки деньги?

Агентъ. Всѣ.

Еврей. Такъ у васъ-же должны быть, чтобы давать на сдача.

Агентъ. Нѣтъ у меня.

Еврей. Ну, та я ни хочу ѣхать.

Агентъ. Какъ хотите.

Еврей *(подумавъ)*. Въ какой часъ ми приходимъ въ Адессъ?

Агентъ. Въ четыре.

Еврей. Утромъ.

Агентъ. Нѣтъ, послѣ обѣда.

Еврей. Раньше нельзя?

Агентъ. Нѣтъ, нельзя.

Еврей. А мой дитю, маленькій малчикъ, я могу взять на свой балетъ на перэходъ?

Агентъ. Нѣтъ, не можете.

Еврей. Онъ завсѣмъ маленькій мальчикъ.

Агентъ. Все равно.

Еврей. Хорошій парадокъ! Ну, что зъ вамъ дѣлать, дайте балетъ *(дастъ рубль двадцать коп.; агентъ выдастъ билетъ. Еврей отходитъ и возвращается)*.

— Гаспадинъ агентъ?

Агентъ. Ну?

Еврей. Минѣ съ этатъ балетъ пустятъ на перэходъ?

Агентъ. Пустятъ.

Еврей. Пустятъ? Благодарю вамъ *(Уходитъ и черезъ нѣсколько времени просовываетъ голову въ дверь)*:

— Гаспадинъ агентъ?

Агентъ Что вамъ еще?

Еврей. Звыните, у васъ на дворъ нѣту такіе субаки, что крѣпко за ноги кусаютъ?

Агентъ. Нѣтъ.

Еврей. Нѣту? До швиданья вамъ *(уходитъ)*.

Сцены у доктора.

I.

(Является къ доктору еврейка.—Доктора нѣтъ дома.—Выходитъ къ еврейкѣ жена).

— Что вамъ угодно?

— Пожвольте вамъ спросить, гашпадинъ докторъ дома?

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ.

— Въѣхалъ? А скоро они будутъ дома?

— Черезъ часъ.

— Черезъ часъ? Можетъ можно ихъ подождать, патаму, минѣ ихъ крѣпко нужно!

— Подождите.

— Можно минѣ пасидѣть?

— Сдѣлайте милость, садитесь.

— Пажвольте вамъ спросить, вы ихъ мамынька?

— Нѣтъ, я жена доктора.

— Жена? А давно вы вжэ за мужемъ?
— Уже девять лѣтъ.
— Девять годовъ?
— Девять.
— Много вы вжэ имѣете дѣти?
— Я не имѣю дѣтей.
— Завсемъ ни аднаму дите ни имѣете?
— Ни одного.
— *(Еврейка встаетъ).* До швиданья вамъ!
— Куда же вы?
— Вжэ я лучше пайду.
— Куда?
— Дамой!
— А докторъ?
— Онъ минѣ ни паможетъ!
— Какъ же вы это знаете?
— Патаму, я тоже пришла съ нимъ шаветоваться, что я вжэ пьятъ годовъ замужемъ и еще не имѣю дѣти; только когда онъ ни могъ ждѣлать, что вы имѣли дѣти, та что онъ минѣ можитъ помочь? До швиданья вамъ! *(Уходитъ).*

II.

(Во время холеры, вбѣгаетъ къ доктору запыхавшись еврей).

— Ваше благородіе, ради шамого Бога, пожалуйте шкарѣй къ намъ!

— Что у васъ такое?

— Братъ мой, вжасно съ какимъ халеромъ низдоровъ, можетъ даже сичасъ памретъ! Пожалуйте, пожалуйста, скорѣй!

(Доктору было некогда: онъ не моіъ сейчасъ же ѣхать, онъ даетъ еврею коробку порошку).

— У васъ дома есть вѣсы?

— Есть, гашпадинъ докторъ!

— Положите этотъ порошекъ на одну чашечку вѣсовъ, а на другую чашечку положите полуимперьялъ; столько порошку, сколько будетъ вѣсить полуимперьялъ,— дайте больному. Я вечеромъ пріѣду.

(Пріѣжаетъ вечеромъ).

— Ну, что больной?
— Охъ!
— Что?
— Померъ!
— Какъ померъ!
— Завсемъ померъ!
— Вы лекарство давали?
— Давали.
— Какъ я говорилъ?
— Какъ ви говорили. Ми на одного половина висовъ паложили парашокъ; а на другаго, жвините, у насъ золотого полумперьялъ дома не било, такъ ми палажили шестъ серебряныхъ карбаванцевъ и пьять копѣекъ мѣдныхъ, чтобы на курсу било, какъ полуимперьялъ; такъ онъ какъ вжялъ, бѣдный, этотъ парашокъ, такъ можетъ черезъ четверть часъ и померъ!

Разносчикъ.

Въ небольшой уѣздный городъ пріѣзжаетъ одинъ господинъ и останавливается въ гостинницѣ. Скука страшная, дѣлать нечего; онъ лежитъ въ своемъ номерѣ, на постелѣ. Вдругъ дверь тихонько пріотворяется и оттуда показывается голова еврея-разносчика.

Господинъ. Кто тамъ?

Еврей. Это ми!

Господинъ. Кто—вы?

Еврей. Съ разнымъ таварами.

Господинъ. Мнѣ ничего не нужно.

Еврей. Пижалуста, пакипайте что-нибудь.

Господинъ. Сказалъ что ничего не нужно!...

Еврей. Самы свѣжи тавары: спички, бамага, сирнички, пугавки, партяшки, мило...

Господинъ. Убирайся!

Еврей. Что, убирайся! Ви пасматрите таваръ: часы съ бадильникъ, что крѣпко надъ вухо стучитъ... персидскій парашокъ атъ блаховъ...

Господинъ. Покажи персидскій порошокъ *(еврей вынимаетъ изъ ящика баночку съ черной мазью)*. Это что?

Еврей. Для иштребленья блаховъ.

Господинъ. Что-же съ этимъ нужно дѣлать?

Еврей. Иштреблять.

Господинъ. Да какъ-же истреблять?

Еврей. Я васъ буду научить: ви вазмите кусочекъ сирнички; закалапайте съ баначка нимножко памада, спаймайте потихоничько блаха и пичкайте ей эта памада въ ротъ; та ана будетъ чахнуть, чахнуть и сдохнетъ...

Господинъ. Такъ я же лучше пальцами задушу ее.

Еврей. И это можно, и это хорошо!

Господинъ. Такъ для чего-же ты эту мазь держишь?

Еврей. Для продажа!... Можетъ, бритва хорошія, аглицкія съ Питирбурга, нужно!

Господинъ. На что-же мнѣ бритвы, когда ношу бороду и усы?

Еврей. Можетъ, для знакомаго подарить?

Господинъ. Нѣтъ, ненужно.

Еврей. Можетъ, ружье хорошее, французкое, нада?

Господинъ. Гдѣ-же оно?

Еврей. Могу его сичасъ приносить.

Господинъ. Отчего-же ты его съ собою не принесъ?

Еврей. Апасно!

Господинъ. Отчего опасно?

Еврей. Знаете, ружье така вещь, что долго съ сабой носить нихарашо, патаму оно часомъ можетъ штралять.

Господинъ. Ну, поди, принеси его.

Еврей. Черезъ два минута *(убыгаетъ и черезъ нѣсколько времени является, держа осторожно въ рукахъ какое-то поломаное ружье).* Вотъ звольте. Ви пашматрите какой фасонъ.

Господинъ. Да вѣдь это ружье никуда не годится?

Еврей. Что ви, Богъ зъ вами, пижалуста; ви пасматрите, какой харошій звонъ въ штволу! *(Бьетъ пальцами по стволу).*

Господинъ. Туда опасно всыпать порохъ: ружье можетъ разорвать.

Еврей. И порэхъ и дробъ, ничего не апасна.

Господинъ. А ты въ руку порохъ возмешь?

Еврей. Нѣтъ, ни вазму.

Господинъ. Страшно?

Еврей. Штрашно!

Господинъ. Ну, а дробь?

Еврей. Дробъ тожи ни вазму.

Господинъ. Да вѣдь дробь сама по себѣ не стрѣляетъ!

Еврей. Дробь ни штраляетъ? Что ви! Порохъ такой маленькій и штраляетъ, а дробъ такой болшой — ище хуже можетъ штралять! Пижаласта купите ружье.

Господинъ. Не хочу. Посмотри, оно какое-то кривое.

Еврей. Кривой, гдѣ кривой? А это ви можетъ бить захочете изъ-за угла штралять, такъ оно для этаго такой кривой!.. Шлѣлайте милость, пакипайте што нибудь!

Господинъ. Ну, проваливай, надоѣлъ; ты тутъ запаху какого-то принесъ съ собой.

Еврей. Я принесъ запаху? Нѣтъ, это субака запахъ.

Господинъ. Какъ-же отъ собаки, когда и собаки здѣсь нѣтъ.

Еврей. Ну, ихъ теперь нѣту, та они будутъ послѣ приходить.

Господинъ. Убирайся прочь.

Еврей. Ай! Сколькі разгаваривалии ни-

чего не накипали! хорошее дѣло! фе!! *(Беретъ свои товары и уходитъ. Въ корридорѣ встрѣчается съ горничною изъ сосѣдняго номера).* Мамжель, купите што-нибудь: духи, памада, дамски матерьи шанъ-дебевъ.

Горничная. Булавки у тебя есть?

Еврей. Булавки есть. Скольки вамъ нада?

Горничная. Сотню.

Еврей. Сотня? Держите фартукъ, я буду считать. *(Горничная держитъ платокъ; еврей начинаетъ бросать въ него булавки, отсчитывая очень шибко).* Адинъ, два, три, четыре, пьять, шесть, семь, вошемь... Какое ми имѣемъ сиводня число, мамжель?

Горничная. Четырнадцатое.

Еврей. Четырнадцатое! Вжэ такъ скоро мэсяцъ праходилъ!... Пьятнадцать, шестнадцать, симнадцать, вошемнадцать, дивятнадцать, двадцать... Сколько ви имѣете годовъ?

Горничная. Двадцать четыре года.

Еврей. Такой маладой съ лицо, двадцать четыре года! Ой-ой!.. Двадцать пьять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать вошемъ, двадцать девять .. А братъ у васъ есть?...

Горничная. Братъ есть.

Еврей. Сколько брату годовъ.

Горничная. Тридцать пять.

Еврей. Такой балшой братъ, тридцать пьять годовъ!.. Тридцать шесть, тридцать семь, тридцать вошемь, тридцать девять... А маменька есть?

Горничная. Есть.

Еврей. Сколькі имѣеть гадовъ?

Горничная. Пятьдесятъ шесть!...

Еврей. Пьятьдесятъ шесть!.. Такой старуха вше живой! Боже мой!.. Пьятьдесятъ семь, пьятьдесятъ вошемь! пьятьдесятъ девять, шестьдесять, шестьдесятъ адынъ... А папынька есть?

Горничная. Есть?

Еврей. Сколькі имѣютъ гадовъ?

Горничная. Восемьдесятъ лѣтъ.

Еврей *(испуганно)*. Вошемьдесятъ? Такой старикъ вше еще не помиралъ?! Что онъ вше живетъ? фэ!.. Вошемьдесятъ адинъ, вошемьдесятъ два, вошемьдесятъ три, вошемьдесятъ четыре, вошемьдесятъ пьять, вошемьдесятъ шесть... У меня билъ адинъ папынька, такъ онъ жилъ девяносто годовъ зряду, девяносто вошемь гадовъ онъ не помиралъ!.. Девяносто девять, сто, сто адинъ, сто два, сто три, сто четыре, сто пьять! Вотъ вамъ пьять булавки на придачу. *(Горничная отдаетъ деньги, завязываетъ булавки и, между прочимъ, замь-*

чаетъ у разносчика въ коробкѣ листъ красной бумаги).

Горничная. Это что?

Еврей. Бираметръ.

Горничная. Что.

Еврей. Бираметръ.

Горничная. Что такое—бираметръ?

Еврей. Это такой штрументъ, штоби показывать, чи будетъ дождь, чи нѣтъ.

Горничная. Какъ-же это смотрѣть и узнавать?

Еврей. Я вамъ шкажу: ви берите эта листъ бамага пакладите на столъ; патомъ атхадите на вошемь шаговъ и падхадите на вошемь шаговъ; патомъ берите эта бамага за углышки и пакладите ее патихоничьку на ладошку отъ рука, отворяйте форточка и виставляейте эта бамага на дворъ и штойте на адной нага тридцать вошемь минутъ; патомъ скоро берите рука зъ бамагамъ въ комната, и если бамага мокрая—значитъ ходитъ дождь, ежели бамага сухая - значитъ дождика нѣту!

(Горничная остается недовольна объясненіемъ и уходитъ. Еврей кричитъ ей вслѣдъ: духи, помада, и пр., забираетъ свои товары и скрывается).

На Одесской желѣзной дорогѣ.

I.

На одной изъ станцій Одесской желѣзной дороги садятся въ вагонъ: простой еврей, еврейка и маленькій сынъ. Даютъ звонокъ.

Еврейка *(кричитъ въ вагонъ).* Пожаръ!!

Еврей *(отвѣчаетъ).* Нѣтъ, душку! Это даютъ знать, чи вжэ готово.

(Поѣздъ трогается).

(Отъѣхавъ немножко сынъ спрашиваетъ). Мама! чи ми съ лашадями ѣдимъ?

Еврейка. Нѣтъ, душку! Ми ѣдимъ зъ воздэхомъ.—Это умный дитю! *(Она обращается къ мужу).*

Еврей. Пссъ! дусъ исъ а копъ! *).

(Черезъ нѣсколько времени сынъ опять пристаетъ къ матери).

Сынъ. Мама! я хочу вихадить изъ вагонъ.

*) Это голова.

Еврейка *(мужу)*. Бери пожалуста дитю изъ вагонъ.

(Еврей беретъ ребенка за руку и хочетъ съ нимъ выйти).

Кондукторъ *(не пускаетъ)*. Выходить нельзя.

Еврей. За чего нельзя?

Кондукторъ. Во время хода поѣзда вагоны должны быть заперты.

Еврей. А ежели я долженъ вихадить?!

Кондукторъ. Выходить нельзя.

Еврей. А ежели я имѣю балетъ второй классъ, та я тожи долженъ сидѣть?

Кондукторъ. Да, должны.

Еврей. Мнѣ съ дитю надо вихадить, а я долженъ сидѣть! Харошъ парадокъ.

Кондукторъ. Скоро поѣздъ придетъ на станцію, тогда выходите.

Еврей. Это завсемъ какъ аришстантъ, что нельзя вихадить съ фургонъ! *).

(Поѣздъ подходитъ къ станціи. Кондукторъ отворяя вагонъ, говоритъ еврею).

Кондукторъ. Теперь пожалуйте, выходите.

---

*) Нѣкоторые евреи называютъ вагоны—фургонами.

Еврей. Тпперь! Нѣтъ, типеричька я вамъ на злость до самой Адессъ ни буду вихадить! Буду вше сидѣть!

Кондукторъ. Это какъ вамъ будетъ угодно.

(И, на зло кондуктору, еврей съ семействомъ до самой Одессы не тронулся съ мѣста).

II.

На одной станціи, гдѣ происходитъ скрещеніе поѣздовъ и гдѣ они расходятся въ противоположныя стороны, одинъ въ Тирасполь, а другой въ Балту,—какой-то еврей беретъ билетъ въ Тирасполь и нечаянно садится на поѣздъ, идущій въ Балту.—Поѣздъ отходитъ. Въ вагонѣ сидитъ помѣщикъ. Еврей садится подлѣ.

(Спустя полчаса, еврей спрашиваетъ помѣщика).

Еврей. Куды ви изволите ѣхать?

Помѣщикъ. Въ Балту-съ.

Еврей. Въ Балта! Жаль!.. Ми зъ вами тольки одна станція будемъ ѣхать, а тамъ расходимся!

Помѣщикъ. А вы куда ѣдете?

Еврей. Я въ Тирашполь!

Помѣщикъ *(улыбается)*. Ну, такъ, значитъ, мы съ вами дальше поѣдемъ.

Еврей. Нѣтъ, одна тольки станція.

Помѣщикъ. Да я вамъ говорю, что мы до самой Балты съ вами поѣдемъ.

Еврей. На что минѣ ѣхать Балта, када минѣ нужно въ Тирашполь.

Помѣщикъ. Можетъ быть вамъ и нужно въ Тирасполь, но мы все-таки ѣдемъ въ Балту.

Еврей. Что ви минѣ говорите! Я имѣю второй классъ Тирашполь, а ви минѣ говорите — Балта!

Помѣщикъ. Билетъ-то у васъ Тирасполь, да ѣдете вы въ Балту.

Еврей. Этого не можетъ быть. Это вѣрно такъ вжэ встроено: ми васъ повеземъ въ Балта, а послѣ поѣдемъ въ Тирашполь.

(Помьщикъ смѣется. Входитъ кондукторъ).

Помѣщикъ. Вотъ вы спросите у кондуктора, куда мы ѣдемъ.

Еврей. Звыните, гаспадинъ кандукторъ, куда ми типеричька ѣдемъ?

Кондукторъ. Въ Балту-съ.

Еврей. А въ Тирашполь ни поѣдемъ?

Кондукторъ. Нѣтъ.

Еврей. Что-о?! *(обидчиво)*. Патаму у васъ харошъ парадокъ, патаму начальникъ отъ станціи долженъ хадить и спрашивать въ пассажира: ви въ Балта?—сидайте на Балта; ви въ Тирашполь—сидайте на Тирашполь!

А развѣ я знаю, идѣ Балта, идѣ Тирашполь!

(Въ вагонѣ раздается смѣхъ. Еврей обижается еще больше).

На слѣдующей станціи несчастнаго высадили, такъ какъ билетъ у него былъ другаго поѣзда.

III.

Къ станціонной кассѣ подходитъ еврей съ сыномъ. Сынъ высокій, лѣтъ двадцати. Отецъ просовываетъ голову въ окошко кассы.

Еврей. Пижалуйте двѣ балеты: адинъ для миня, а другой половина балетъ для дитю.

Кассиръ. У насъ только маленькимъ дѣтямъ даютъ полбилета; можетъ быть, вашъ сынъ уже большой?

Еврей. Нѣтъ, онъ завсемъ маленькій мальчикъ, онъ на цѣлый балетъ даже сидѣть не можетъ!

Кассиръ. Смотрите, я васъ предупреждаю; если онъ великъ, такъ полбилета не годится.

Еврей. Ей Богу, годится; я знаю.

Кассиръ. Васъ могутъ послѣ повести къ приплатѣ; вы вдвое заплатите, если сынъ великъ.

Еврей. Что ви менѣ говорите! я папынька, такъ я не знаю, какой у меня сынъ! Дайте полбилетъ.

Кассиръ *(отдаетъ билетъ)*. Извольте.

(Еврей пошелъ, да послѣ сообразилъ, что если ему придется доплачивать, то по разсчету это выйдетъ дороже. Возвращается въ кассу).

Кассиръ *(спрашиваетъ)*. Что вамъ?

Еврей. Пижалуста, перемѣняйте полбалетъ, дайте замѣсто ниго цѣлый!

Кассиръ. Отчего?

Еврей. Оттого, какъ пошматрѣлъ я хорошенько на мой дитю, такъ онъ дѣйствительно очинь большой!

Въ Юсуповомъ саду.

Въ Юсуповомъ саду идутъ три еврея. У одного паспортъ есть; двое идутъ потихоньку безъ паспортовъ. На встрѣчу имъ идутъ приставъ и двое городовыхъ; евреи, замѣтя ихъ, пугаются.

Еврей безъ паспорта. Гашпада, нехорошаго дѣло; ежели чáсомъ, палиція у въ насъ пашпорты шпроситъ, что ми тогда будимъ дѣлать?

Еврей съ паспортомъ. Ни бизпакойся; ми тепэричка вшакаго дѣла обдѣлаемъ; вжэ ми много люди на бѣлый швѣтъ проводили, тольки пижалуста, хадите шпакойно. А когда къ намъ палиція будетъ падхадить, такъ я начну увдирать, а ви хадите шпакойно; палиція за мной будетъ гонятся, а ви, тѣмъ чáсомъ, патихоньку лупáйте въ кушты; тольки, пижалуйста, какъ благородные евреи, ни тиряйте пришутствo духа.

(*Подходитъ приставъ; еврей съ паспортомъ*

начинаетъ бѣжать, городовые гоняются за нимъ. Двое евреевъ безъ паспортовъ скрываются въ кусты. Городовые догоняютъ еврея; останавливаютъ его. Приходитъ приставъ).

— Паспортъ есть у васъ?

— Пашпо́ртъ?! какой пашпо́ртъ?

— Вашъ паспортъ.

— На что вамъ минѣ мой пашпо́ртъ?

— Мнѣ надо видѣть вашь видъ.

— Вамъ антиресно видѣть, какъ моего фамилью?

— Да, интересно.

— Ижвольте, магу вамъ ждѣлать этого удовольштвіе.

(Показываетъ паспортъ, приставъ просматриваетъ его).

— Все въ порядкѣ; отчего же вы убѣгали, имѣя паспортъ?

— Я завшемъ ни увбигалъ!

— А что же вы дѣлали?

— Я такъ шибѣ бѣгалъ.

— Какъ это «такъ себѣ?»

— Я не ждоровъ.

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Я изъ такого болѣзню ниждоровъ, что минѣ докторъ каждый день вилѣлъ бѣгать.

— Отчего же вы убѣгали, когда видѣли, что мы за вами гнались?

— Я завшемъ не думалъ, что ви за мной ганялись.

— А что же вы думали?

— Я тольки шибѣ думалъ, что ми зъ вами зъ одного болѣзню больные и докторъ вамъ тожи вилѣлъ бѣгать. Больши я шибѣ ничего не думалъ. Пижалуйста, пажвольте минѣ швабодно прахадить.

(Гордо заложивъ руки за спину уходитъ).

Въ Мировомъ Судѣ.

Въ камеру мироваго судьи вбѣгаетъ простая еврейка, уже не молодая, въ слезахъ, и кидается мировому судьѣ въ ноги; тотъ велитъ ей подняться и объяснить въ чемъ дѣло.

Еврейка *(плача)*. Дѣло, какое? Ой, ежелибъ ви знали эта дѣло, ви би даже и не шпрашивали! Ой-ой-ой!

Судья. Да въ чемъ же дѣло? Что, васъ кто-нибудь обидѣлъ?

Еврейка. Абидѣлъ?.. Что минѣ абидѣлъ: онъ минѣ вся морда пабилъ.

Судья. Кто онъ?

Еврейка. Мойше.

Судья. Какой Мойше?

Еврейка. Ви не знаете Мойше?

Судья. Нѣтъ, не знаю.

Еврейка. Кто этатъ машенникъ не знаетъ? Онъ на базаръ съ аплисинами торгуетъ?

Судья. Какъ его зовутъ?

Еврейка. Мойше Вездецѣловъ

Судья. А ваша фамилія какъ?

Еврейка. Очень худо! Вшя фамиль бальная: мамэнка старуха бальной, дочка бальной, синъ бальна...

Судья. Да я васъ не про эту фамилію спрашиваю: вы мнѣ скажите какъ васъ зовутъ?

Еврейка. Минѣ зовутъ? Ривка Голдбладъ.

Судья. Свидѣтели есть у васъ?

Еврейка. Сколькі хочете.

Судья. Ну, хорошо; завтра я вызову его, будьте и вы здѣсь и приведите свидѣтелей.

На другой день вызываютъ еврея. Онъ приходитъ; являются также еврейка и свидѣтели.

Судья *(обращаясь къ еврею)*. Ваша фамилія?

Еврей. Мойше Вездецѣловъ.

Судья. Кто вы такой?

Еврей. Синъ 2-й гильдіи купца.

Судья. Нѣтъ, вы кто такой, ваше званіе?

Еврей. Я-же вамъ сказалъ, что я синъ второй гильдіи купца.

Судья. Да это все прекрасно; сами по себѣ кто вы?

Еврей. Я?

Судья. Да.

Еврей. Никто.

Судья. Какъ никто? вѣдь вы торгуете?

Еврей. Таргую.

Судья. Значитъ, вы тоже купецъ?

Еврей. Нехай купецъ.

Судья. Какого вы вѣроисповѣданія?

Еврей. Здѣшняго.

Судья. Какъ здѣшняго?

Еврей. Я еврей.

Судья. Васъ обвиняетъ г-жа Ривка Голдблатъ, что вы ее вчера били.

Еврей. Я ихъ билъ? Я эта дама шавсемъ ни знаю!

Еврейка. Ти мине знаешь? А кто мене вчера морда билъ?

Еврей *(обращаясь къ еврейкѣ)*. Ша! *) *(Къ судьѣ)*. Ваше благородье! Ви вѣрьте благородны купецъ: я эта дама даже въ глаза не видалъ...

Еврейка *(крича)*. Какъ-же ты минѣ...

Еврей *(къ еврейкѣ)*. Ша!.. *(Судьѣ)*. Вѣрьте слово, гаспадинъ судья, что я вамъ гаварю...

---

*) Ша—тише.

эта ана сама мнѣ ругала зъ нехорошими словами...

Судья. Какими-же словами она васъ ругала?

Еврей. Эти слова я сказать ни магу, эта некретъ...

Судья. Вы должны сказать, иначе я не могу судить, не зная дѣла.

Еврей. Эта даже стѣнки не могутъ слишать эти слава, эта только я вамъ на вухо магу сказать.

Судья. Говорите громко.

Еврей *(подумавъ)*. Ана мнѣ сказала, что я паршивый жидъ!

Судья. И вы ее за это побили?

Еврей *(обиженно)*. Пабили? А ви бы ее за такое дѣло ни пабили? *(Судья сначала уговариваетъ ихъ помириться; еврейка не соглашается. Судья приговариваетъ еврея къ уплать пяти-рублеваго штрафа)*. Гасподинъ судья, звините, пижаласта звините; ихъ лицо не стоитъ пять рублей.—Гаспадинъ судья! Эта такая дама, что ана за всякимъ спорить и другой тожи ихъ будетъ бить, такъ нехай вжэ тотъ и заплотить...

Судья. Вы должны заплатить штрафу пять рублей...

Еврей. Ой, ой! За одна плюха, что я потихоничьку далъ, давать пять карбованцевъ... псс!.. *(обращаясь къ еврейкѣ)* Ривка, знаешь что? Вдарь минѣ на морда два раза и я тебѣ ище адинъ карбованецъ заплачу и будемъ квиты! Пижаласта, эта па знакомству.

(Еврейка не соглашалась на это предложеніе и Мойше долженъ былъ заплатить пять рублей штрафу).

Свидѣтели.

Въ одномъ городѣ посадили въ острогъ нѣкоего Иванова, по обвиненію въ поддѣлкѣ фальшивыхъ бумажекъ. Но при производствѣ слѣдствія, Ивановъ оказался совершенно невиннымъ и его нужно было изъ-подъ ареста освободить: оставалось только сдѣлать повальный обыскъ, т. е. узнать о прежнемъ поведеніи Иванова и дѣлахъ его: не былъ-ли онъ въ чемъ-нибудь замѣшанъ? Чтобы не трудиться долго отыскивать людей, которыя знали бы Иванова, взяли просто съ улицы четырехъ простыхъ евреевъ и повели ихъ присягать. Тѣ, совершенно не зная въ чемъ дѣло, присягнули, что скажутъ сущую правду о томъ, что ихъ спросятъ. Послѣ присяги привели ихъ въ часть, ввели въ присутствіе они стали у дверей. Вышелъ приставъ.

Приставъ. Всѣ здѣсь?

Евреи *(въ одинъ голосъ)*. Вшѣ!

Приставъ *(беретъ бумагу и начинаетъ читать)*. Мы обязываемся...

Евреи *(перебивая всѣ вмѣстѣ)*. Абязываемся...

Приставъ. ...сказать все...

Евреи *(перебивая)*. Вше!

Приставъ. ...не скрывать ничего...

Евреи *(перебивая)*. Ничего!!

Приставъ. ...что намъ законъ укажетъ...

Евреи *(перебивая)*. Звѣстно!

Приставъ. Что-же вы знаете про Иванова?

Одинъ изъ евреевъ *(выступаетъ впередъ)*. Про каго?

Приставъ. Про Иванова.

Еврей. Иванóвъ?

Приставъ. Да.

Еврей. Иванóвъ? *(Долго думаетъ, потомъ оборачивается къ другимъ евреямъ. Говоритъ шопотомъ)*. Кто такой Иванóвъ? Хиба я знаю кто онъ! Ти не знаешь, кто Иванóвъ? А?

Другой еврей. Иванóвъ? Нѣтъ. Папраси ему, чтобъ онъ ище разъ прочиталъ, что тамъ написано.

1-й еврей *(оборачиваясь къ приставу)*. Здѣлайте миласть, прачитайте намъ ище разъ что у васъ тамъ написано?

Приставъ *(беретъ бумагу и начинаетъ читать)*. Мы обязываемся...

Евреи *(перебивая)*. Абязываемся...

Приставъ. ...сказать все...

Евреи *(перебивая)*. Все!

Приставъ ...не скрывая ничего..

Евреи *(перебивая)*. Ничего!!

Приставъ. ...намъ законъ укажетъ...

Евреи. Звѣстно!!

Приставъ. Про Иванова.

1-й еврей. Иванóва? *(Опять оборачивается къ евреямъ)*. Что ми будемъ говорить! Хиба ми его знаемъ?

Другой еврей. Можетъ ти харашо не слихалъ; папраси ище читать.

1-й еврей. Фэ! *(Приставу)*. Пижалиста, ми забули, что увасъ на третей строчка написана...

Приставъ *(разсердившись)*. Мы обязываемся...

Евреи *(перебивая)*. Абязываемся!

Приставъ. ...сказать все...

Евреи *(перебивая)*. Вше!

Приставъ. ...не скрывать ничего...

Евреи *(перебивая)*. Звѣстно!

Приставъ *(потерявъ терпѣніе)*. Такъ что-же вы, наконецъ знаете про Иванова?

1-й еврей. Иванóвъ! Ссъ!! *(оборачивается къ евреямъ)*. Харошее дѣло! Что ми будемъ говорить?

Другой еврей. Иванóвъ?.. Это что фальшивы баманки?

1-й еврей *(испуганно)*. Фальшивы бамашки! *(Быстро поворачивается къ приставу)*. Звыните, гаспадинъ, ми его завсемъ не знаемъ!

(Вси евреи миновенно исчезаютъ).

У кассы театра.

Къ кассѣ театра подходятъ два простые еврея. Третій еврей стоитъ въ сторонѣ съ маленькимъ сыномъ и читаетъ афишу. Даютъ оперу «Марта». Первый актъ подходитъ къ концу. Одинъ изъ евреевъ стучитъ въ окно кассы.

Кассиръ *(отворяетъ окошечко)*. Что вамъ угодно?

1-й еврей. Г. кассиръ, что ви сегодня играите: чи опира, чи тіатръ?

Кассиръ. Оперу.

1-й еврей. Опира?.. Какой ви играите опира?

Кассиръ. Марту.

2-й еврей. Что-о?!

Кассиръ. Марту!

1-й еврей. Что это такое—Марта?

Кассиръ. Это опера.

2-й еврей. Траваторъ эта тожи опира?

Кассиръ. Да, опера.

1-й еврей. Атчего ви не играите Тра-аторъ?

Кассиръ. Играютъ и Троватора, а сего-ня играютъ Марту.

1-й еврей. Кто дѣлалъ эта Марта?

Кассиръ. Флотовъ.

1-й еврей. Кто?

Кассиръ. Флотовъ!

1-й еврей. Флѣтинъ?! Не слыхалъ! *(Повора-чиваясь ко 2-му еврею)*. Ти ни знаишь кто та Флетинъ?

2-й еврей. Нѣтъ, ни знаю. *(Кассиру)*. Эта онъ самый опирщикъ?

Кассиръ. Что это значитъ?

2-й еврей. Эта онъ самый дѣлалъ опира?

Кассиръ. Да.

1-й еврей. Сколько стоитъ двѣ балеты ъ штулъ?

Кассиръ. Два рубля.

1-й еврей. Увступите что-нибудь?

Кассиръ. У насъ не уступаютъ.

2-й еврей. Здѣлайте миласть, увступите а дивяносто капѣкъ!

1-й еврей. Ми вжэ кусочикъ тіатръ ни видимъ: пижаласта увступите!..

Кассиръ *(сердито)*. Сказалъ я вамъ, что е уступлю.

2-й еврей. Ми вамъ часто даемъ тарга вать: увступите па девяносто копѣекъ!

Кассиръ. Уйдете вы?!

1-й еврей. Ну, что ви сердитесь: ваш товаръ—наши деньги. Пижаласта, вступит

Кассиръ. Не надоѣдайте!

1-й еврей *(обращаясь ко 2-му)*. Ну, чт зъ нимъ дѣлать, вжэ дадимъ двѣ карбованц

2-й еврей. Нехай.

(Платятъ деньги и уходятъ. Третій еврей под ходитъ къ кассѣ).

3-й еврей *(скороговоркой)*. Ви имъ звы ните, г. кассиръ, патаму что ани зъ Бирди чевъ: ани всѣ эти парадки ни знаютъ, как здѣсь у васъ дѣлаются. Ани ежели приходят въ тіатръ въ Бердичевъ и адинъ тіатръ кон чился, ани менше плотятъ, ежели два тіа тера кончились—ище меньши, ежели три тіа тера—ище меньши; ани всѣ эти парадки каторые здѣсь, завсемъ ни знаютъ, какъ харашо ихъ знаю и панимаю... *(Большая пауза)* Что ми теперичька будимъ дѣлать?

Кассиръ. А что?

3-й еврей. Патаму я тожи парадка н знялъ: я толъки десять капѣекъ съ собо взялъ на тіатръ. *(Кассиръ его прогоняетъ. Он отправляется въ галерку).*

Разъѣздъ послѣ оперы. На подъѣздѣ вызываютъ кареты. Жандармъ кричитъ: «карету графини Холпаковой». Въ сторонѣ слышенъ голосъ еврея.

Еврей. Душку Янкель, пойдемъ! Тольки надкачай пантолоны, бо на дворъ крѣпко грязно!

(Всѣ расходятся).

Благородная дама Елена Прекрасная.

(Разсказъ еврея).

Звыните что я вамъ скажу. Много я тріятеровъ видалъ, тольки такой тріятеръ я, ей-Богу, никогда не видалъ. Я видалъ какъ вше люди представляли, а тутъ вше отъ греческой фимологіи *).—Ой! что это тольки было. Приходить на тріятеръ адинъ малодой пастухъ, котораго зовутъ Париска. На тріятеръ въ эта время прогуливается адинъ человѣкъ, котораго зовутъ Калтасъ; тольки, кто онъ такой, ни знаю, патаму онъ вше зъ ножикомъ гиляетъ. Париска шпрашиваетъ въ него, гдѣ можно видать мадамъ Елена? Та Калтасъ шпрашиваетъ, кто онъ; а Париска атвѣчаетъ, что онъ пастухъ, пасетъ свиней,

*) Миѳологіи.

и ему тожи весьма пріятно и зъ нимъ познакомиться. Калтасъ говоритъ, что скоро мадамъ Елена зъ мужемъ сваимъ будить вихадить, чтобъ снимать съ народа экзаменъ, такъ тогда онъ можетъ увидать ихъ. Париска увходить. Вдругъ приходить Елена и садится на самое балшущее стуло и за нею виходятъ вшѣ. Тольки фимологическіе актеры лучше, чѣмъ настоящіе. Патаму настоящіе виходють и прамо начинаютъ представлять, а фимологическіе вшѣ до насъ атрикамендовались. Адинъ шказалъ, что онъ мужъ атъ прикрасной Елены, господинъ Минилайка, и что здѣсь кароль. Другой шказалъ, что онъ самый храбрый человѣкъ на цѣлый свѣтъ и за этого можетъ брить каго вгодно. Кагда вшѣ пасидали, та Елена начала снимать акзаменъ и шпрасила: «за что въ морѣ бываетъ саленая вода?» Никто не сгадалъ. Адинъ шказалъ, что она саленая за того, что это море; другой шказалъ,—что тамъ нима сладкая вода; вдругъ виходитъ Париска и говоритъ: что «въ морѣ бивастъ саленая вода за то, что тамъ плаваютъ очинь много селедки». Это умная голова, это мальчикъ! Никто не могъ сгадать, а онъ сгадалъ; на-

вѣрно зъ евреевъ! Какъ онъ это сгадалъ, мадамъ Елена сичасъ шпрашивала въ него—кто онъ? Онъ шказалъ, что онъ свинячій пастухъ. Елена вжяла свой пэнсе, пасматрѣла на Париску отъ всѣхъ сторонъ, и должно бить онъ ей крѣпко панравился, патаму Елена вдругъ шказала къ Минелайкѣ: «Милый ангелъ, ждѣсь вжасно холодно, ти завсемъ балнòй мужчина, тибѣ нужно въѣхать въ теплый городъ». Сичасъ на Минилайка адѣвали шуба, галоши, шапка и онъ выѣхалъ, а Елена пашла къ сибѣ дамой въ спальня. Вдругъ приходить Париска. «Звыните, маламъ, говоритъ онъ, чи ни забилъ я ждѣсь мой шмаркательный платокъ?»—Пашукайте. Пашматрѣла она на Париску, долго шматрѣла, патомъ вжяла сибѣ коло сердца и говоритъ: «что это минѣ такъ въ середка пагáно; я хачу на паштель, патаму я чувствую, что я сичасъ впаду кивиркòмъ, кивиркòмъ!» Париска, какъ деликатный человѣкъ, давалъ имъ рука, чтобы ихъ пакластъ на паштель, и тольки онъ паклалъ на паштель и ставалъ коло ихъ на колѣнка, какъ вдругъ дверь атвирялась, и входить Минилайка зъ галошами и со свѣчкой; пашматрѣлъ онъ на нихъ

и тольки шказалъ: «Хорошее дѣло! Благодарю вамъ за этого!» А мадамъ Елена въ него спрашиваетъ: «Милый ангелъ, за чиго ты вжэ такъ шкоро возвращался».—Звыни минѣ, душку, говоритъ Минилайка, чи ни забилъ я ждѣсь свой шмаркательный платокъ!..

Что такой! Чи они здурѣли? Оба мужчины къ одной дама за одинъ шмаркательный платокъ ходютъ! Ой!

Тутъ вжэ фимологическіе актеры падимали такой гвалтъ, что я ничего ни могъ панимать!—даромъ тольки одинъ карбованецъ за штулъ заплатилъ.

Русланъ и Людмила.

Посвящается Е. П. Красовской.

На улицѣ встрѣчаются два еврея. Одинъ изъ нихъ былъ въ театрѣ на представленіи оперы «Русланъ и Людмила».

— Въ тріятеръ билъ?

— Нѣтъ. А что?

— Ти ни билъ въ тріятеръ? Ти не видалъ Рашланъ?

— Не!

— Что-же ти хорошое видалъ, када ти Рашланъ не видалъ! Слухай, я тибѣ разскажу. Такой опера я никогда ище не видалъ. Въ первомъ тріятерѣ предштавлялось какъ вшѣ шидятъ за штолъ кушаютъ и самый балшущій князь Рашланъ виходитъ за мужъ за Лядмила, за дочка шваго папыньки, который предштавлялся какъ король. Када вшѣ покушали, та король вштавалъ и шказалъ: «Милый шинъ Рашланъ, вотъ тибѣ мой дочька и двадцать тисячъ въ придано, только шдѣлай милость будь хорошій мужъ и не шпорти минѣ мая Лядмила!» Та Рашланъ

сказалъ: «Богъ зъ вами, милый папынька, что я развѣ дите, тольки пожалуйте деньги впередъ; тольки онъ этого виговаривалъ, какъ вдругъ шдѣлался балшой громъ, въ полъ шдѣлалась дирка и оттудова показался чортъ съ барадой въ двѣ аршинъ; онъ пашматрѣлъ на всѣхъ. Лядмила тожи на вшѣхъ пошматрѣла, патомъ пашла къ чорту въ барада, шдѣлала вшѣмъ зъ рукою, какъ будто шказала! «звыните пижалуста», и вмѣстѣ съ чортомъ шпряталась въ дирка.—Тагда падимался на тріятеръ такой гвалтъ, какъ и въ Бердичевъ рѣдко бивастъ. Кароль началъ шпрашивать въ Рашланъ гдѣ его дочька, а Рашланъ шпрасилъ, гдѣ его жина,—зъ однимъ словомъ никто ничего не могъ понимать; вдругъ вишелъ адинъ плимянникъ отъ Рашланъ, маленькій Ратмиръ, такой шлавный дитю, винялъ шабля и шказалъ, нехай вшѣ идутъ шукать Лядмила, а король шказалъ, что онъ даетъ 3 т. карбованцевъ *), кто ее находитъ; ну, звѣсно вшѣ побѣжали шукать.

На второй тріятеръ предштавлялось балшущая штепь. Рушланъ прихадилъ пашматрѣть, чи нѣту здѣсь часомъ Лядмила; мнѣ

*) Рублей.

ажъ жалко ито стало, такъ онъ бѣдный схудалъ. На шередина штепъ стаяла балшущая голова; вѣришъ, Мойше, минѣ ажъ страшно стало, какъ я на ее пашматрѣлъ; такая большая, какъ домъ; я сибѣ тольки падумалъ, что мнѣ вдивительно, какъ на свѣтъ есть люди, которые имѣютъ и руки, и ноги, и вше; тольки какъ у въ нихъ въ голова нѣтъ ничего, та они ничего шдѣлать не могутъ; а ждѣсь на оборотъ, тольки одна голова штаяла и вше могла шдѣлать, патаму крѣпко умная била.—Рашланъ падхадилъ къ ней и шпросилъ, не знаетъ ли часомъ она, игдѣ Лядмила; та голова шказала: «сдѣлай милость вдарь минѣ разъ на морда и тогда ти вшэ взнаешь». Рашланъ съ вдовольствіемъ шпалнялъ этого, давалъ ей съ шаблемъ плюха и голова шказала: и ступай прямо, увидишь балшой садъ, тамъ живетъ чортъ и Лядмила; голова шказала этого, запирала глаза, шказала; «спокойной Вамъ ночь» и заснула.—Рашланъ такой радый пабѣжалъ. Покудова онъ побѣжалъ, коло сада приходили много рашалки, такія что съ вада виходятъ и начали спѣвать, что имъ скучно, что маленькій Ратмиръ не приходитъ; вдругъ въ дѣйштви-

тельность приходить Ратмиръ, они начали иго цѣловать и предштавлять, какъ они иго крѣпко любять; а Ратмиръ, звѣстно, какъ маладой дитю, онъ имъ этого повѣрилъ: тольки я хорошо панималъ за что они иго любятъ, патаму у ниго бральянты много били одѣты; сичасъ приходилъ Рашланъ, прогонялъ рашалки, и зъ Ратмиромъ пашелъ въ садъ.—Въ тріятеръ шдѣлался садъ; я такой богатый садъ никогда не видалъ тамъ; одни лимоны можна било больше чѣмъ двадцать пудовъ собирать. Вихадила Лядмила и начала шпѣвать, что хоть здѣсь очинь адлично, аднако, ей крѣпко паскудно и вжасно скучно, и сичасъ лажиласъ на скамейка. Вдругъ началъ ходить народъ и самъ чортъ; прихадили такіе, что паютъ и что ничего не паютъ, тольки деньги берутъ и музиканты и такіе, что танцуютъ и восемь такіе маленькіе чорты цюцики. Начали шпивать, танцовать, цѣлый балъ шдѣлали: тольки чортъ увидалъ, что идетъ Рашланъ, онъ шпагался и втекъ; Рашланъ иго шпаймалъ, схватилъ безо всякаго церемонія за борода и отодралъ. Нехай ни тебѣ ни минѣ этотъ хвостъ ни будить; приходилъ до Лядмила и говоритъ: «Лядмила,

ангилъ мой, я ждѣсь; пашматри на минѣ», а Лядмила вше шпитъ. «Дитю мой вштавай пойдемъ шкорѣй домой!» Лядмила ничего ни шказала, тольки на другой бокъ перевертался. Тагда Рашланъ ей тольки адно нихорошее шлово на вухо шказалъ, она сичасъ вставала и ихъ панесли домой.—Въ пашлѣдній тріятеръ Лядмила лежитъ въ гробъ. Коло нихъ сидитъ ихъ папынька и вжасно какъ плачитъ. Наконецъ приходитъ Рашланъ и король говоритъ къ нему: «Шинъ мой, шкажи минѣ пажалуста, кто мой дочка шпортилъ, что она ни можетъ разговаривать?» Рашланъ падхадилъ къ ней, опять ей одна слова шказалъ и она сичасъ вставала, начала спѣвать, папынька вилѣлъ шладкое вино давать, пряники и апять швадьба шдѣлать. Минѣ тольки адинъ человѣкъ жалко было; это, что въ музика на большой штулъ съ палкой шидѣлъ: онъ и музикантамъ махалъ и тѣмъ, кто спивалъ махалъ и расалкамъ махалъ и цюцикамъ чернымъ махалъ и сибѣ махалъ,—гдѣ въ него столькі силы било, чтобъ столькі махать!—Этотъ тріятеръ 5 т. карбованцевъ стоилъ. Хорошее дѣло!

Я думаю.

Два еврея ѣдутъ на одной лошади. Пріѣзжаютъ ночью въ лѣсъ и располагаются ночевать. Старикъ-еврей говоритъ молодому: «Мойше, я засну; коняку привяжемъ кало дерево, а ты не спи: смотри, чтобы часомъ, кто коняку не вкралъ». Сказано—сдѣлано. Старикъ улегся, а молодой сѣлъ караулить. Черезъ часъ старикъ просыпается и спрашиваетъ:

Старикъ. Мойше, ты спишь?

Мойше. Нѣтъ.

Старикъ. Что ты дѣлаешь?

Мойше. Я думаю.

Старикъ. Что ты думаешь?

Мойше. Я думаю, какъ масло можитъ горѣть, кагда ано такое мокрое?

Старикъ. Думай, Мойше, думай, только не спи!

(Старикъ заснулъ. Черезъ нѣсколько времени опять проснулся и спрашиваетъ молодаго).

Мойша, ты спишь?

Мойше. Нѣтъ.

Старикъ. Что ты дѣлаешь?

Мойше. Я думаю.

Старикъ. Что ты думаешь?

Мойше. Я думаю, куда солнце дѣвается, когда ано заходитъ?

Старикъ. Думай, Мойше, тольки не спи.

(Часа черезъ два опять просыпается).

— Мойша, ты спишь?

Мойше. Нѣтъ.

Старикъ. Что ты дѣлаешь?

Мойше. Я думаю.

Старикъ. Что ты думаешь?

Мойше. Я думаю, ежели, съ палкой здѣлать въ земля дирка, та куда земля дѣвается?

Старикъ. Думай, Мойше, думай, тольки не спи.

(Къ утру просыпается).

— Мойше, ты спишь?

Мойше *(плача)*. Нѣтъ.

Старикъ. Что же ты дѣлаешь?

Мойше. Я думаю.

Старикъ. Что ты думаешь?

Мойше. Я думаю, что коло эта дерево стаяла лошадь, а куда ана теперичька дѣвалась!!!

(Мойше столько думалъ, что и не замѣтилъ, какъ лошадь украли).

Узелъ.

Въ вагонѣ втораго класса ѣдетъ какой-то еврей. Пассажиры всѣ спятъ. Растянувшись во весь диванчикъ, спитъ и еврей. Напротивъ его на диванѣ лежитъ огромный узелъ. На промежуточной станціи входитъ пассажиръ; не находя свободнаго мѣста, осторожно будитъ еврея.

— Милостивый государь!.. Милостивый государь!

(Еврей просыпаясь).

— Аа?!

— Будьте добры, примите узелъ, мнѣ негдѣ сѣсть.

— Ужолъ?

— Да.

— Не приму.

— Мнѣ сѣсть негдѣ.

— Что минѣ за дѣло, что вамъ негдѣ сѣсть? Аштавляйте минѣ пижалуйста шпать!

— Я позову кондуктора.

— Жавите кандуктора.

(Пассажиръ выходитъ, зоветъ кондуктора).

— Кондукторъ, попросите его принять узелъ, мнѣ негдѣ сѣсть.

(Кондукторъ будитъ еврея).

— Господинъ, примите узелъ.

— Аштавляйте минѣ, пижалуйста, шпать!

— Примите, или я позову оберъ-кондуктора.

— Ссъ!!! какъ ви миня шпигали!

(Кондукторъ идетъ жаловаться оберъ-кондуктору; тотъ подходитъ къ еврею).

— Извольте принять узелъ; вы стѣсняете пассажировъ.

— А ви увжасно какъ минѣ штѣсняете; я вамъ шказалъ, что я ужолъ не приму и аштавьте минѣ.

— Я позову начальника станціи.

— Жавите хоть шамаго гибернатора; минѣ вше равно!

(Является начальникъ станціи).

— Не угодно ли вамъ немедленно принять узелъ и очистить мѣсто.

— Во первого я вжэ шказалъ, что ужолъ не приму, а у второго, я моего мѣсто завшемъ не замаралъ, чтоби минѣ его обчищать.

— Если вы не примите узелъ, я позову жандарма и прикажу васъ вывести.

— Что ви минѣ пугаете, пижалуйста! Что я ариштантъ? Я имѣю швой балетъ и сидю.

— Позовите жандарма.

(Является жандармъ. Евреи окружаютъ пассажировъ, начальникъ станціи, оберъ-кондукторъ, жандармъ и кондукторъ. Начальникъ станціи приказываетъ жандарму).

— Велите ему принять узелъ или выйти изъ вагона.

— Господинъ, извольте принять узелъ.

— Чи ви вшѣ ко мнѣ лѣзете; я вамъ увжэ сто разовъ шказалъ, что я хатю шпать.

(Начальникъ станціи опять обращается къ еврею).

— Послушайте, ну что вамъ за охота спорить; примите узелъ.

— Шкажите минѣ на милость, что я вашъ лакей, чтобы ужлы принимать?

— Да, вѣдь, это вашъ-же узелъ?

— Кто же вамъ говорилъ, что это мой ужолъ?

— А то чей же?

— Это отъ тѣхъ пассажиры, что на той штарана дивана сидютъ. Развѣ я виноватъ,

что они шплятъ и ничего не слишютъ! Хадите вшѣ къ нему и шкажите, чтоби онъ принималъ шкарѣй швой ужолъ, патаму онъ штольки народа ужъ школько времени ждѣсь напрашно держитъ!

(Пассажира будятъ и онъ принимаетъ узелъ).

Почетное гражданство.

(Разсказъ еврея).

Жили ми зъ татою моимъ въ деревня, жили шпикойно; какъ благородныя люди, держали кабакъ. Вдругъ намъ говорутъ, что въ Шилестріи страшна война и страженіе будетъ происходить, и будто бы артилерія зъ пушками черезъ наша деревня будетъ хадить. Нехай! Приходили. Тольки какъ прихадили, всѣ коняки въ артилеріи попристававали: не могутъ ходить дальше. Тольки гиниралъ шпрашиваетъ: въ кого есть въ деревня коняки? Говорутъ, что у мой тата есть. Зоветъ гиниралъ мой тата и шпрашиваетъ: ти Ицко? Тата говоритъ: «я Ицко».—Ты имѣешь коняки?—Тата говоритъ «имѣю коняки».—Сколькі ти имѣешь коняки?—Тата говоритъ: «имѣю вошемнадцать коняки».—

Гиниралъ говоритъ: намъ надо только шестнадцать коняки. — Тата говоритъ: «я вамъ дамъ шестнадцать коняки».

Запрегали шестнадцать коняки въ артилерія въ пушки и поѣхали. А ми зъ татою сзади артилерія въ повозка шпратались въ салома, чтобъ насъ часомъ за салдаты не принимали, чтобъ не убивали напередъ всѣхъ. Пріѣзжали въ Шилестрію... Нехай имъ чортъ! Штрѣляютъ спереди, штрѣляютъ сзади, штрѣляютъ зъ адинъ бокъ, штрѣляютъ зъ другой бокъ, надъ пивозка въ салома штрѣляютъ! Ми спигались, сидимъ. Штрѣляли, штрѣляли, штрѣляли, — и что ви думаете? Зъ нашими коняками взяли Шилестрію. Заветъ гиниралъ мой тата и шпрашиваетъ: ти Ицко? — Такъ говоритъ: «я Ицко». — Ти зъ коняками пушки возилъ? — Тата говоритъ: «я зъ коняками пушки возилъ». — Скольки тибѣ за это слѣдоваетъ? — «Ваше высокоблагородное благородье, говоритъ мой тата: — я свой отчество защищалъ, а ви минѣ говорите — скольки минѣ слѣдоваетъ? Минѣ ничего не слѣдоваетъ!» — Гиниралъ говоритъ: благодаримъ тебѣ, — хорошо! Прощалися ми зъ салдатами, забрали коняки и поѣхали домой.

Праходитъ адинъ годъ, праходитъ другой годъ. Живемъ ми вжэ зъ татою въ городъ. Вдругъ разъ приходятъ сказать, что мой тата палиціймейстеръ заветъ. Какъ сказали: палиціймейстеръ,—тата мой спугался! Приходимъ ми въ полиція. Тольки смотримъ: сидитъ одинъ палиціймейстеръ, другой палиціймейстеръ, третій палиціймейстеръ и самый балшущій палиціймейстеръ генералъ зъ бѣлымъ апалетомъ. Тольки гиниралъ шпрашиваетъ мой тата: «ти Ицко?»—Тата говоритъ «я Ицко».—Зъ коняками пушки вазилъ.—За этого, говорутъ, тибѣ благодаримъ покорно и даруютъ тибѣ два магдаль, одинъ залатой, другой серебряной, и пазваляютъ тибѣ за всемъ семействомъ называться зъ пачетнымъ гражданствомъ.

Ми съ татою сичасъ эти магдали взяли, къ залатыхъ дѣлъ мастеру пабижали—пашматрѣть, чи настоящія, чи ни фалышивыя, какой проба, скольки стоютъ эти магдали! А въ бамага, что намъ давали, такъ било праписано, что позваляется маему тата за всемъ иго семэйствомъ, за всеми дѣтями, что типерь есть, и что типерь нѣту, что можетъ ище послѣ будутъ, всѣмъ називаться зъ

почетнымъ гражданствомъ и всѣмъ даже объ этомъ объявлять. Ми, такіе радые, взяли эти магдали и, чтобъ всѣ видали, что ми ихъ получали, привѣсили ихъ на ворота. Что ви думаете, какой у насъ пархатый городъ? Къ вечеру оба магдали зъ варота вкрали! Что минѣ зъ татою то гражданство, когда на дивяносто вошемъ карбованцевъ золата вкрали!! Хорошее дѣло!

Взятіе Шумлы.

Одного простого еврея спрашиваютъ: Слышалъ, Мойше, Шумлу крѣпость взяли.

Мойше. Атъ! Что минѣ Шумла!

Господинъ.—А что?

Мойше. Что минѣ Шумла! Ви скажите лучше, что они у меня дома эти всѣ шалдаты гуськи всѣ покрали — а? Это хуже Шумлы! Ну, положимъ, они ходятъ на война они хочутъ кушать, они покрали мои гуськи, положимъ! А за чѣмъ ани минѣ въ борода плевали? Ну, положимъ, они голодны, покрали мои гуськи; они сердиты, они плевали мнѣ въ борода, положимъ! зачѣмъ-же они моя жинка побили?! Она типеричька балной женщина, ани минѣ спортили дама на всю мою жизнь! А ви говорите—Шумла! Они ходили въ Шумла, какъ всѣ спали, взяли чужой дробъ и съ чужимъ дробъ на-

чали штралять; вотъ за что они Шумла взяли. А ви минѣ скажите, зачѣмъ они минѣ мая дама спортили? Вотъ что! А то минѣ Шумла!? Шумла для минѣ—фэ!

Взятіе Браилова.

Послѣ взятія крѣпости Шумлы и Варны былъ разговоръ о томъ, возьмутъ ли крѣпость Браиловъ. Спрашиваютъ одного еврея:

— Какъ ты думаешь, Шмуль, возьмутъ крѣпость Браиловъ?

— Кто?

— Русскія войска.

— Рушкія шалдаты?

— Да.

— Важмутъ! Они вше важмутъ! они у насъ черезъ деревню прахадили, такъ что только увидали, вжяли! Каштрули, самовары, гуси вше забрали. Ани только пашмотрютъ и возмутъ! Вшпакойтесь!!

К. Б. Ж. Д.

На станціи одной изъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ стоитъ вагонъ съ буквами: К. Б. Ж. Д.—что означаетъ Кіево-Балдская Желѣзная Дорога. Стоятъ на платформѣ двое пассажировъ.

— Что означаютъ, скажите пожалуйста, на вагонѣ эти буквы: К. Б. Ж. Д?

— Право, не знаю.

— Эти буквы,—говоритъ проходящій мимо кондукторъ, желая съострить, означаютъ: Какая Безтолковая Жидовская Дорога!

Раздается смѣхъ.

— Жвыните, гашпадинъ кандукторъ,—говоритъ еврей,—ви вшѣ русскіе читаете вшигда съ лѣвая старана на правая, та по вашему выходитъ: Какая Безтолковая Жидовская Дорога; ми, евреи, читаемъ вшегда съ правая старана на лѣвая, та по нашему эти буквы выходютъ такъ: Дуракъ Желаетъ Быть Кондукторомъ. Вотъ что виходитъ!

Портной.

Еврей портной сшилъ одному барину сюртукъ, очень плохо. Тотъ сразу не замѣтилъ этого; походилъ онъ въ сюртукѣ одинъ день и явился къ портному.

— Скажи мнѣ пожалуйста ты кто такой: сапожникъ или портной?

— Я? звѣстно партной!

— Нѣтъ, ты разбойникъ – сапожникъ!

— Что ви шердитесь, пижалуста, я зъ роду сапаги въ руки ни держалъ.

— Ты мнѣ какъ сшилъ сюртукъ?

— Какъ? какъ вшѣмъ шью.

— Ты его мерзко сшилъ.

— Зачего мерзко?

— Потому что, когда я въ немъ прошелся по улицѣ, такъ надо мною всѣ смѣялись, такъ онъ отвратительно сшитъ!

— Шмѣялись?! Ви вжэ скажите шлава Богу, что шмѣялись! Патому я аднаму чиновнику пашилъ шартукъ, та въ него дома вшѣ плакали, такъ я ему его пашилъ. А ви вжэ скажите минѣ шпасибо!

Кого везъ?

Ѣдетъ еврейская фура. Кого везутъ неизвѣстно. Но на самой верхушкѣ фуры сидитъ еврей. Кого-то заинтересовало, что такое онъ могъ везти, что сидитъ на такой вышинѣ. Спрашиваютъ послѣ еврея.

— Скажи пожалуйста, кого ты, голубчикъ везъ, что сидѣлъ на самомъ верху?

— Что васъ вдивляетъ, кого везъ?

— Да; потому ужъ очень высоко сидѣлъ; въ серединѣ-то что было?

— Что било въ ширидина?.. Что васъ вдивлястъ, что било въ ширидина! Када ви приходите въ магазинъ, лежитъ пачки съ бамагой и сверху лежитъ ножикъ, та въ ширидина значитъ вше ножики: ежели лежитъ пачка съ бамагой и сверху лежитъ карандашъ, та въ ширидина вше карандаши; ежели ѣдетъ фура и наверхъ сидитъ жидъ, — та въ ширидина значитъ вше жиды!! Что-же ви ни панимаете?!

Прошеніе.

Проѣзжали деревню нѣсколько молодыхъ людей. Въ деревнѣ была единственная еврейская корчма. Молодые люди хотѣли въ ней переночевать, но такъ какъ это было въ пятницу вечеромъ, подъ шабашъ, то еврей не хотѣлъ впустить ихъ. Ночевать было негдѣ; молодые люди хотѣли силою войти въ корчму, и для этого, чтобы испугать еврея, начали стрѣлять холостыми зарядами. Въ корчмѣ поднялся гвалдъ, и евреи съ криками: «каравулъ вбили!» попрятались кто куда попало. Молодежь вошла въ корчму переночевала и на другой день уѣхала. Только къ вечеру еврей съ женой и съ сыномъ очнулись и, слыша, что вездѣ тихо, рѣшились выйти изъ засады.

(На слѣдующій день еврей подалъ въ волостное правленіе слѣдующее прошеніе).

Господину волостное правленіе отъ благородный еврей Хаймъ Хацкель, жена его Ривка и ихъ маленькій сынъ Янкель, патаму какъ всѣхъ абидѣли.

Прошеніе и доказательство.

Швидѣтельствуемъ и Простестуемъ! Охъ! За чего такіе шдѣлались парадки. Я вше по парадокъ раскижу. Минѣ ажъ типерь штраш-

но. Я шидѣлъ съ моя Ривка, а Янкель вжэ спалъ. Вдругъ кто-то пріѣхалъ. Я думалъ, что можетъ кто благородный, а это завшемъ разбойники. Ани минѣ шказали, чтобъ въ минѣ спать, та я шказалъ, что нельзя, патаму теперь вжэ шабашъ, а моя Ривка шказала: «да теперь дѣйствительно вжэ шабашъ». А разбойники шказали, что ана ихъ за этого обижала. Богъ зъ вами. Развѣ моя Ривка, этотъ бралянтъ можетъ обижать! Чи ви ихъ не знаете; скольки разовъ она вамъ рыба приготовляла! Разбойники закричали: «ми будемъ штралять!» Чи они смѣютъ въ живой человѣкъ штралять! Это же завсѣмъ Агипетъ! И какъ вжэ начали штралять, такъ стольки штраляли, что насъ завсѣмъ на половину вбивали, а потомъ, паршивые ширлатаны, забирали вше, что ми на суббота приготовляли и въѣхали.

Прикладывая при этой бумага цѣлый полъфунтъ дробъ, что ми послѣ находили, что они вше страляли, ми очень отъ васъ просимъ, ждѣлайте такой милость, ихъ крѣпко наказать и дажи можетъ быть пашлать въ Шабирь; патаму ми за эта дробъ, что въ жена, и въ минѣ, и въ мой синъ въ середка сидить,—

ми про эта дробъ вже и не говоримъ, тольки сами подумайте, скольки ми находили!

До этому прошенью шваю фамилью Хаймъ Хацкель подписываю.

Еще разъ вашъ покорно прошу эта бумага употреблять въ дѣло и эти ширлатаны крѣпко наказать патаму моя Ривка завсемъ отъ этого знуралась.

Хаймъ Хацкель.

Совѣтъ.

Приходитъ еврей къ доктору.

— Что вамъ угодно?

— Гашподинъ докторъ, я прихадилъ къ вамъ шпрашивать шавѣты.

— Насчетъ чего?

— Жубъ увжасно какъ балитъ, даже разгиваривать нельжя.

— Подождите, я вамъ дамъ полосканье.

— Благодаримъ вамъ.

(Докторъ выноситъ полосканье).

— Полощите ротъ этимъ полосканьемъ.

— Благодаримъ вамъ.

(Полощетъ).

— Полощите еще разъ.

— Благодаримъ вамъ.

(Полощетъ).

— Полощите еще.

— Благодаримъ вамъ.

(Полощетъ).

— Ну, какъ вамъ теперь?

— Что?

— Зубъ.

— Жубъ?

— Да.

— Это, жвините гашпадинъ докторъ, это не у въ минѣ балитъ жубъ, это у въ мой штаршій братъ жубъ балитъ, я только за этого прихадилъ въ вамъ шпрашивать!

Въ театрѣ.

Въ небольшомъ театрѣ сидитъ въ креслахъ еврей; сзади него сидитъ какой-то баринъ; еврей постоянно ворочается и мѣшаетъ смотрѣть.

Баринъ. Будьте такъ добры, сядьте немного лѣвѣй, вы мнѣ мѣшаете.

Еврей *(улыбаясь)*. Съ удовольствіемъ! *(опять ворочается)*.

Баринъ. Сядьте, пожалуйста немного правѣй.

Еврей *(морщится)*. Съ удовольствіемъ!! *(продолжаетъ ворочаться)*.

Баринъ. Прошу васъ сядьте прямо ничего не видно!

Еврей *(вскакиваетъ и кричитъ на всю залу)*. Что ви—капитанъ! Что я—перэходъ! Держи въ лѣво! Держи въ право! Что я—руль!! *(Разсерженный выходитъ изъ креселъ)*.

Выкрестился.

Одинъ молодой еврей выкрестился. Какъ-то разъ идетъ онъ по улицѣ и встрѣчается съ другимъ евреемъ некрещеннымъ.

Крещеный. Здравствуй!

Некрещеный. Здравствуй!?. Ширлатанъ!

Крещеный. За чиго шарлатанъ?

Некрещеный. За чиго? Ти ничего ни дѣлалъ?

Крещеный. Ну, что я такое дѣлалъ?

Некрещеный. Ти не скрестился?

Крещеный. Ну, та что?

Некрещеный. Что?.. Ти знаишь, что твой тата, каторый померъ три года назадъ; — а то, что ти скрестился, типеричка въ гробъ переварачивался!

Крещеный. Пссъ! Что ти сердишься?! Перизъ два нидѣля мой маленькій братъ будитъ креститься, та онъ сибѣ опять на свое мѣсто перивернется.

Невѣрный адресъ.

Пріѣхалъ одинъ господинъ въ провинціальный городъ, остано вился въ гостинницѣ; не успѣлъ онъ переодѣться, является к нему еврей.

Господинъ. Что нужно?

Еврей. Я ждѣсь камишанеръ; можетъ нужно что съ камишьи шпалнять?

Господинъ. Нѣтъ, ничего не нужно.

Еврей. Ждѣлайте милость, дайте что-нибудь зароботать; я вшѣхъ здѣсь въ городъ знаю; все могу ждѣлать!

Господинъ. Ну, хорошо. Подожди, я дамъ тебѣ письмо. *(Захотѣвъ подшутить съ евреемъ, взялъ листъ бумаги, вложилъ въ конвертъ и написалъ вымышленный адресъ: «Госпожѣ Голдблатъ, на Житомірской улицѣ, недалеко отъ большаго краснаго дома, напротивъ аптеки»).*

Господинъ. Вотъ письмо; отнеси по этому адресу: Госпожѣ Голдблатъ на Житомірской улицѣ, недалеко отъ большаго краснаго дома, напротивъ аптеки—знаешь?

Еврей. Знаю. Я вшё знаю!

(Еврей ушелъ. Спустя нѣсколько времени, возвращается съ письмомъ).

Господинъ. Ну, чтожъ—отдалъ?

Еврей. По этого адресъ, такихъ нѣтъ!

Господинъ. Ну, такъ отдай назадъ письмо; какой же ты коммиссіонеръ!..

Еврей. Ну, пажвольте, я еще разъ пайду.

Господинъ. Ну, ступай.

(Еврей ушелъ и черезъ часъ возвращается съ сіяющимъ лицомъ).

Еврей. Отдалъ!

Господинъ *(удивленный)*. Кому?!

Еврей. Я отдалъ, какъ ви написали; тольки ви шдѣлали маленькій ошибка на пишьмо.

Господинъ. Какую ошибку?

Еврей. Ви написали: что это на Житомірскаго улица, такъ это не на Житомірскаго, а на Владимірскаго; потомъ ви написали, что это не далеко бальшаго краснаго дома, такъ это коло *) зеленаго, а онъ прежди

билъ въ дѣйштвительности въ краснаго обкрашенъ; патомъ ви написали, что это напротивъ аптека, такъ это не напротивъ,— а въ самаго аптека, и потомъ у васъ, гашпадинъ, написано, что это пишьмо до мадамъ Голдблатъ, такъ это не мадамъ Голдблатъ, а гашпадинъ Голдштаинъ,—такъ ему я и отдавалъ ваше пишьмо. Насила нахадилъ Пижалуйте за камишья?

(Господинъ прогоняетъ его).

Еврей *(уходя).* Ой! ой! стольки время хлопоталъ, и вше задаромъ! Благодаримъ вамъ!

---

*) Коло—близко.

Въ вагонѣ.

На одной изъ станцій желѣзной дороги садится въ вагонъ 2-го класса еврей; онъ вноситъ съ собою мѣдный тазъ и кувшинъ съ водою. Поѣздъ трогается. Еврей ставитъ тазъ на полъ, наливаетъ въ него воду, снимаетъ сапоги и ставитъ въ тазъ ноги. Въ вагонѣ начинается шумъ. Слышны голоса: «Что это за свинство, мыть ноги въ вагонѣ!.. гдѣ кондукторъ? Позовите кондуктора!»

(Является кондукторъ).

Пассажиръ. Г. кондукторъ, сдѣлайте милость, прикажите этому барину убрать свои ноги; намъ непріятно смотрѣть на эту картину.

Кондукторъ *(обращаясь къ еврею)*. Не угодно ли вамъ вынуть ноги изъ воды надѣть сапоги и вылить воду?

Еврей. Ждѣлайте милость, г. кондукторъ, пажвольте минѣ такъ шидѣть!

Кондукторъ. Нельзя. Въ вагонѣ запрещено мыть ноги. Это вы можете и дома сдѣлать.

Еврей. Гашпадинъ кондукторъ, ей-Богу я ихъ не мою, я ихъ тольки такъ держу!

Кондукторъ. Нельзя, нельзя; извольте вынуть ноги!

Еврей *(поднимается, держа ноги въ тазъ)*. Пажвольте минѣ невозможно!

Кондукторъ. Отчего невозможно?

Еврей. Патаму,—ви тольки не шердитесь, что я вамъ шкажу,—сигодня шабота, шабашъ, такъ ми ни можимъ по законъ ѣхать на вода; такъ когда я ноги въ вода держу, такъ завсемъ похоже, что я на вода ѣду. Ждѣлайте милость, пожвольте минѣ такъ шидѣть!

(Въ вагонѣ раздается хохотъ, и публика упрашиваетъ кондуктора оставить еврея въ такомъ положеніи).

Зубъ.

(Къ одному барину приходитъ подвязанный еврей).

— Что тебѣ такое?

— Охъ!

— Что тебѣ?

— Охъ!!

— Да что тебѣ такое?

— Зубъ минѣ такъ болить, что я даже азговаривать ни магу.

— Что-жъ у тебя въ зубѣ?

— Тамъ такая дирка въ шередина шдѣ-алась что вужасъ!

— Отчего же ты не лечишься?

— Када я вше вжэ дѣлалъ!

— Такъ ты его запломбируй.

— Када я вжэ его плямбировалъ, и ни-его ни памагаетъ!

— Хочешь, чтобъ я тебя вылечилъ?

*

— Ой, дай вамъ Богъ здоровья, тольк
шдѣлайте это.

— Противно взять въ ротъ что-нибудь н
будетъ?

— Я самого чорта въ эту дирку пассажу
тольки чтобъ лучше било.

*(Баринъ начинаетъ отсыпать изъ пороховниц
пороху, чтобы натереть имъ зубъ. Еврей блъд
нѣетъ).*

— Что ви дѣлаете?!

— Ничего; отсыпаю порохъ.

— Что ви хатите зъ нимъ дѣлать?!

— Натереть зубъ.

— Что ви? Богъ зъ вами!..

— Отчего?

— Что ви пагублять человѣка хочите! Па-
жалуста аштавьте!!

— Да чего же ты боишься?

— Ви хотите вѣрно, чтоби этатъ порохъ
эта дирка за ружье принялъ, и чтобы онъ
тамъ штрѣлять началъ, и минѣ даже уха-
дить тогда нильзя. Охъ!!

(Мгновенно скрывается).

Въ цирюльнѣ.

Пятигорскъ. Маленькая цирюльня. Цирюльникъ армянинъ съ громаднымъ носомъ и кинжаломъ за поясомъ. Входитъ какой-то петербургскій франтъ.

— Послушайте, здѣсь парикмахерская?

— Что такой?

— Парикмахерская здѣсь?

— Какой такой, завидэніе парыкмахырской!! Что тыбэ душа мой нада?

— Я бы желалъ побриться.

— Цилурна ти хочишъ душа мой? Здэсъ; захады пажалуста; ми увсо можимъ; брыть, галава стрыгить, увсо можымъ.

— Пожалуста, поставьте стулъ.

— Ну, душа мой, ти ни балшой чилавѣкъ самъ сибэ поставыть можишъ.

(Франтъ нехотя ставитъ стулъ).

— Завѣшайте меня чѣмъ нибудь.

— Завэсить увсигда можна.

(Завъшиваетъ какимъ то грязнымъ полотенцемъ).

— Фи, грязь какая!

— Это, душа мой, тольки сверху грязно; у въ сэрэдына завсэмъ чиста!

(Беретъ щеточку, брильницу и плюетъ въ нее).

— Что вы дѣлаете?

— Что такой?

— Что вы за свинство дѣлаете?!

— Какой швынство; брыть тыбэ буду!

— Не смѣйте вы такой мерзости дѣлать.

— Какой ты сердитый будышь! Мы тыбэ уважэнье дэлаемъ, а другимъ прамо въ морда плуемъ.

— Воды теплой дайте.

— Топлый вода тожи можна. Малчишка давай скорэй топлый вода, гаспадынъ барада очинъ нэжный имэитъ.

(Намыливаетъ лицо; точитъ бритву; приготовляется брить).

— Душа мой! паверни пажаласта нымного морда на лэво.

— Осторожнѣе!

— Ны разгаварывай; смырна сиды; аглыцка остра штука въ рука имэю. Павэрни типэръ морда на права.

— Пожалуйста, осторожнѣй!

— Прошу тыбэ ны разгаварывай; патаму ныхарашо будытъ. Падыми морда на верхъ.

— Осторожнѣе!

— Ну, тыпэръ завсэмъ смырна сиды, патаму горла въ рука я имѣю; зарэзатъ магу; минэ нычиго ны будыть,—у минэ хвартальный знакомый; тыбѣ худа будыть: зарэжу—какъ собака подохнышъ! Сматры!!

(Побрилъ, обмылъ).

— Ну, тыперь зэркало сматры, душа мой! какъ колэно гладко лыцо имэишъ; всякой барышна прыятнастъ можишъ зъ нимъ дѣлать; минэ благадарностъ скажы, десытъ капэйки заплаты, что я тыбэ атъ смэрты спасалъ, зарэзатъ могъ, какъ собака падохъ би мижду тэмъ ны падохъ. Пращай душа мой другой разъ прыхады, когда галава стрыгать надо,—увсо можимъ!

Въ мировомъ судѣ.

По улицѣ гулялъ пьяный армянинъ. Кто-то толкнулъ его и онъ полетѣвши въ грязную канаву, измаралъ себѣ все лицо. Армянина въ городѣ всѣ знали и въ газетѣ появилась басня, въ которой говорилось, что «шли оселъ и левъ по улицѣ. Левъ толкнулъ осла; осель упалъ и измаралъ себѣ рыло. Армянинъ, прочтя басню, обидѣлся, и, взявши газету, явился къ Мировому Судьѣ.

— Господынъ Мировой! имѣю и къ тыбѣ прозба!

— Въ чемъ дѣло?

— Читай пажаласта эта праклята гузеты!

(Мировой читаетъ).

— «Шли по улицѣ оселъ и левъ. Левъ толкнулъ осла; оселъ упалъ и измаралъ себѣ рыло».

— Панымаишъ?

— Нѣтъ.

— Нычиво нэ панымаишъ?

— Ничего.

— Читай пажаласта ище разъ.

— Извольте «Шли оселъ и левъ по улицѣ. Левъ толкнулъ осла; оселъ упалъ и измаралъ себѣ рыло».

— Тыпэрь понимаишъ?!

— Нѣтъ.

— Опятъ нэ панымаишь?!

— Нѣтъ.

— Нэ панымаишъ какой на минэ крытыка здэлана.

Не понимаю.

— Читай ищо разъ.

— Нѣкогда мнѣ читать сто разъ одно и тоже.

— Читай, читай, нэ разгаварывай. Глаза въ рука вазмы; внымательно читай!

(Мировой смѣется и читаетъ).

«Шли оселъ и левъ по улицѣ. Левъ толкнулъ осла; оселъ упалъ и измаралъ себѣ рыло».

— Ну, тыпэрь, кажится, ясно?

— Что ясно?

— Ясно, что тутъ написано!

— Нѣтъ, не ясно!

— Кто, пожаласта, гулалъ по улица?

— Оселъ и левъ.

— Асолъ и лэвъ?

— Да.

— Кто тутъ я такой?

— Не знаю.

— Какъ ны знаишь! Кто по улица гулалъ?

— Оселъ и левъ.

— Ну, я тыбэ спрашиваю, кто я: асолъ или лэвъ?

— Я не знаю, можетъ быть вы левъ.

— Я лэвъ?! Двинадцать лэтъ ужъ увсэ говаратъ, что я асолъ, а ты увдругъ гаварышъ, что я лэвъ! Какой ты мировой! Ты завсэмъ мирыть нэ умэишъ. Самъ лучши найду, съ этотъ пысака хорошенко распоряжусъ! Лучши тыбэ гаразда! Увдругъ я увъ ныво лэвъ здэлалса! харошо судылъ!!!

Вексель.

Одинъ господинъ взялъ у еврея, дающаго на проценты деньги, четыреста рублей сер. Приходитъ срокъ платежа; еврей является къ господину.

Господинъ. Что тебѣ нужно?

Еврей. Что минѣ нужно?! Я свои деньги прихадилъ получать.

Господинъ. Денегъ нѣтъ; приходи черезъ три дня.

Черезъ три дня является снова еврей, но къ несчастію получаетъ только отвѣтъ: «приходи, молъ, черезъ недѣлю».

Ровно черезъ недѣлю приходитъ еврей, съ твердымъ намѣреніемъ не выйти до тѣхъ поръ, покуда не будутъ уплочены деньги.

Еврей. Гаспадинъ, есть деньги?

Господинъ. Есть. Давай вексель!

(Еврей съ радостью вынимаетъ вексель и передаетъ его господину. Тотъ долю не думая разрываетъ вексель на нѣсколько частей).

Еврей. Богъ зъ вами, что ви дѣлаете?!

(Господинъ хладнокровно складываетъ кусочки векселя вмѣстѣ и подноситъ еврею).

Господинъ. Ѣшь!

Еврей. Что такой? Мало то, что ви вексель парвали, такъ чтобъ я ище бумага кушалъ!?

Господинъ (кричитъ). Ну, ѣшь!..

(Еврей испугался и съѣлъ вексель. Его вынали вонъ).

Черезъ нѣсколько дней господинъ досталъ денегъ и зоветъ еврея.

Господинъ. Видишь, я тебя обмануть не хотѣлъ: вотъ твои деньги!

Еврей. Ваше благородье! Ой, какой же ви честный человѣкъ! Типерь на весь Европа нѣту таки люди, чтобъ безъ вексель деньги отдавали. Когда вамъ надо будутъ деньги, тольки минѣ скажите,—я вамъ всигда буду доставать!

Господинъ. Благодарю!

Черезъ мѣсяцъ господину снова понадобились деньги; онъ зоветъ еврея.

Господинъ. Завтра я долженъ имѣть двѣсти рублей. Можешь достать?

Еврей. Можно.

Господинъ. Ну, такъ принеси денегъ и приготовь вексель.

Еврей. На что минѣ вексель? Что, я вамъ безъ вексель ни повѣрю?

Господинъ. Нѣтъ, приготовь вексель.

Еврей. Ну, ну, нехай, я вамъ приготовлю вексель.

На другой день еврей приходитъ и приноситъ деньги. Господинъ сосчиталъ ихъ и велѣлъ подать вексель.

Еврей *(улыбаясь)*. Вексель!?

Господинъ. Да. *(Еврей вынимаетъ изъ кармана бѣлый пряникъ и подаетъ его господину)*. Это что?

Еврей. Ваше благородье, пишите здѣсь.

Господинъ. Отчего?

Еврей. Вжэ когда минѣ приходится другой разъ кушать, нехай я лучше буду пряники кушать, чѣмъ бамага, патаму ана—очинъ нивкусная.

Бублик.

Простой еврей заказывалъ себѣ каждый день бубликъ, платя за него по пяти копѣекъ. Черезъ нѣсколько времени онъ замѣтилъ, что его начинаютъ обманывать; дѣлаютъ бубликъ все меньше и меньше, но цѣну беруть ту-же. Разсердился еврей, идетъ въ булочную.

Еврей. Звыните, гаспадинъ! Сколькі вамъ стоитъ эта тѣста для бубликъ?

Булочникъ. Пять копѣекъ.

Еврей. Пьять? А сколькі стоитъ эта дирка, что въ середина бубликъ?

Булочникъ. Дырка ничего не стоитъ.

Еврей. Кагда вамъ эта дирка ничего не стоитъ, такъ дѣлайте ее, пижалуста, нимножко больше!

Плавай.

Какой-то офицеръ разсердился однажды на еврея-разносчика.

Офицеръ *(указываетъ на полъ кричитъ)*. Плавай!

Еврей. Какъ-же я здѣсь буду плавать?

Офицеръ *(кричитъ)*. Плавай!

(Еврей ложится на полъ и начинаетъ представлять плаванье. Минутъ черезъ пять, офицеръ приказываетъ ему подняться и убираться вонъ. Еврей отходитъ къ двери, останавливается и смѣется).

Офицеръ. Что ты смѣешься?

Еврей. Такъ смѣемся!

Офицеръ. Что-же ты смѣешься?

Еврей. Ну, что, ми смѣяться не смѣемъ? Смѣемся!

Офицеръ. Да что-же тебя смѣшитъ?

Еврей. Ми зъ вамъ смѣемся!

Офицеръ. Надо мною?

Еврей. Зъ васъ!

Офицеръ. Отчего?

Еврей. Я смѣюсь патаму—я думаю, что бы было, когда я на полъ плавалъ, ежели бы ви тагда сказали. Ицко, нырай въ середка!—Чтобъ я тагда сдѣлалъ?

Мыши.

Одинъ еврей привезъ своего маленькаго сына въ гимназію. Поступивъ туда, сынъ еврея разсказываетъ гимназистамъ-товарищамъ слѣдующее:

Еврей. Боже мой! Какъ ми ѣхали, такъ намъ такъ штрашно било ѣхать, что просто вужасъ!

Гимназистъ. Отчего-же страшно?

Еврей. Патаму, что на насъ скакали двванадцать волки!

Гимназистъ. Какіе-же это волки?

Еврей. Такіе, что зъ норки скакаютъ, на заднія лапка садятся и дѣлаютъ: пссъ! пссъ!

Гимназистъ. Такъ вѣдь это не волки, это мыши.

Еврей *(обидчиво)*. Миши?!.. Ну, а что, а дванадцать миши на два жида не штрашно!?

* *
*

Въ одномъ училищѣ при экзаменѣ спросили еврейскаго мальчика, сколько будетъ дважды-два.

Мальчикъ *(не задумываясь)*. Восемь!

Учитель. Зачѣмъ вы наобумъ говорите? Подумайте прежде, о чемъ васъ спрашиваютъ, а потомъ отвѣчайте.

Мальчикъ. Ну, нехай будетъ семь.

Учитель. Опять чепуха. Что вы все наобумъ говорите?

Мальчикъ. Ну, нехай пьять.

Учитель. Неправда.

Мальчикъ. Ну, нехай четыре.

Учитель. Такъ отчего-же вы мнѣ этого сразу не сказали?

Мальчикъ. Кабы я вамъ сразу сказалъ, да ви-бы со мною начали торговаться, та ничего-бы напослѣдки не осталось, а такъ хоть четыре осталось, — что-же ви сердитесь?!

Храброе войско.

Въ военное время въ одномъ городѣ евреи составили свой батальонъ солдатъ. Поздно вечеромъ, выбранные изъ нихъ отправились къ полковому командиру объявить, что составилось новое войско.—Приходятъ. Ихъ позвали къ командиру.

Командиръ *(спрашиваетъ)*. Что вамъ угодно?

Евреи. Ваше превасхадительство! Ми вамъ пришли сказать секретъ?

Командиръ. Какой?

Евреи. Какъ ми слыхали, что типерь очень крѣпко штраляютъ, та ми сдѣлали свои солдаты. И ви ни сматрите, что ми на костюмъ жиды, а ми въ середка завсемъ русскіе. Ми отбирали самые храбрые евреи, которые умѣютъ адлично штралять, тольки ни очень много порохъ въ ружье класть и со штикомъ умѣютъ пырять *) и вше будутъ дѣ-

*) Колоть.

лать, что ви скажите, патаму ми самые храбрые евреи атбирали.

Командиръ. Благодарю васъ.

Евреи. И вездѣ куда нада хадить, они пайдутъ, патому они не боятся, такъ какъ ми что есть самые храбры атбирали и вше будутъ дѣлать, что ви тольки прикажите, патаму самые храбрые солдаты!

Командиръ. Благодарю васъ!

Евреи. Только имѣемъ сказать вамъ сикретъ на пару словъ.

Командиръ. Какой?

Евреи. Можэ ви намъ дадите адинъ жандармъ, патаму ежели часомъ пьяный какой встрѣтится, чтобъ, не дай Богъ, шкоды *) какой батальону онъ не сдѣлалъ.

*) Шкоды—бѣды.

Оплеуха.

Одного еврея ударили. Онъ подходитъ къ тому, кто ударилъ его.

Еврей *(спрашиваетъ)*. Жвыните, гаспадинъ, ви шутя или серьезно вдарили меня?

Господинъ. Нѣтъ, не шутя, а очень серьезно.

Еврей. Ну, харашо, что серьезно, а то бы это были очень плахія шутки.

(Пришелъ еврей домой. Сидитъ тамъ его товарищъ Мойше).

Еврей. Мойше слыхалъ.

Мойше. Что?

Еврей. Минѣ сегодня хатѣли дать по морда.

Мойше. Какъ ты знаешь, что тибѣ хатѣли дать?

Еврей. Патому что минѣ вжэ дали.

Мойше. Такъ что-же ты говоришь, что тибѣ хатѣли только дать?

Еврей. А, булванъ! звѣстно, если бы не хатѣли, такъ ни дали бы.

Утка.

Подали къ обѣду у одного еврея жареную утку. Маленькій сынъ еврея пришелъ, оторвалъ у ней одну ногу и съѣлъ. Приходитъ отецъ и начинаетъ осматривать ее.

Сынъ. Папынька, что ви смотрите?

Отецъ. Смотрю, что въ этой вутка только одна нога.

Сынъ. Они били такой и живой, папынька.

Отецъ. Что ти мине врошъ! Развѣ этого можетъ бить, чтоби вутка живой била съ одной ногой.

Сынъ. Ей Богу, папынька, они били такой.

(Отецъ пересталъ спорить. Пообѣдали. Послѣ обѣда пошли гулять. У ставка сидитъ утка, поднявши одну ногу. Сынъ толкаетъ отца).

Сынъ. Папынька, пашматрите. Я вамъ шказалъ, что вутка биваетъ зъ одной ногой.

Пашматрите, вонъ она сидитъ. А ви за мной шпорили.

(Отецъ, ничего не отвѣчая, взялъ палку и бросилъ въ нее. Утка опустила ногу и побѣжала).

Отецъ. Ну, что, ты минѣ, сволочь, врошъ, что она зъ одной ногой, када она съ двумя?

Сынъ. А за что, папынька, ви ту вутку что на столъ била, съ палкой не вдарили, можетъ бить въ нихъ тоже би двѣ ноги здѣлались.

Контрабанда.

Во время запорожья нѣсколькимъ евреямъ надо было провезти контрабанду изъ одного мѣста въ другое. Долго они разсуждали о томъ, какъ бы это сдѣлать, чтобы никто ихъ не могъ замѣтить и, наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, самый умный изъ собирающихся въ походъ евреевъ рѣшилъ такъ.

Умный еврей. Купимъ себѣ семьдесять аршиновъ чернаго сукно, шдѣлаемъ такіе капоты какъ въ священники и будимъ хадить.

(Сказано — сдѣлано. Сшили рясы, пошли).

Умный еврей *(говоритъ другимъ).* Когда вамъ будутъ шпрашивать, кто ми, та ви атвичаите такъ: ти гавари, что ти *халаманд-ритъ* [1]), а ти, ти что *гуменъ* [2]), а ти, что *паминарь* [3]).

---

[1]) Архимандритъ.
[2]) Игуменъ.
[3]) Понамарь.

(На дорогѣ ихъ останавливаютъ казаки).

Казаки. Ты кто? *(обращаются они къ первому еврею).*

1-й еврей *(отвѣчаетъ).* Халамандритъ.

Казаки. Какой халамандритъ?

1-й еврей *(говоритъ испуганно).* Такой что... этого... ей Богу халамандритъ.

Казаки *(замѣчаютъ обманъ).* Ахъ, ты мошенникъ! Дать ему двадцать пять плетей!

(Подходитъ къ другому еврею).

Казаки. Ты кто?

2-й Еврей *(испуганно).* Гуминь!

Казаки. Кто!?

2-й еврей. Гуминь!!

Казаки. Какой гуминь?

2-й еврей. Вотъ чтобъ я съ мѣста не схадилъ—гуминь!

Казаки. Дать ему, мошеннику, тридцать пять плетей.

(Подходитъ къ третьему).

— А ты кто?

3-й еврей *(едва слышно).* Помынаръ.

Казаки. Кто?

3-й еврей. Па... па... памынаръ!!

Казаки. Какой памынарь?

3-й еврей. Вотъ чтобъ я здохъ—памынаръ!

Казаки. Дать ему, мошеннику, сорокъ пять плетей!

(Такъ обошли они всю кампанію, увеличивая каждому по десяти ударовъ. Наконецъ подходятъ къ послѣднему).

— Кто ты?

4-й еврей *(принявъ важный видъ)*. Ну что ви еще шпрашивайте? Бейте вжэ сколько влѣзитъ! Патаму чинъ никакой ни поможетъ, такъ за чего этого дѣлать!

Недовольный еврей.

Одинъ еврей обидѣлъ другаго, изругалъ и избилъ его. Тотъ купилъ листъ гербовой бумаги, написалъ прощеніе и, по совѣту одного своего друга, понесъ прошеніе къ губернатору. Цѣлый день ходилъ еврей, наконецъ къ вечеру пришелъ измученный и еще больше оскорбленный

1-й еврей. Ну что, билъ ты въ губернаторъ? *(спрашиваетъ его другъ).*

2-й еврей. Билъ.

1-й еврей. Ну, что?

2-й еврей. Атъ!

1-й еврей. Что такой?

2-й еврей. Я хадилъ къ гибернаторъ, та гибернаторъ, мине пашилалъ до палачмейстеръ; я хадилъ до палачмейстеръ, та палачмейстеръ мине пашилалъ до частной приставъ; я хадилъ до частной приставъ, та частной приставъ мине пашилалъ до квар-

тальный; я хадилъ до квартальный, та квартальный мине пашилалъ до будочникъ...

1-й еврей. Ну, а будочникъ?

2-й еврей. А будочникъ давалъ мине два раза на морда и пашилалъ и къ чорту. Что такой? Я хадилъ за морда жаловаться, и за этого ище два раза получалъ!.. Харошъ парадокъ!

Т е щ а.

Пріѣзжаетъ одинъ помѣщикъ изъ деревни въ городъ. Зоветъ къ себѣ старика еврея, державшаго у него, въ прежнее время, кабакъ.

— Здравствуй Хаимъ.

— А, ждравствуйте! Какъ я радый, что ви вжэ пріѣхали къ намъ. Долго будете ждѣсь аштавляться?

— Нѣтъ, завтра ѣду.

— Ой! Зачего такъ шкоро?

— Дѣла есть; надо ѣхать.

— Надо ѣхать? Ну, что въ домѣ хорошее дѣлается: шупруга, дѣточки, вшѣ, шлава богу ждоровы?

— Онѣ-то всѣ здоровы; но у меня большое несчастье случилось!

— Несчастью?! Ой, шахрани Богъ! Что такой случалось?

— Ты, вѣдь, помнишь мою тещу?

— Чи я помню тещу? Развѣ ихъ можно когда нибудь забивать? Этакого вещь на всю жизни въ память оставляется!

— А колодезь подлѣ дома, помнишь?

— Это, съ такой большой диркой,— помню.

— Представь себѣ, что моя теща, шла мимо колодца...

— Ну?

— Нечаянно спотыкнулась и упала въ середину.

— Въ шередину, въ дирку?

— Да.

— Ой, ой, ой! И что же ихъ витаскивали оттудова живой?

— Нѣтъ; когда ее вынули, она была уже мертва.

— Завшемъ мертвая?! Охъ!... И этого ви називаете несчастью?

— А то какъ-же?

— Что теща потопилась, это несчастью?

— Понятно!

— Ой, бойтесь Богу! Ежели би этого тещу проходила би мимо колодецъ спокойно и не потопялась би, что дальше жить оста-

валась, это дѣйштвительно билó би несчастью; а ежели она вжэ, шлава Богу, немножко потопилась, такъ ви за этого скажите спасибо, что для васъ вше такъ благополучно кончалось!

Прошеніе фельдшера.

(Еврей фельдшеръ подаетъ городовому врачу слѣдующее прошеніе).

Его Вишокоблагородію
Гашподину городской докторъ, отъ
фельдшера Арона Давидовича

ПРОШЕНІЕ.

Честь имѣю объявить Вашему Вишокоблагородію, что недавно увдалось находить по счастливаго случаю одного мертваго трупа, повидимаго, очень благороднаго человѣку. Такъ какъ по того же счастливаго случаю, я находился въ близкаго отъ этого трупа разстоянію, такъ минѣ давали знать чтоби я скорѣй прихадилъ, даби оказать этому трупу преждевременнаго медицинскаго пособію, котораго я оказалъ въ слѣдующемъ:

1. Честь имѣю увѣдомить Ваше Вишокоблагородіе, что по моего глубокого медицинскаго изслѣдованіе, минѣ кажется, что трупъ этотъ лежали вжэ три или четыре дня, а потому фамиліи его, ни смотря на вше мое штараніе, я узнавать не могъ.

2. Честь имѣю увѣдомить Ваше Вишокоблагородіе; что по моего глубокого медицинскаго изслѣдованіе, минѣ кажется, что этого трупъ былъ увбитъ съ злоумышленниками, потому ежели би онъ самъ сибѣ отрѣшалъ отъ жизни, такъ ни лижалъ би въ такого пашкуднаго канава, какъ его находили, а лижалъ би въ своего собственнаго кабинетѣ съ шмертоубительнымъ пиштолетомъ въ рукахъ.

3. Кромѣ того, честь имѣю доносить Вашему Вишокоблагородію, что по моего умственаго заключеніе, минѣ кажется, что ежели би этого трупъ самъ сибѣ отрѣшалъ отъ жизни, такъ находилъ би сибѣ съ-разу такого мѣста въ голова, въ которое насмерть би попадалъ, а не тикалъ сибѣ зъ ножикомъ въ разнаго неподходящаго мѣста.

4. Честь имѣю увѣдомить Ваше Вишокоблагородіе, что трупъ этотъ, имѣлъ на сибѣ

такого штрашнаго лице, что минѣ, привычнаго медицинскаго человѣкъ, на него съ-боку било страшно сматрѣть.

5. Честь имѣю увѣдомить Ваше Вишокоблагородіе, что трупъ этого имѣлъ на сибѣ слѣдующаго рана: перваго рана онъ имѣлъ на середина шея, такой величины какъ одинъ шеребряный рубъ. Втораго рана онъ имѣлъ на горло, коло лѣвое ухо, такой величины, какъ двадцать копѣекъ серебромъ; третяго рана онъ имѣлъ коло затилка такой величины, какъ пятнадцать копѣекъ серебромъ и четвертаго рана, по моего медицинскаго изслѣдованіе, самаго опаснаго, онъ имѣлъ коло лѣваго дихательнаго сердца такой величины, какъ пятьдесятъ копѣекъ серебромъ, а всего вмѣстѣ трупъ этотъ имѣлъ на сибѣ ранъ на одинъ рубъ и восемьдесятъ-пять копѣекъ серебромъ.

Такъ какъ такого значительнаго сумма слишкомъ большая для одного мертваго трупъ, то, по моего мнѣнію, шмертоубійца отъ этого трупъ достоинъ ссылки увъ Шибирнаго катаржнаго заключенію.

На почтовой станціи.

(Во время послѣдней войны).

Сидитъ косая еврейка; вяжетъ на спицахъ чулокъ; десяти-лѣтній сынъ, грязный мальченка, сидитъ подлѣ; старикъ еврей, хозяинъ читаетъ; сынъ старшій ходитъ по комнатѣ. Входитъ проѣзжій.

Проѣзжій. Поскорѣй запрягайте лошадей!

Еврей. Вже теперь шкоро нильжа!

Проѣзжій. Отчего?

Еврей. Патаму, военнаго время!

Проѣзжій. Ну, такъ что?

Еврей. Ви, вѣдь, ни афичеръ?

Проѣзжій. Нѣтъ.

Еврей. Ну, такъ лошадей шкоро ни будитъ.

Проѣзжій. Отчего-жс?

Еврей. Ми такого приказанью имѣемъ, что когда шалдаты черезъ Дунай переходъ дѣлаютъ, вшигда готовы лошади имѣть.

Проѣзжій. Что за чепуха! Отъ кого вы такое приказанье имѣете?

Еврей. Это ми шекретнаго кондифичіальнаго бамага имѣемъ.

Проѣзжій. Да вретс вы? Такой бумаги у васъ быть не можетъ!

Еврей. Ни можитъ?! Адинъ вже пашажиръ тожи говорилъ, что ни можитъ, такъ какъ я ему, зъ мой абражованный штаршій шинъ началъ тольки жалоба къ военнаго начальства писать, такъ онъ вже шпугался.

Проѣзжій. Отчего же онъ испугался?

Еврей. Оттого онъ видалъ, што мой шинъ крѣпко ображованный.

Проѣзжій. А сынъ вашъ хорошо образованъ?

Еврей. Крѣпко ображованъ!

Проѣзжій. Отчего же онъ все молчитъ?

Еврей. За то, что онъ крѣпко умный,—онъ молчитъ.

Проѣзжій. Такъ развѣ умные люди не могутъ говорить?

Еврей. Такіе, какъ онъ—не могутъ.

Проѣзжій. Почему?

Еврей. Патаму, онъ штольки умъ въ голова имѣетъ, что черезъ такого маленькаго

дирочка, какъ ротъ, этотъ умъ виходить ни можитъ.

Еврейка. Да, у минѣ вшѣ дѣти ображованы; они даже про война вше знаютъ.

Маленькій сынъ. Маму, я хачу шидѣть на тарпедъ?

Еврейка. Што?! Я тибѣ на морда дамъ тарпедъ, ширлатанъ! Что би ви вжэ падохли зъ вашимъ ображованностью! Ей-Богу, ежели би ни этого штанцію, такъ я би думала, что увъ Дунай сидю. Охъ, ежели ли ви знали, школьки я штрадаю: увъ минѣ билъ дите, красиваго, добраго умнаго, шпособнаго, деликатнаго...

Проѣзжій. Что же онъ заболѣлъ?

Еврейка. Вше наживается, заболѣлъ. Хуже!

Проѣзжій. Что же, онъ умеръ?

Еврейка. Еще хуже, чѣмъ померъ!

Проѣзжій. Такъ что-жъ, наконецъ?

Еврейка. Онъ въ минѣ мертвый родился!

Нѣжная мать.

Во время войны, въ одномъ маленькомъ городѣ, приходитъ еврейка вся въ слезахъ къ генералу.

Генералъ. Здравствуй, Ривка, что съ тобой?

Еврейка. Ой, ваше привашхадительству, ой, вей миръ! что за мной случилось! Я вжэ отъ горя завсемъ падохла!!

Генералъ. Да, что съ тобой? Успокойся, разскажи.

Еврейка. Увспокойся?! Ой, я типэръ дажи пошлѣ моего шмерть ни магу увспокоиться!

Генералъ. Да, что-жъ, наконецъ случилось?

Еврейка. Случилось?! Ой, ой! Мой шинъ, мой золотое дите долженъ идти въ шалдаты; его берутъ. Говорютъ, что безъ него невозможно даже обходиться!

Генералъ. Ну, что-жъ, отлично; пусть идетъ. Теперь разницы нѣтъ: всѣ идутъ.

Еврейка. Вшѣ? Развѣ мой дите такой какъ вшѣ?

Генералъ. А какой же онъ?

Еврейка. Онъ завшемъ больной; шлабый завшемъ.

Генералъ. Если больной—не возьмутъ; а что немного слабъ, такъ попривыкнетъ.

Еврейка. Привыкнетъ? Онъ ни можить привыкнуть. Онъ даже полной грудь не имѣетъ; онъ тольки кусочекъ грудь имѣетъ! Онъ даже, когда вѣтеръ, такъ ходить не можетъ; а ежели, чàсомъ дождь, такъ онъ завшемъ мокрый дѣлается!.. И на что ему хадить, бѣдному, на война, я ни знаю?

Генералъ. Для того, чтобы побѣдить непріятеля.

Еврейка. Побѣдить?! Что онъ, бѣднаго дите, можетъ побѣдить, или увбить. Самого большаго, что онъ можетъ увбить это, можитъ бить два турка!

Генералъ. Что-жъ и это хорошо.

Еврейка. Хорошо? Ну, такъ знаете, ваше привашхадительство, что я вамъ буду просить? Нехай ему лучше турки сюда присы-

лаютъ, онъ вамъ восемь турки съ увдовольствіемъ убьетъ, тольки нехай его на шамаго война не пошилаютъ, нехай онъ лучше дома шидить.

Врунъ.

Сидѣли однажды въ корчмѣ нѣсколько мужиковъ, евреевъ и оставной солдатъ. Покуривая трубочку, солдатъ разглагольствовалъ слушающей публикѣ, въ какія земли онъ походомъ ходилъ и чего только не насмотрѣлся. Публика со вниманіемъ слушала, а солдатъ, увлекаясь разсказами и еще больше, собственною фантазіей, совсѣмъ заврался.

— Это что, братцы, – между прочимъ говорилъ солдатъ, —вы, теперича, что здѣсь за жратво ѣдите. Одна это мразь. Нѣчто это, теперича, капуста? И названья ей нѣту. Мы это въ пятьдесятъ третьемъ, какъ походъ противъ Туречины вели, такъ подъ Севастополемъ въ непріятеля изъ-за капусты стрѣляли; вотъ это такъ! Тамъ какая капуста

страсть! Тамъ ежели подъ однимъ листомъ у ёя сичасъ пятьдесятъ человѣкъ въ амуниціи при патронахъ сидѣло; отъ жару, значитъ береглись!

— А я разъ видалъ,—перебилъ его еврей,—штрахъ какого большой котелъ. Увжяли штарого домъ, знимали зъ него крыша и съ желѣзо его обивали и ждѣлали зъ-дому котелъ.

— Чего врать-то, жидъ!—засмѣялся солдатъ.—Нѣчто бываютъ такіе котлы и что въ нихъ варить будутъ?

— Хиба я жнаю,—отвѣчалъ еврей.—Это вѣрно ждѣлали, чтоби варить твоего капуста, патаму она въ другого катлу не влѣзеть!

Загадка.

На Днѣпровскомъ пароходѣ, между прочими пассажирами, ѣхали нѣсколько молодыхъ людей и простой еврей. Отъ скуки они хотѣли сыграть съ евреемъ штуку. Подходятъ къ еврею.

— Слушай, Мойше, хочешь заработать рубль?

— Жвѣстно хочу!

— Ну, такъ мы тебѣ дадимъ загадку. Если ты отгадаешь, мы тебѣ дадимъ рубль; если не отгадаешь, то будешь сидѣть часъ передъ пароходной печкой.

— Цѣлаго часъ?

— Цѣлый часъ.

— Пссъ! Ну, давайте загадка.

— Что такое утромъ ходитъ на четырехъ

ногахъ, въ полдень ходитъ на двухъ, а вечеромъ на трехъ? *)

Еврей началъ раздумывать.

— На четырехъ—можитъ хадить иногда свинья; на двухъ—можить хадить утка; а вжэ на трехъ...—такъ, нихай, самъ гибирнаторъ приходитъ, такъ то же никто ни можить хадить.

— Нѣтъ, ошибаешься, можетъ.

— Ей-Богу ни можить!

— А мы тебѣ говоримъ, что можетъ.

— Чтобъ я ждохъ, не можить. Ну, вжэ ежели можить, такъ шкажите, пожалуста, что можить?

— Садись передъ печью.

— Нѣтъ, пожалуйста, ви минѣ типэрь прастите; ждѣлайте милость прастите.—Скажите, что можить такъ хадить?

Молодежь сжалилась надъ нимъ и объяснила, въ чемъ состоитъ загадка.

— А, теперичка, я вжэ понялъ! Это же завсёмъ легко! Ну, слухайте, теперичка я вамъ задамъ загадка. Ежели ви сгадаете, то вжэ справду буду шидѣть коло печка, а

*) Старинная загадка о человѣкѣ.

ежели нѣтъ, такъ ви мнѣ за этаго одинъ рубъ будете платить. Шогласны?

— Ну, говори, согласны.

— Въ Днѣпру плаваетъ риба. Когда она плаваетъ, такъ она одна; когда ви её хочете взять зъ вода, такъ ее вже дѣлается двѣ; а когда ви ее зъ вода вынимали, такъ ихъ дѣлается вжэ три! Отъ!! Теперичка ви пажалуйста сгадайте, что то за риба?

— Не знаемъ.

— За чиго ви не знаете? Вѣдь это загадка, ви должны знать.

— Да, незнаемъ! Скажи.

— Шказать?! Дайте деньги впередъ.

Дали ему рубль. Спряталъ онъ его.

— Нѣтъ, ви справду шкажите, ви не знаете?

— Фу, надоѣлъ! Говоримъ, что не знаемъ.

— Ну, жвините, господа, я тожи ни знаю что то за рыба.

Совѣтъ.

Въ небольшомъ городѣ стоялъ полкъ. Простой еврей былъ факторомъ и комиссіонеромъ при полкѣ. Приходитъ онъ какъ-то къ полковому командиру.

Еврей. Ждравствуйте, Ваше вишкобла-городнаго благородію!

Командиръ. Здравствуй, Давыдка.

Еврей. Чи это правда, ваше вишкобла-городнаго благородію, что нашъ полкъ будитъ увъ другой городъ вихадить въ шкораго времени?

Командиръ. Правда, Давыдка.

Еврей. Ой, ой, ой! Тольки что встроились, и опять увъ другого мѣсту хади. Школьки опять расходу будитъ!

Командиръ. Что, братъ, дѣлать, служба.

Еврей. Шлужба! И зачѣмъ это тольки постоянно полки съ шолдатами переводятъ.

Командиръ. Такъ нужно.

Еврей. Знаете, ваше вишокоблагородное благородіе, я вамъ могу хорошаго совѣтъ давать; ежели ви этаго совѣтъ начальству предлагать будете, то и ви заработайте, и я, можеть бить, заработаю.

Командиръ. Говори, какой совѣтъ?

Еврей. Для чего, звините, переводить цѣлый полкъ. Напримѣръ, шегодня желтого уланы штоять въ Кіевъ, а шиняго гусары штоятъ въ Житоміръ; на другаго годъ желтаго уланы штоять въ Житоміръ, а шиняго гусары штоять въ Кіевъ. И зачиго это переводятъ вшѣ шалдаты изъ одинъ городъ въ другой. Лучше въ Житоміръ снимать съ шалдаты шиняго штаны и мундиры. Шиняго штаны возить въ Кіеву, а желтаго въ Житоміръ и тамъ ихъ одѣвать на тѣ шалдаты, что тамъ шидять. Меньше расходу будеть. Патаму, развѣ ни вшё равно на какихъ шалдатахъ, чи желтые, чи шиніе штаны надѣты будутъ? Ей Богу, подумайте, объ этого ваше вишокоблогороднаго благородію.

Письмо еврейки.

Къ начальницѣ гимназіи.

(*Копія съ подлинника*).

Миластивыю Государыня
Гаспажа Начальница
Марьенскаго Гимназію.

Покорно прошу вашее Мылость, какъ у васъ учатся моя Дочъ Теша Фишманъ въ приготовительного класса ее поведенье домашне весьма очень худу, т. е. не послушная и дерская Что нельзя евже отъ нея перенесть и потому покорно прошу ее наградить легкое наказаніе; она весьма никого не уважаетъ не старому, не молодому, скольки мы ее усовистіемъ дома ничего не помогаетъ, а потому Я принуждено было Васъ попроситъ и без Покоить объ счетѣ этого Чтобъ се утешить.

Съ почтеніе Роза Фишманъ.

Адесъ
1 Марта 1872 года.

Приручили!

Сидитъ господинъ, напротивъ стоитъ еврей.

Господинъ. Что, у васъ начальство хорошее?

Еврей. Хорошаго!

Господинъ. Губернаторъ хорошій?

Еврей. Гибирнаторъ, шлава Богу, хорошій!

Господинъ. А полиціймейстеръ?

Еврей. Палачмейстеръ, какъ пріѣхалъ, какъ звѣрь шердитый билъ!

Господинъ. А теперь?

Еврей. Типерь? Типерь вжэ изъ рукъ кушаетъ!

Въ судѣ.

Приводятъ еврея преступника въ Окружный Судъ. Передъ засѣданіемъ онъ подходитъ къ предсѣдателю.

Еврей. Жвыните, гашпадинъ предсѣдатель, я имѣю къ вамъ маленького просьба.

Предсѣдатель. Что вамъ нужно?

Еврей. Я вамъ хочу просить гашпадинъ предсѣдатель моего дѣло откладывать на семь дней.

Предсѣдатель. Это почему?

Еврей. Патаму мой защитники, гашпадинъ адвокатъ, бальной типэрь и меньше какъ черезъ семь дней не можитъ бить здоровый, чтоби миня защищать.

Предсѣдатель. Да, на чтожъ онъ вамъ? Вѣдь вы съ ворованными бриліантами въ рукахъ попались?

Еврей. Увъ рукахъ!

Предсѣдатель. На мѣстѣ преступленья?

Еврей. Увъ мѣшто прештупленье!

Предсѣдатель. Что же онъ можетъ сказать, послѣ этого, въ вашу защиту?

Еврей. Я оттого, гашпадинъ предсѣдатель, и хачу васъ просить моего дѣло на семь дней отложить, потому; минѣ самому уже интересно увзнавать, что онъ послѣ этого можитъ сказать въ моего защита.

У мирового судьи.

(Съ натуры).

Мировой судья обращается между прочими вопросами къ еврейкѣ.

Судья. Вы чѣмъ занимаетесь?
Еврейка. Я съ мужемъ занимаюсь.
Судья. Чѣмъ?
Еврейка. Зъ разными вещами.
Судья. Какого вы вѣроисповѣданія?
Еврейка. Мой мужъ извожчикъ!

(Об щее удивленіе).

Хорошее дѣло.

Одинъ баринъ спрашиваетъ еврея:

— Мошка, ты въ Парижѣ былъ?

Еврей. Въ Парижъ? Нѣтъ, жвыните не былъ.

Баринъ. Ну, значитъ, ты дуракъ. А въ Лондонѣ былъ?

Еврей. Въ Лондонъ? Нѣтъ, тожи не былъ

Баринъ. Дуракъ! А въ Вѣнѣ былъ?

Еврей. Въ Вѣнѣ тожи не былъ.

Баринъ. Дуракъ! А въ Петербургѣ былъ?

Еврей. Въ Петербургъ?! Петербургъ шлихалъ, тольки тамъ не былъ!

Баринъ. Дуракъ!!

Еврей. А ви, гашпадинъ, жвыните, ви въ Балта были?

Баринъ. Нѣтъ, не былъ.

Еврей. Хорошаго дѣло! А въ Броды были?

Баринъ. Не былъ.

Еврей. А въ Шкловъ были?

Баринъ. И тамъ не былъ.

Еврей. И тамъ не были!? Ну, жвыните, гашпадинъ, а что-жъ тепсричка будетъ, что вже я долженъ шказать?!

Кто лучше?

Въ прежнее время, въ двухъ сосѣднихъ имѣньяхъ жили двое становыхъ. Въ этихъ же имѣньяхъ держали кабаки, въ одномъ — старый еврей Шлемка, въ другомъ—молодой еврей Ицекъ. Какъ одинъ становой, такъ и другой, насколько могли, прижимали кабатчиковъ и тащили, что было силъ, съ несчастныхъ Шлемки и Ицека. Въ одинъ прекрасный день, оба становые, за свои продѣлки, были удалены отъ службы, и Шлемка съ Ицекомъ вздохнули свободно.

Однажды встрѣтились другъ съ другомъ отставленные становые и, сѣтуя на судьбу свою, заспорили они, кто изъ нихъ былъ лучше. Споръ усиливался. Въ это время замѣтили они, идущаго неподалеку, старика Шлемку и подозвали его.

— Слушай, Шлемка, сказалъ становой, вотъ мы споримъ, кто изъ насъ былъ лучше по службѣ. Ты у меня держалъ кабакъ, ты можешь рѣшить: кто изъ насъ, по твоему, лучше: я или мой товарищъ?

— Это я вамъ съ фактами разкизать могу, отвѣчалъ, подумавши, Шлемка.

— Ну, говори.

— Стояли разъ сибѣ штарого негодящого сани, и стояла штарого негодящаго бричка. Шпорили они увжасно промежду собой, кто изъ нихъ лучше. Сани говорили—ми лучше, бричка говорила—я лучше. Шпорили, шпорили, ничего не могли зрѣшить. Увдругъ, увъ этого шамого время, какъ они промежду собой шпорили, идетъ одного, завшемъ стараго коняка. Бричка и сани увидали коняку и кричать: коняка, коняка, шкорѣи иди пижалуста къ намъ. Коняка прихадила. Вотъ ми ждѣсь шпоримъ, -- сказала бричка,— кто изъ насъ лучше: я говорю, что я лучше, а сани говорютъ, что они лучше. Ти возила и миня и сани, ти лучше всѣхъ можешь разгиварывать кто лучше: чи я бричка, чи они сани? Коняка поштояла, помахала изъ

головой, повертѣла изъ хвостомъ,—и шказала:

— Какъ ти для меня пашкудство, такъ и ти для меня пашкудство!! И увходила отъ нихъ.

Фокусъ.

Въ одномъ городѣ, какой-то еврей ходилъ смотрѣть пріѣхавшаго фокусника. Послѣ представленія спрашиваютъ его:

— Ну, что Фавель, видѣлъ фокусника?

— Шмотрѣлъ!

— Понравилось тебѣ представленіе?

— Такъ шибѣ.

— Такъ себѣ? Да, вѣдь онъ хорошо дѣлаетъ фокусы?

— Онъ въ дѣйштвительность недурного марафеты *) показываетъ; только тутъ нѣту ничего особеннаго не показывалъ.

— Что же ты хочешь въ фокусахъ особеннаго?

— Онъ, напримѣръ, вжялъ въ одного рука

*) Марафетъ – фокусъ.

шеребрянаго рублю и въ другого рука рублю шказалъ: «живо неба всѣ аллѐ пасѐ маршъ», и эти деньги въ него пропадали; положимъ, онъ ихъ хорошо шанжировалъ, тольки въ насъ въ Коммерческого Банку кассиръ еще лучше марафетъ показивалъ.

— А что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ изъ Банку двѣсти тисячъ рублей, такого большого деньги, въ шваего маленького карманъ положилъ, а шамъ въ желѣзнаго дорога шадился и тоже шказалъ: аллѐ пасѐ маршъ — и пропалъ. Хорошого дѣло! И деньги съ Банку шанжировалъ и самъ пропадалъ; вотъ это вже марафетъ! А увъ насъ въ Бердичевъ, одинъ равинъ такого марафетъ показивалъ, что вже больше никто такого ни могъ шдѣлать!

— Что же за фокусъ онъ показалъ?

— Что онъ показалъ?! Онъ вжялъ въ комната столъ и поштавилъ на шередина комната; потомъ онъ вжялъ одинъ штулъ и поштавилъ коло столъ. Потомъ онъ пошелъ къ шкапу и вжялъ оттудова большого бутилка съ красной водка и поставилъ этаго бутилка на столъ, а самъ садился коло стола на стулъ. Можетъ ви думаете, что онъ

имѣлъ какого нибудь аппарату, какъ того фокусникъ имѣлъ? Сохрани Богъ! Ви только хорошо замѣчайте, что потомъ било. Бутилка штояла на столъ завшемъ *красная*, равинъ шидѣлъ на штулъ завшемъ *бьлый*. Не прошло,—чтоби ви думали,—больше какъ полъ-часа времени, какъ бутилка на штолъ штояла завшемъ *бьлая*, а равинъ лежалъ подъ штулъ завшемъ *красный!* О! Ну, чи ви видали такого марафетъ?!

Наслѣдство.

Однажды трое евреевъ начали разсуждать кто можетъ выдумать такое, чтобы быть богаче всѣхъ и сколько каждый желалъ бы имѣть.

1 Еврей. Я би желалъ, чтоби вше бумага, что есть на свѣтѣ,—била би одна бумага! Чтоби вшѣ перья, которые есть на свѣтъ—било би одного перо! Чтоби вшѣ чернило, которое есть на свѣтъ,—било би одно чернило! И сколько можно будить зъ этимъ перомъ, зъ этимъ черниломъ, на этого бумага написать рублей, чтобъ въ минѣ столько денегъ било!

2 Еврей. Я би хатѣлъ, чтоби вше моря, которые есть на швѣтъ, — било-би одно море! Чтоби вшѣ пароходы, что есть на

швѣтъ,—билъ би одинъ пароходъ! Что би вшѣ мѣшки, что есть на швѣтъ,—билъ би одинъ мѣшокъ! И только бы можно било въ этого мѣшокъ на этого пароходъ въ этаго море, положить золотого полуимперьяла и минѣ присылать, столько я желалъ би имѣть!

3 Еврей. А я ничего би больше не хатѣлъ, какъ только, чтоби ви оба увъ одинъ и тотъ же день падохли сибѣ, и чтоби я оставался единственнаго вашего наслѣдникомъ! Я би этого только и хатѣлъ!

Худое дѣло.

Встрѣчаетъ однажды во время войны на улицѣ баринъ одинъ знакомаго еврея.

Баринъ. Здравствуйте, голубчикъ!

Еврей. Ждраствуйте вамъ.

Баринъ. Что вы такой грустный, какъ ваши дѣла?

Еврей. Очень шкверно!

Баринъ. Почему это?

Еврей. Почему?! Скажите минѣ пижалуйста, для чиго ми столько земля завоевать хатимъ?

Баринъ. Какъ для чего? Чтобы имѣть больше земли, людей, доходовъ.

Еврей. Доходовъ?! Благодаримъ вамъ зъ этими доходами. Зъ этими самыми доходами, болше никому типерь деньги въ долгъ нильзя давать; вше пропадаетъ!

Баринъ. Отчего?

Еврей. Оттого вы теперь даете подъ векселъ деньги; приходите получать. Гашпадинъ дома? Нѣту! Гдѣ онъ? Уѣхалъ въ Ташкентъ! Значитъ нужно плюнуть въ Ташкентъ. Прихадили къ другому. Гашпадинъ дома? Нѣту! Гдѣ онъ? Уѣхалъ увъ островъ Сахалинъ! Надо значитъ плюнуть увъ островъ Сахалинъ! Ви, господинъ, скажите еще спасибо, что Америка не наша, потому что увъ насъ би ни хватило слюни плевать черезъ весь океанъ! Типерь за этого война минѣ тоже ни хорошо. Сколькимъ деньги давалъ, всѣ увъѣхали. Я даже въ Одесса ѣхалъ, тамъ нѣкоторыхъ находилъ; тольки ничего отъ нихъ не получалъ. Я имъ говорю: пожалуйте деньги! А они минѣ говорютъ: типерь война деньги нѣту; а если хотите, возьмите замѣсто деньги торпеды! Жвините пожалуйста, что я буду зъ этими торпедами дѣлать? Чи я на нихъ верхомъ буду шидеть, чтоби они еще выштрѣлили подо мной?

Баринъ. Что же, вамъ Одесса понравилась?

Еврей. Хорошій городъ!

Баринъ. Видѣли всѣ укрѣпленія?

Еврей. Видалъ. Очинь крѣпко шдѣланы.

Я тамъ тоже видалъ одного параходъ завшемъ круглый!

Баринъ. Хорошій пароходъ?

Еврей. Пашкудство!

Баринъ. Отчего?

Еврей. Чи это жвините пароходъ? Онъ завшемъ круглый!

Баринъ. Ну, такъ что-жъ такое, что круглый?

Еврей. Развѣ можно дѣлать круглаго параходъ? Бѣдный капитанъ даже ни знаетъ, съ котораго мѣсто ему нужно виходить. Онъ долженъ прежде плюнуть на того мѣсто, съ котораго онъ будить выходить! Чи это параходъ!? Я ихъ спрашивалъ: для чиго вамъ такого круглого пароходъ? Они говорютъ: защищаться отъ непріятеля! Сколько онъ вамъ стоитъ? Восемь милліоновъ! Ой, ой, бойтесь Богу, что ви дѣлайте! Ви би лучше вжали два милліона зъ наличными деньгами и давали би непріятелю, онъ би самъ не ходилъ би къ вамъ, а шесть мильоновъ у васъ би въ экономія оставалось; это гораздо лучше чѣмъ всякого круглаго пароходъ! Ей Богу!

Выпороли.

Помѣщикъ однажды разсердился на простого еврея; тотъ укралъ у помѣщика лошадь. Велѣлъ помѣщикъ выпороть еврея на конюшнѣ и велѣлъ пороть его въ *два кнута* съ двухъ сторонъ. Всѣ объ этомъ узнали. Встрѣчаютъ какъ-то еврея.

— Здравствуй, Мойше.

— Здраствуйте!

— Что братъ, выпороли тебя?

— Ну такъ что-жъ такое, что випороли?!

— Да вѣдь какъ пороли: *въ два* кнута пороли!

— Ну такъ что-жъ такое, что въ два кнута пороли? Они вѣрно хотѣли, чтобы скорѣй дѣло било, чтоби минѣ долго не задерживать, оттого и пороли въ два кнута. Тутъ даже ничего нѣту увдивительнаго.

Овесъ.

Везетъ еврей на повозкѣ что-то въ мѣшкахъ. Лошаденка худая, истомленная, еле ноги тащитъ.

— Что ты везешь? — спрашиваетъ еврея прохожій.

— Овесъ, — отвѣчаетъ шопотомъ еврей.

— Что?

— Овесъ, - также тихо отвѣчаетъ еврей.

— Что-жъ ты такъ тихо это говоришь

— Чтоби, часомъ, моя коняка этаго не увслишала, патаму она давно увжэ этаго не кушала! Опять чтобъ она типеръ ни захотѣла попробовать!

Порокъ.

Продалъ еврей одному барину лошадь. Спрашиваетъ его баринъ

— Ты мнѣ по правдѣ скажи, хороша ли лошадь? Я въ нихъ толку не понимаю.

— Будьте завшемъ шпокойны; такого другого лошадь ви вжэ скоро не найдете, это самый первый сортъ лошадь!

— Нѣтъ ли какихъ нибудь пороковъ?

— Богъ зъ вами. Развѣ я би съ пороками продавалъ би вамъ ее. Вжэ вѣрьте мнѣ, что это самого лучшаго лошадь!

Повѣрилъ баринъ еврею; купилъ лошадь.

На другой день баринъ увидѣлъ, что лошадь слѣпа на лѣвый глазъ. Зоветъ еврея?

— Ты мнѣ что продалъ?

— Что?! Лошадь!

— Ти какую-жъ мнѣ лошадь продалъ?

— Самый первый сортъ.

— Ты мнѣ сказалъ, что она не имѣетъ пороковъ?

— Чтобъ я ждохъ, ежели она имѣетъ хоть какого-нибудь пороку!

— Мошенникъ ты! Да, вѣдь, она слѣпа на лѣвый глазъ!

— Шлѣпая? Богъ съ вами. Развѣ шлѣпота — это порокъ? Это только большого несчастье; это только жалѣть надо!

Не туда.

(Съ натуры).

На Одесской желѣзной дорогѣ, на станціи Раздѣльной, поѣзда расходятся въ одно и тоже время въ разныя стороны. Одинъ идетъ по прямой линіи въ Елисаветградъ, другой сворачиваетъ на-лѣво, въ Кишиневъ. Какой-то простой еврей имѣлъ билетъ на Кишеневъ и, по ошибкѣ, впопыхахъ, сѣлъ на Елисаветградскій поѣздъ. Отъѣхавши немного, еврей замѣчаетъ свою ошибку; отворяетъ стремительно окно, высовывается и кричитъ во все горло:

— Гашпадинъ кондукторъ! Гашпадинъ кондукторъ! Каравулъ! Держите лѣвѣй! Лѣвѣй! Минѣ надо ѣхать на Кишиневъ! Ради Бога держите лѣвѣй!!

Въ вагонѣ раздается хохотъ. Бѣдный еврей приходитъ въ совершенное отчаяніе.

Письмо купчика

Къ своей невѣстѣ.

Блаженный ангелъ
моей высокоторжественной души!

Давно уже ношу я въ рудникахъ моего безпредѣльнаго сердца танталовы страданія невыразимыхъ мукъ! Одна только лучезарная мысль преслѣдовала меня повсюду: на торгахъ и даже на переторжкахъ. О! еслибы не закаленно-стальная твердость моей умственной цитадели, то, вѣроятно, не я ихъ, а они надули бы меня. Мое сердце банкрутуетъ, мое спокойствіе оказывается несостоятельнымъ, а моя душа пропадаетъ, какъ залоги несостоятельнаго подрядчика. Что бы это значило?

Очень часто и весьма нерѣдко даже, когда

вы возсѣдали возлѣ вашего фортепьяннаго вдохновенія и кончикомъ вашихъ божественныхъ пальчиковъ дотрогивались до никогда непонятныхъ и уму непостижимыхъ моему звуковъ. О! не разъ и неоднократно давалъ я вамъ преабсолютно искренніе намеки объ относительной пронзительности моей прерогативной чувствительности; но теперь, въ эту, положительно, безвременную минуту, я озарился твердымъ намѣреніемъ и хочу разъ на-всегда расторгнуть плотины моего давно пораненнаго сердца. О, блаженный ангелъ моей высокопарной души! Слушайте и внимайте!! Все, чѣмъ я обладаю: мою красивую наружность, мой голосъ водевильнаго пѣснопѣнія; мои золотомъ напыщенныя сокровища, я повергаю, какъ достохвальную дань огнедышущаго уваженія, къ ножкамъ вашимъ! Выскажите это рѣшительное, поразительное, пронзительное, вдохновительное, выразительное, умилительное, оживительное слово — скажите, что вы влюблены въ меня и не прочь состязаться брачными кандалами съ высокопарною и всецѣло сокрушенною особою моею.

Я уже заключительно покончилъ и том-

люсь въ глубокой пыткѣ зыбкаго океана ожиданій.

Весь вашъ по край могилы и гробовой унылой доски

Петя Хрюкинъ.

Саша.

Москва. Три часа ночи. Изъ Стрѣльны ѣдутъ въ саняхъ двое пьяныхъ. Одинъ спитъ подъ полостью, другой куритъ. Подъѣзжаютъ къ фотографіи. Одинъ будитъ другого:

— Саша!

Тотъ храпитъ.

— Саша!

Храпѣнье продолжается.

— Саша!

— А! Что? Мм!

— Саша! Заѣдемъ въ фотографію, сняться?

— Въ фотографію? Отчего-же!

— Ямщикъ, къ фотографіи. Стой!

Звонили, звонили они у дверей фотографіи; наконецъ, швейцаръ отперъ дверь.

— Что вамъ нужно?
— Желаемъ сняться!
— Нельзя теперь сниматься.
— Отчего-жъ?
— Ночь теперь.
— Мы за все заплатимъ. Снимите насъ!
— Нельзя.
— Отчего-жъ?!
— Темно!
— Освѣтите. Во весь ростъ!
— Никакъ нельзя. Спать проваливайте!
Дверь захлопнулась,
— Невѣжа! Дуракъ!

Сѣли въ сани, поѣхали дальше. Товарищъ заснулъ. По дорогѣ видитъ одинъ изъ нихъ на-право кондитерскую, на-лѣво — аптеку. Опять начинаетъ будить товарища.

— Саша!
Раздается храпъ.
— Саша!
Храпитъ.
— Саша!!
— Что со мной? А?
— Саша! Хочешь шоколаду?
— Отчего-же!
— Ямщикъ! лѣвѣй, стой!

Остановились, слѣзли какъ разъ у аптеки. Позвонили; отперли имъ дверь; вошли они. Вышелъ къ нимъ заспанный провизоръ.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ и моему другу... двѣ чашки шоколаду!

— Нѣтъ у насъ шоколаду.

— Что-жъ у васъ есть?

— Масла касторовaго хотите?

— Саша!.. хочешь касторовaго масла?

— Отчего-же! Развѣ съ булочкой.

Въ деревнѣ.

(Съ натуры).

Деревенская улица, недалеко отъ Иркутска; толпа народа. У хаты сидитъ пьяный мужикъ; напротивъ него стоитъ деревенскій франтъ.

— Позвольте узнать, слѣдовательно теперича здѣсь свадьба?

— Здѣсь, братецъ ты мой, не свадьба, а улица.

— Но когда явственно вижу, что здѣсь свадьба, что же я долженъ заключить о вашемъ отвѣтѣ?

— А хочешь-ли я тебѣ ребра переломаю?

— Ахъ, какое одеревенѣніе!

Въ классѣ.

Въ небольшомъ городѣ, въ гимназіи, между прочими были Евреи и Армяне. Одинъ Армянинъ имѣлъ двадцать семь лѣтъ и сидѣлъ въ третьемъ классѣ четвертый годъ. Учитель спрашиваетъ урокъ.

Учитель. Абрамьянъ! Отчего вы не были вчера въ классѣ?

Армянинъ. Я ны магу сказатъ, пачыму.

Учитель. Что, вы были нездоровы?

Армянинъ. Нэтъ, я славу Богу здоровъ.

Учитель. Такъ, отчего-жъ вы не были?

Армянинъ. Я ны магу сказатъ, патаму что минэ стыдно.

Учитель. Вы не стыдитесь, говорите.

Армянинъ. Я вчера жинылся!

Учитель. Ахъ, вы вчера женились! Ну, поздравляю васъ.

Армянинъ. Очинъ вамъ благодарынъ.

Учитель. А басню заданную «Гуси»,—все-таки выучили?

Армянинъ. Я вмэстэ съ женой ихъ учылъ.

Учитель. И знаете басню?

Армянинъ. Пастараюсъ знатъ!

Учитель. Ну, разскажите ее. Только своими словами.

Армянинъ. Съ удоволствіемъ. Гусы. Басня отъ Гаспадынъ Крыловъ... Гусы! *(думаетъ).*

Учитель. Что же вы стали?

Армянинъ. Я сейчасъ; толко нимножко мислы соберу *(думаетъ).*

Учитель. Чтожъ, собрали мысли?

Армянинъ. Нымного собралъ!

Учитель. Такъ говорите.

Армянинъ. Гусы!.. Гусы! Басня отъ Гаспадынъ Крыловъ... Гусы...

Учитель. Это мы ужъ слышали. Дальше что?

Армянинъ. Далше. . я сычасъ разскажу.

Учитель. Разсказывайте!

Армянинъ. Гусы!.. Въ адынъ городъ билъ очынъ много гусы; толко гаспадынъ Крыловъ ихъ пасилалъ на базаръ; онъ ихъ паслалъ на базаръ ны пакупать, а прадаватъ. Увдругъ встрычаится имъ адынъ порыхажанинъ. Аны гаваратъ иму: пачыму насъ ви-

дутъ на базаръ пирыдавать, кагда наши перэдки Рымъ спасалъ...

Ученикъ еврей *(перебивая)*. Гашпадинъ увчитель; онъ ни знаетъ, что значитъ предки!

Армянинъ. Нѣтъ, врошъ, я атлычно это знаю!

Учитель. Что-жъ значитъ – предки?

Армянинъ. Перэдки, это такой люды, что будутъ жить послэ насъ!

Еврей. Нѣтъ, гашпадинъ увчитель, такого люди наживаются потемки.

Армянинъ. Нѣтъ, врошъ; потемки, это называются, когда въ комната тимно; когда свэчка ни гарытъ.

Учитель. Перестаньте спорить. Продолжайте.

Армянинъ. Я би ищо очинъ много могъ би разговарыватъ объ эта басна, толко боюсъ, что гусы будутъ очинъ сырдытъ!

Учитель. Что-жъ, вы сами додумались до этаго нравоученія?

Армянинъ. Нэтъ!

Учитель. А кто-же?

Армянинъ. Это жина минэ расталковала.

Учитель. Развѣ вы съ ней вмѣстѣ учитесь.

Армянинъ. Ми тыперъ, покудова, все мэсты съ ней дэлаемъ.

Учитель. Прошлый разъ я говорилъ вамъ, оспода. о смертныхъ грѣхахъ. Абрамьянъ, колько есть смертныхъ грѣховъ?

Армянинъ. Смэртэлныхъ грѣховъ?

Учитель. Да.

Армянинъ. Питнадцатъ.

Учитель. Ну, сядьте. Шишкинъ, сколько сть смертныхъ грѣховъ?

Ученикъ. Двѣнадцать!

Учитель. Сядьте.

(Въ это время, сидящій на задней скамейкѣ, едавно выкрещенный ученикъ, успѣлъ въ книжкѣ одсмотрѣть, сколько есть смертныхъ грѣховъ).

Ученикъ. Гашпадинъ Учитель! Пажвольте нѣ сказать школько есть шмертныхъ грѣ-овъ; я знаю школько ихъ есть. Потому ни ничего не знаютъ; я все лучше ихъ наю.

Учитель. Ну, идите сюда, говорите: сколько сть смертныхъ грѣховъ?

Ученикъ. Шмертныхъ грѣховъ суть семъ!

Учитель. Хорошо, умница! Видите, го-юда, вы такіе всѣ большіе, и не знаете, а нъ меньше васъ и знаетъ. Молодецъ! Ну,

назовите мнѣ, какъ смертные грѣхи называются?

Ученикъ. Нажвать?!

Учитель. Да.

Ученикъ *(въ сторону)*. Хорошаго дѣло Это я не ушпѣлъ даже подсмотрѣть!..

Учитель. Что же вы, отвѣчайте?

Ученикъ. Гашпадинъ Учитель! Можетъ хатите, чтобъ другой вамъ этого отвѣчалъ потому ви вжэ видите, что я хорошо знаю

Учитель. Нѣтъ, я васъ прошу, отвѣчайте, какіе есть смертные грѣхи, названіе ихъ?

Ученикъ *(скороговоркой)*. Январь, Февраль, Мартъ, Апрѣль...

Учитель *(перебивая)*. Сядьте, сядьте!

Фельдшеръ.

Въ больницу, передъ отъѣздомъ доктора, приводятъ легкаго больного. Еврей фельдшеръ догоняетъ доктора.

Фельдшеръ. Ваше благородіе! Еще одного больного привозили.

Докторъ. Опасно больной?

Фельдшеръ. Нѣтъ, завшемъ легкій.

Докторъ. Ну, такъ я завтра посмотрю. Мнѣ нѣкогда; а ты осмотри и сдѣлай съ нимъ, что знаешь.

Докторъ ушелъ. Фельдшеръ пошелъ къ больному. На другой день пріѣзжаетъ докторъ, является фельдшеръ.

Докторъ. Ну, что, какъ вчерашній больной?

Фельдшеръ. Они померли-съ!

Докторъ. Какъ, умеръ? Вѣдь ты сказалъ, что онъ не опасенъ?

Фельдшеръ. Опасность, дѣйшвительно, не было; онъ завшемъ легкій билъ.

Докторъ. Такъ, отчего же онъ умеръ?

Фельдшеръ. Этого, я ваше благородіе, не знаю.

Докторъ. Да ты принялъ какія-нибудь мѣры? сдѣлалъ что-нибудь?

Фельдшеръ. Сдѣлалъ.

Докторъ. Что-жъ ты сдѣлалъ?

Фельдшеръ. Что ви минѣ шказали.

Докторъ. Да что-жъ именно?

Фельдшеръ. Ви минѣ шказали, сдѣлать съ нимъ, что я умѣю.

Докторъ. Ну?

Фельдшеръ. Я и сдѣлалъ, что умѣю. Во-первыхъ, я умѣю стричь волосы,—я его завшемъ обстригъ, потомъ я умѣю рѣзать мозоли,—я ему вшѣ мозоли обрѣзалъ; еще я умѣю дергать зубы; такъ я ему началъ дергать шпорченнаго зубы; и какъ началъ дергать шестой зубъ—такъ онъ, бѣдный, сейчасъ и померъ.

Кадриль.

Армянинъ подходитъ въ клубѣ къ барышнѣ, проситъ ее на кадриль.

Армянинъ. Барышна, будышъ, пожалуста, со мной адна кадрылъ, танцоватъ?

Барышня. Нѣтъ, не буду.

Армянинъ. Зачэмъ не будышъ? Развѣ мы тыбэ ны нравымса?

Барышня. Я не танцую.

Армянинъ. Зачѣмъ ны танцую? Клубъ прышла, ногы имэишъ, зачэмъ ны танцуишъ.

Барышня. Право я не могу танцовать.

Армянинъ. Наплывать, другой морда найдомъ.

Приглашаетъ другую. Садятся. Начинается первая фигура.

Армянинъ. Барышна?

Барышна. Что-съ?

Армянинъ. Ты на барабанъ ыграишъ?

Барышня. Нѣтъ, не играю.

Армянинъ. Со мной сымпатыя имэишъ. Я тожы нэ ыграю.

Разговоръ прекращается. Всѣ фигуры проходятъ въ молчаніи. Въ концѣ шестой фигуры, армянинъ внезапно спрашиваетъ.

Армянинъ. Храпышъ?

Барышня. Что-съ?

Армянинъ. Храпышъ?

Барышня. Какъ это храпишь? Я не понимаю!

Армянинъ. Когда спышъ, храпышъ?

Барышня *(улыбаясь)*. Я не знаю.

Армянинъ. Мы храпымъ!

Кадриль кончается. Армянинъ подходитъ къ товарищу.

Армянинъ. Очень хорошій барышна! Много съ нэй разговарывалы и во многыя вещы оченъ сходымса! Она савсэмъ въ меня влублына!

Пѣсня.

Однажды въ Тифлисѣ Русскіе дразнили Армянъ, что у нихъ нѣтъ пѣсенъ хорошихъ.

Армянинъ. Какъ нэтъ пэсня? Зачэмъ нэтъ пэсня? Мы много пэсня имэимъ!

Русскій. Что же вы въ вашихъ пѣсняхъ поете?

Армянинъ, Что поемъ? Кавказъ поемъ, горы поемъ, все поемъ!

Русскій. Ничего вы не поете.

Армянинъ. Какъ нычего ми ны поемъ; много поемъ!

Русскій. Какія у васъ пѣсни! Ла, ла, ла; да ло, ло, ло!

Армянинъ. А у васъ какой пэсни? У васъ тожи нѣтъ пэсны!

Русскій. У насъ много пѣсней.

Армянинъ. Очинъ глупый пэсни.

Русскій. Нѣтъ, у насъ много умныхъ пѣсней есть!

Армянинъ. Замичатэлно умныхъ! У васъ пэсни естъ: «Возлы рѣчка, возлы мостъ, трава растотъ!»

Русскій. Ну что-жъ, это умная пѣсня.

Армянинъ. Умный пѣсня?! Удывытельно умный! У насъ на Кавказъ, пажалуста, каждый ишакъ *) знаитъ, что возлэ рѣчка трава растотъ; а у васъ это луди поютъ! Удывытельно, какой пэсни? Нашы пэсни—грустный пэсни?

Русскій. Какія же у васъ пѣсни?

Армянинъ. У насъ естъ адынъ пэсни очинъ грустный. Поемъ мижду прочимъ: «Стаитъ гора; на гора ишакъ стоитъ; дыте малэнкій трава лежытъ; ишакъ грустно кричытъ, дыте очынъ плачитъ: возлэ малчышка бижытъ!» Вотъ это пэсни! Сердцэ трогаетъ такой пэсни!! Это лучше, чѣмъ ваши пэсни!

*) Ишакъ—оселъ.

Въ лавкѣ.

Армянинъ зазываетъ господина къ себѣ въ лавку.

Армянинъ. Заходы, пажалуста, къ намъ лавка; всо имэимъ, что надо. Что, господынъ покупаешъ!

Господинъ. Мѣха есть у васъ?

Армянинъ. Мѣхъ много естъ. Какой тибэ мѣхъ надо?

Господинъ. Боберъ есть?

Армянинъ. Боборъ? Нѣтъ душа мой, боборъ нэтъ!

Господинъ. А енотъ есть?

Армянинъ. Инотъ, это что шубы можно дэлать?

Господинъ. Да.

Армянинъ. Нэтъ, звыны пажалуста, инотъ тожи нэтъ.

Господинъ. А лисица есть?

Армянинъ. Лысица? Это какой будетъ лысица?

Господинъ. Мѣхъ лисій?

Армянинъ. Мѣхъ?! Это желтый такой мѣхъ!

Господинъ. Да.

Армянинъ. Нэтъ душа мой, и это нэтъ!

Господинъ. Ничего у васъ, значитъ, нѣтъ?

Армянинъ. Тыперъ, дыйствытелно, ничего нэтъ!

Господинъ уходитъ. Отойдя довольно большое пространство, слышитъ крикъ.

Армянинъ. Гаспадынъ, гаспадынъ перэвирнысъ! пажалуста, назадъ; перэвирнысъ!

Господинъ *(ворочается).*

— Что вамъ надо?

Армянинъ. Тибэ мѣхъ надо?

Господинъ. Сказалъ вѣдь, что нало.

Храбрость.

Одинъ еврей разсказывалъ, какъ его ограбили въ дорогѣ.

Ой вей миръ! Гвалтъ! Какъ я шпигался! Шахрани Богъ! Я вже завшемъ думалъ, что я померъ! Ѣхалъ я шибѣ съ шпокойнымъ духомъ; объ моего жинка Хайка думалъ, объ моего маленькаго дите думалъ, увдругъ на минѣ вискачили ражбойники, ширлатаны и начали въ минѣ вше грабить, забирать всѣ мои манатки. Я даже отъ штраха кричать завшемъ не могъ, такъ они минѣ шпигали. Что я вожилъ; вшѣ товары забрали! Ой, вей миръ!

— Надо ѣздить съ пистолетами.

— Шахрани Богъ! Чтобъ они ждохли! Чтоби я еще съ пишталетами ѣздилъ! Я отъ страху штрѣлять забуду, они ражбойники въ минѣ и пишталеты поворуютъ, тольки даромъ деньги за пишталеты пропадутъ! Эти

ражбойники очень храбрые, одинъ даже билъ такой храбрый, что въ минѣ туфли снималъ! Ей Богу!

— Что-жъ ты везъ? Чѣмъ ты торгуешь?

— Я по деревни вожу товары: ситцы жиканеты, полотно, мелки вещи.

— И давно ты ужъ такъ ѣздишь?

— Двѣ годъ. Я прежде изъ этого товаръ по городъ ходилъ. На домахъ продавалъ.

— И что-жъ, выгодно продавалъ?

— Нѣтъ. Иногда, вѣрите, гашпадинъ, цѣлого день ходишь, какъ шабака увстанешь, ажъ ротъ шухой завшемъ дѣлается и хоть би на два гроша продать. Увдругъ слышишь въ пятый этажу кричать тибѣ: «Еврей съ товарами! Иди сюда!» Ну, думаю шибѣ, шлава Богу, сторгую. Лѣзу увъ пятаго этажъ. Зовутъ увъ комнату. Я вже хатю раскладывать товара и что ви шибѣ думаете, я вижу? Штоитъ пошерединѣ комната мамынька и поллѣ него штоитъ маленькій синъ и плачитъ, булванъ, какъ корова. Мамынька беретъ этого дите и тащитъ до минѣ и говоритъ: «Ти видишь, ширлатанъ, этого еврей? Ежели ты будишь еще плакать, такъ этаго еврей, заберетъ тебѣ въ мѣшокъ и понесетъ!»

И потомъ она говоритъ до минѣ: «Ну, еврей, типеръ ти можишь увходить; онъ вже больше не будить плакать!» О! Чи ви видали такого порадокъ? Минѣ дѣло, что этого дите плачить какъ корова, и за этого я еще этого булванъ доженъ въ мѣшокъ таскать! Вѣрите, я вжэ такъ рашердился, что шказалъ этого даму, что она швинья! Назвалъ ее швиньемъ!

— Какъ, дамѣ въ лицо ты это сказалъ?

— Паложимъ не въ лицо; я ей этого шказалъ, когда вжэ я билъ на лѣстница. Тольки она могла понимать, какой я храбрый. Вжэ больше она со мной такого шутка дѣлать не будетъ!

Поздравленіе.

(Съ подлинника).

Еврей послалъ изъ Херсона въ Одессу слѣдующую депешу.

Телеграфирую. Шлава Богу вчера обручался съ моего замѣчательного невѣста. Очень радъ.

Поздравьте насъ. *Отвѣтъ уплаченъ.*

Геръ Майеръ.

Станція желѣзной дороги. Второй звонокъ. Вагоны затворены. На платформѣ раздается чей-то крикъ: «Геръ Майеръ! Геръ Майеръ!» Никто изъ сидящихъ въ вагонѣ не отзывается. Третій звонокъ. Поѣздъ потихоньку трогается. На платформѣ опять раздается крикъ: «Геръ Майеръ! Геръ Майеръ!» Одинъ изъ сидящихъ въ вагонѣ нѣмцевъ, любопытствуя узнать, въ чемъ дѣло, высунулся изъ окошка и въ эту же самую минуту получилъ отъ кричавшаго ужасную оплеуху. Поѣздъ усилилъ ходъ. Неожиданный фарсъ возбудилъ въ вагонѣ хохотъ. Несчастный Нѣмецъ пришелъ въ бѣшенство. По пріѣздѣ на станцію, Нѣмецъ побѣжалъ къ Начальнику Станціи.

Нѣмецъ. Господынъ Начальникъ! Я васъ покорно проситъ, чичасъ даватъ депешъ офъ эта городъ, что ми чичасъ ѣхалъ, лöвить эта ферфлюктеръ шеловѣкъ; онъ миня оскорблялъ, онъ миня утифлялъ, онъ миня умираль!

Начальникъ. Позвольте, объясните, сначала, въ чемъ дѣло?

Нѣмецъ. Тѣло засэмъ не буль; буль только

мой физіономій; о, шортъ, о, доннеръ вэтеръ. Я вамъ просиль чичасъ депешъ ловитъ эти шеловѣкъ!

Начальникъ. Да, разскажите, наконецъ, что случилось?

Нѣмецъ. Я разскажиль. Я зидэль зпокойно офъ вагонъ. Быль одинъ звонка, я зидэль. Быль два звонку и офъ вокзалъ быль большой кришаль: Геръ Майеръ, Геръ Майеръ; я же зидэль. Быль трехъ звонку и офъ вокзаль опьять кришаль. Геръ Майеръ, Геръ Майеръ! Но лишь только я фиглядифаль мотрѣть кто зашѣмъ кричаль, какъ офъ эта фремя я полюшиль, отъ эти што кричаль, офъ мой плакоротной физіономій пальшой оплеухъ. Фи это понимайтъ? Пошалуйста чичасъ депешъ!

Начальникъ. Позвольте, ваша фамилія какъ?

Нѣмецъ. Моя фамилія есть Шульцъ!

Начальникъ. Зачѣмъ же вы выглядывали? Вѣдь, онъ Майера звалъ, а не Шульца. Это ваша собственная вина!

Въ театрѣ.

Фокусникъ даетъ представленіе. Въ первомъ ряду креселъ сидитъ нѣмецъ. Фокусы ему, почему-то не нравятся. Что бы фокусникъ ни показалъ, нѣмецъ, не смотря на аплодисменты, только и говоритъ: «глюпо! Нэтъ ничего особенное!» Наконецъ, фокуснику это надоѣло. Обращается онъ къ нѣмцу.

Фокусникъ. Вамъ мои фокусы не нравятся?

Нѣмецъ. Да, нэтъ ничего остроумное!

Фокусникъ. А, хотите, я вамъ покажу остроумный фокусъ?

Нѣмецъ. Но, какіе это фокусъ?

Фокусникъ. Я вамъ дамъ оплеуху, а лакей, который стоитъ подлѣ двери,—ему будетъ отъ этого больно.

Нѣмецъ. Но, это любопитно посмотрѣть, какъ это можитъ пыть!

Фокусникъ хватилъ нѣмца по щекѣ. Лакей, стоящій у двери, подготовленный, взялся за щеку, съ крикомъ: ой, ой!

Нѣмецъ. Но и это нэ остроумно, потому что и мнэ тоже больно офъ это фремя!!

На пароходѣ.

На пароходѣ ѣдутъ разныя націи. Качка страшная. Всѣхъ укачало. Стоитъ пьяный купецъ.

Купецъ. Охъ! О-охъ! Тонемъ! Охъ! Господи пронеси! Въ пудъ свѣчу! О-охъ! Шабашъ!

Нѣмецъ. Ай! нэтъ, это ожасно! Это куже, чѣмъ офсякаго русскаго перекладнофъ!

Еврей. Ой! Гвалтъ! Вибрасите минѣ куда нибудь, патаму что я иначе ждохну!

Кто-то беретъ его за ногу.

Еврей. Аштавьте, что ви за ноги дергаетесь! Ой! Гвалтъ!

Армянинъ. Ммъ! Ммъ!! Душа мой! Знакóмъ съ капытаномъ?

Пассажиръ. Знакóмъ.

Армянинъ. Просы, чтобъ ныкачало! Здэлай мылость просы! Ммъ!

Не вышло!

(Разсказъ нѣмца).

Однажды я буль еще завсѣмъ молодого шеловѣка, съ блендины кудри на плечи и смотрѣль ошенъ недурно зъ лице. Буль зима. Я ишоль съ спокайнаго духа въ Гороховая улицъ. Напереди шель какой-то ошенъ красивый дамъ. Вездѣ буль ледъ.

Бѣднаго дамъ спотикивались и шлопальсъ на ледъ. Я подскакнуль и поднималь дамъ отъ ледъ. Э она бѣдни, шибла ошенъ крѣпко нога и просиль рука іе провожать, здѣсь близко до домой,—э ми пошель.

Я ихъ проводнуль до дверъ, э она просиль, какъ-нибудъ, ихъ визитировать, за моя спасительства. Одна воскресенья, я пошла на визитъ къ эта дама. На дверъ я шиталь билетъ: Θекла Ифановишъ Косолапова. Я

звонуль и горнишная мнѣ отпернуль. Я взошла. Небольшой комнатъ буль ошенъ красивъ обсаженъ съ мебель, драпировокъ, цвѣта.

Θекла Ифановъ викадиль и ми обрекомендовались: она кавриль, что она дѣвицъ Θекла Ифановна Косолапова; я кавриль, что я Карль Гуніадике, чулечнаго фабриканта; ми знакомилься, я порадошно провожаль времени. Она просиль кадить еше. Э я опять прикадиль; потомъ много рази началь прикадить.

Однаго раза ми зидѣль на диванъ. Лампъ mit абажуръ горѣль, э она кавриль: «Люпезнаго Карль! Ми одинъ къ другая привикаль; фи одна, я одинъ,—будимъ бракироваться!»

Я зогласильса, она тоже зоглашивался, э ми була жениха и невѣстъ. Карашо! Ошенъ много рази, я, какъ жениха, прикадила. Она минѣ називаль своя Карликъ, э я іе Θеклишка. Она лупиль своя Карликъ; Карликъ лупиль свой Θеклишка. Я шасто принесла ей съ мой фабрикъ презентъ цвѣтная чульки и сигда одна полъ фунтъ бонбонъ.

Она кавриль: «Драгоцѣннаго Карликъ! Я

сигда желяетъ бить домъ, когда ти прикадиль. Передупереди мнѣ раньше»; я сигда передупередиль. Однаго разъ я не передупередиль э потиконько шерезъ кухонъ прошла для сурпризь. Мой Богъ! Какого жестоковый ландшафтъ я видаль! мой Θеклишка зидѣль на канапэ; съ одна сторона стояль маленькій дѣвочекъ, съ другая — маленкая мальчишка! Дѣвочекъ кавриль: «Мама, дай минѣ бонбонъ!» Э мальчишка ковриль: «Мама, дай минѣ бонбонъ!» Этотъ кровожадны дѣти, жраль мой бонбонъ!

Θеклишка ушасно теральса! Я остольбонуль! Она наконца кавриль: «Карликъ, свини пошальста свой Θеклишка!» Но я кричиль! Ich habe geschreit! Нѣтъ, кричиль я! нѣтъ «свини» такая шкандаль! Donnerwetter, parapluie! Verfluchtes Café Haus! Это большая страмъ!

Э она плакиль. Sie hat geweint. Слезъ торшаль на рѣзницъ. Она кавриль: «Карликъ, умаливаю, свинай! Это буль невиннаго грѣхопадительство: онъ буль молодаго; я тоже. Онъ шасто пришла. Ми занимались съ лектуръ на слухъ. Онъ шиталь минѣ Пушкинъ, я шиталь ему Шиллеръ. Э вотъ отъ Пуш-

кинъ проискадиль Татьяна, э отъ Шиллеръ—Фердинандъ! Но больше это не будетъ. Я кланусъ съ Бога!» Нѣтъ, кричиль я, это будитъ; нафѣрно будитъ! ви шиталь только Пушкинъ и Шиллеръ, э у васъ уже Татьянъ э Фердинандъ. А ви ишо не шиталь Гейне, Тургеневъ, графъ Тольстовки: тогда у васъ будетъ цѣлаго Peter-Schule дѣтевъ: Ich danke!—«Никогда!» плакиль она.

Я дѣлаль торжественна поза, браль мой шлапъ, ich habe mein Hut genommen, э произнашиваль: Өекла Ивановичъ! Карлъ Гуніадике, шестная нѣмца, фабрикантъ и членъ отъ С.-Петербургскаго общественнаго нѣмецкій собраній! Я не лупитъ литературъ съ дѣти. Между нами все конца! Ви шитайте Шиллеръ, я будетъ работать мой чульки. Да, конца, польна конца! кавриль я. Я съ гордость переворачивальса э вишла.

Тѣйствительно съ это время на вся шизни я оставнулся не бракованнаго.

Неудачный дебютъ.

(Разсказъ армянина).

Встрѣчаетъ на улицѣ знакомый пѣвца армянина.

— Здравствуйте, Давыдъ Абрамычъ!

— Ахъ, мое почтэніе!

— Ну, что подѣлываете? Поете гдѣ нибудь?

— Понымножко поэмъ, попываэмъ.

— Собираетесь въ этомъ году дебютировать?

— Хачу опятъ проба дэлать.

— Что у васъ вышло въ прошломъ году? Дебютъ былъ данъ, а вы на сценѣ не появлялись?

— Видыте, душа мой, это очинъ оригиналный исторій вихадылъ; даже можно сказать, очинъ грустный комбынацій.

— Разскажите пожалуйста, въ чемъ было дѣло?

— Видыте, это товарыщи менэ падвадыли и всо дэло портыли.

— Что же они съ вами сдѣлали?

— Я вамъ съ удовольствіемъ ихъ пакостная интрыга разскажу; пойдомъ вмэстэ.— Видытэ: я жилъ прэждэ и учился въ Тыфлысъ; потомъ, когда я ужъ билъ совсэмъ готовый, я ѣхалъ заграница въ Мыланъ и тамъ пѣлъ одна зима въ малэнкій тыатуръ. Я пѣлъ одна толко опыра «Троваторъ». Другаго опыра я еще ны успѣвалъ виучытъ. Послэ этаго я захотэлъ пріѣхатъ въ перваго разъ въ вашъ городъ, пробоватъ здэсъ своя сила. Сло́ва Троваторъ я и по русски умэлъ. Ныкогда прежды я въ совсэмъ русскаго городъ не бывалъ. Въ Москва, на вокзалъ, минэ даже удывытелю сдэлалось какой здэсъ интэлегэнтный русскаго народъ: я толко успэлъ сказатъ два слова, а они момэнтално узнавалы, что я съ Кавказъ; а мижду тэмъ я билъ одэтый въ обикновеннаго цивилнаго платье. Я кричалъ толко лакею: «чилавэкъ, прихады суда съ щотка: чисты менэ отъ пилъ съ пэрэды и сзади.

Вдругъ ко мнэ подходытъ двое изъ публыка и спрашиваютъ: «Позволтэ спросить, ви съ Кавказъ?» я никакъ ны могъ понымать!

Когда я пріѣхалъ суда, я пошелъ проситъ дебутъ. Минэ обэщалы, что черезъ мэсацъ я буду дыбутыроватъ. Чиризъ ныдѣля послэ этого, я получалъ бамага съ вопросъ: могу я дыбутыроватъ въ опыра Джаконда? Я пошелъ сказатъ, что ны могу, потому я толко Троваторъ пою, но по дорога я встрѣчалъ два товарыщъ, который менэ съ честный слово увѣралъ, что Троваторъ это значитъ по италіански, а по русскому эта же самая опыра значитъ Джаконда. Оны со мной дэлалъ шутка, но я порадокъ тогда отъ здэшный тыатуръ ны зналъ и вэрылъ имъ. Я заявлалъ, что Джаконда пэтъ магу. Чиризъ три ныдѣля менэ позвали на репуртыцію. Тамъ ужъ я ничего ны могъ понымать. Оркестру игралъ совсэмъ другого музыка. Я всо ожидалъ, чтобы вступатъ въ знакомаго мотыфъ, но ны могъ, потому что, они ны одного ны игралы. Оказывается, что Джаконда это совсэмъ ны Троваторъ и это толко товарыщъ со мной шутка дэлалъ. Ну начальство билъ оченъ добрый и приказалъ

менэ учитъ ужъ настоящаго Джаконда и что чиризъ мэсацъ будытъ опятъ репʼуртыція. Я выхадылъ изъ тыатуръ съ одинъ товарищъ, и онъ оченъ лубэзно менэ предлагалъ, чтобы ны тратытъ и покупатъ партытура отъ Джаконда, даватъ своего. Я билъ очинъ благодарный и на другой дэнъ онъ менэ принасылъ партитура, балшой тыдрадъ въ пириплотъ. Я откривалъ ноты, чтобы учитъ мой партый; на крышка я и нэ догадался смотрэтъ. Мэсацъ цэлаго я училъ свой партый, вдругъ нычаянной увидалъ крышка. Оказивалось, что эта партитуръ ны Джаконда, а Эсклармонда. Это ужъ товарыщъ ны отъ шутка дэлалъ, а отъ злаго интрыга, потому что онъ очинъ боялся мой голосъ. Ужаснаго билъ менэ досада. Купылъ я настоящаго Джаконда и началъ опятъ учитъ. Ну покуда два мэсаца я свой новый партый нымножко училъ, тіатуръ уже почты кончался и менэ дыбутыроватъ нылза било. Очинъ нэпрыятно!

— Да! Ну, а теперь, что же вы думаете дѣлать?

— Хачу проситъ дыбутъ. Ну ны знаю какъ поступатъ!

— А что такое? Въ чемъ затрудненіе?

— Видытэ. Я Джаконда віучивалъ тыпэръ отлычно; но оказывается, что эта опыра въ этотъ годъ ны пайдотъ и приходытса дыбутыроватъ въ что ныбудъ другое. Покуда я что ныбудъ новаго віучу, тыатуры опятъ къ постъ закроютъ у я и тыпэръ ны успэю. Очинъ жалко что въ постъ нэтъ придставлэніе. Я бы какъ ныбудъ успивалъ бы учитъ что ныбудъ!

Удешевленный тарифъ.

(Сценка).

На южной желѣзной дорогѣ, въ вагон
III-го класса, сидитъ какой-то господинъ
противъ него помѣстился простой еврей.

Завязывается разговоръ. Еврей обра
щается къ сидящему господину.

— Жвините, гашпидинъ; куда ви ижво
лите ѣхать?

— Въ Елисаветградъ.

— Въ Елисаветградъ? Ви ижволите п
удешевленнаго тарифа ѣхать?

— Что за вопросъ? Мнѣ кажется, что вс
теперь ѣздятъ по этому тарифу? Вѣдь в
также по удешевленному ѣдете?

— Положимъ, что я не такъ ѣду!

— А какъ же? Повторяю, что вся публик

ужъ ѣздитъ по новому удешевленному та-
ифу.

— Публика ѣздитъ по новаго тарифа, а
ѣду завшемъ ошобенно.

— То есть какъ это особенно?

— Ошобенно! Ви вшѣ ѣздите по удешев-
еннаго тарифа, а я ѣздю завшемъ по де-
шоваго тарифа; даже можно шказать съ
олнаго деваляція.

— Что это значитъ?

— Потому, видите, я шибѣ потихоничку
ду, завшемъ безъ билета!

— Куда же вы такимъ манеромъ ѣдете?

— Куда я ѣду?!. Ежели моего шея выдер-
житъ, такъ я въ Балта ѣду.

— При чемъ же тутъ ваша шея?

— Шутка шказать, при чемъ тутъ моего
шея!? Видите: я вжэ, шлава Бога, перемѣнялъ
етыре поѣзда; потому, гдѣ менѣ только за-
ѣтитъ кондукторъ, что я безъ билета, такъ
нъ намедленно накладываетъ съ кулаками
ъ моего шобштвеннаго шея и на штанція
ишвириваетъ менѣ изъ вагонъ, гдѣ я шебѣ
пакойно шидѣлъ. Теперичка менѣ придется,
авѣрное, еще пьять поѣздовъ перемѣнять,
дѣ мнѣ будуть опять накладывать въ моего

штрадальцескаго шея! Такъ я оттого и го-
ворю: ежели моего шея видерживаетъ этого
деваляція, такъ я шлава Богу, до шамого
Балта доѣду!

Кондукторъ входитъ въ вагонъ провѣ-
рять билеты.

Чистоплотность.

Въ одинъ городъ пріѣзжаетъ како-то еврей. олько что онъ явился въ гостинницу, по-ребовать номеръ, какъ швейцаръ подалъ му книгу, чтобы записать фамилію. Еврей еретъ перо и видитъ, что по книгѣ ползетъ акое-то насѣкомое.

Онъ обращается къ швейцару и кладетъ еро.

— Жвините, пожалуста; я у васъ не могу ставливаться!

— Помилуйте-съ! Отчего-же?

— Менѣ вашего гоштинница ни особенно равится.

— Чѣмъ же? У насъ хорошая гостинница, ервый сортъ!

— Она, можетъ бить, даже десятый сортъ, олько она мнѣ не нравится!

— Извините, господинъ, чѣмъ же-съ? Вся публика нашу гостинницу одобряетъ.

— Это одобряетъ публика, а для меня ждѣсь крѣпко грязно.

— Будьте покойны; у насъ гостинница чистая.

— Ахъ! Что менѣ бить шпокойнымъ, когда я вамъ говору, что она гряжная.

— Смѣю завѣрить, что вы ошибаетесь. Вашъ номеръ хорошій и совершенно чистый!

— Вше наживается чистый! хорошаго чистота! Я не ушпѣлъ вжять перу, чтобы писать моего фамилья, а по книга уже лѣзетъ клопъ, чтоби узнать въ какого номеру я оштановился! Благодаримъ вамъ за этого. Я вжэ лучше другаго гоштинница буду себѣ искать!

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

	стр.
Дебютантка	5
Наемъ дачи	12
Любительскій спектакль	23
Дневникъ дамы	36
Женихъ пріѣдетъ	39
Бенефисъ М. Г. Савиной	51
Шпильгагенъ въ Петербургѣ	57
Мы подождемъ	63
Старые порядки	73
Будьте покойны	85
Родной языкъ	91
Попался	93
Артистъ	100
Винтъ	104
Завтра доложу	108
Пахнетъ	110
Свидѣтельство	114
Похороны	118
Адвоката обманули	123
Княжеское слово	132
Въ фотографіи	136
Не обманешъ	142

СТР.

Отгадалъ 146
Прошеніе 151
Больной зубъ 154
У театральной конторы 158
Въ табачномъ магазинѣ 163
Городская перепись 166
У доктора 170
Въ вагонѣ 174
Я тоже такъ называюсь 177
Армянинъ на аукціонѣ 181
Возвращеніе еврея съ Кавказа 185
У адвоката 190
Демонъ 194
Въ мировомъ судѣ 198
Леченіе электричествомъ 204
Даемъ вечеръ 209
Братъ пріѣхалъ 215
На пароходѣ 220
Моя собака 226
На телеграфѣ 232
Защита 236
Еврейская корчма 239
Экзаменъ въ еврейскомъ училищѣ 243
Пріемъ учителя 253
Убійство Коверлей 257
Хочу ѣхать въ Одессу 262
Сцены у доктора 267
Разносчикъ 271
На Одесской желѣзной дорогѣ 278
Въ Юсуповомъ саду 286
Въ мировомъ судѣ 289
Свидѣтели 294
У кассы театра 298
Благородная дама Елена Прекрасная 302
Русланъ и Людмила 305
Я думаю 311

СТР.

Узелъ 313
Почетное гражданство 317
Взятіе Шумлы 321
Взятіе Браилова 323
К. Б. Ж. Д. 324
Портной 325
Кого везъ 326
Прошеніе 327
Совѣтъ 330
Въ театрѣ 332
Выкрестился 333
Невѣрный адресъ 334
Въ вагонѣ 337
Зубъ 339
Въ цирульнѣ 341
Въ мировомъ судѣ 344
Вексель 347
Бубликъ 350
Плавай 351
Мыши 353
* * * 354
Храброе войско 355
Оплеуха 357
Утка 358
Контрабанда 360
Недовольный еврей 363
Теща 365
Прошеніе фельдшера 368
На почтовой станціи. 371
Нѣжная мать 374
Врунъ 377
Загадка 379
Совѣтъ 382
Письмо еврейки 384
Приручили 385
Въ судѣ 386

стр.

У мироваго судьи 388
Хорошее дѣло 389
Кто лучше 391
Фокусъ 394
Наслѣдство 397
Худое дѣло 399
Выпороли 402
Овесъ 403
Порокъ 404
Не туда 406
Письмо купчика 407
Саша 410
Въ деревнѣ 413
Въ классѣ 414
Фельдшеръ 419
Кадриль 421
Пѣсня 423
Въ лавкѣ 425
Храбрость 427
Поздравленіе 430
Геръ Майеръ 431
Въ театрѣ 433
На пароходѣ 434
Не вышло 435
Неудачный дебютъ 439
Удешевленный тарифъ 444
Чистоплотность 447

Карманный русско-польскій словарь, болѣе 3,000 употреби-
ьнѣйшихъ словъ съ этимологическими ихъ особенностями.
50 к.

Карманный польско-русскій словарь, болѣе 3,000 употреби-
ьнѣйшихъ словъ съ обозначеніемъ этимологическихъ осо-
ностей. Ц. 50 к.

Карманный русско-греческій словарь, болѣе 3,000 употреби-
ьнѣйшихъ словъ съ этимологическими ихъ особенностями.
35 к.

Карманный греческо-русскій словарь, болѣе 4,000 употре-
ельнѣйшихъ словъ съ этимологическими ихъ особенно-
ми. Ц. 50 к.

Карманный русско-англійскій словарь, болѣе 3,000 употреби-
ьнѣйшихъ словъ. Ц. 50 к.

Карманный англійско-русскій словарь, болѣе 3,000 употре-
ельнѣйшихъ словъ. Ц. 50 к.

Краткій русско-итальянскій словарь, болѣе 4,000 употреби-
ьнѣйшихъ словъ. Ц. 50 к.

Краткій итальянско-русскій словарь, болѣе 3,000 употреби-
ьнѣйшихъ словъ. Ц. 50 к.

Руководство для изученія игры Вистъ-винтъ. Составили Ала-
ъ и Лейтнеръ. Ц. 1 р.

Безъ исхода, романъ Станюковича. Ц. 2 р.

Домашній кефиръ. Практическое руководство къ тому,
ъ приготовлять и употреблять кефиръ. Сост. Леманъ. Ц.
к.

Ксенофонтъ. Исторія Греціи, кн. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
» » » кн. 3 и 4. Ц. 50 к.
» » » кн. 5, 6 и 7. Ц. 75 к.

Гигіеническія наставленія мужчинамъ и леченіе секретныхъ
ѣзней. Составлено докторомъ Розенблюмомъ. Ц. 1 р.

Кромѣ вышесказанныхъ книгъ магазинъ имѣетъ всѣ
вь выходящія и прежде изданныя книги. Исполненіе за-
овъ аккуратное и немедленное, высылаетъ съ наложен-
ъ платежемъ.

ЦѢНА 2 РУБ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюня 1896 года.

Типографія П. П. Сойкина. Стремянная, № 12.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Polnoe sobranie razskazov i sto
891.73 W423P
D90355590-